

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
УО «Минский государственный лингвистический университет»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ**

Сборник научных статей по итогам круглого стола

Минск, 24 декабря 2024 г.

Минск
МГЛУ
2025

УДК 81'28
ББК 81.057+81я4+95.4
А 437

Рекомендован редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2(76) от 08.05.2025.

Редакционная коллегия: кандидат педагогических наук *О. В. Железнякова* (отв. ред.); кандидат филологических наук *Т. И. Голикова*

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *Е. В. Зуевская* (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент *И. И. Ковалевская* (БГЭУ)

А 437 **Актуальные** вопросы современного переводоведения : сб. науч. ст. по итогам круглого стола, Минск, 24 дек. 2024 г. / редкол.: *О. В. Железнякова* (отв. ред.), *Т. И. Голикова*. – Минск : МГЛУ, 2025.

ISBN 978-985-28-0302-1

В сборник включены научные статьи по итогам круглого стола по актуальным вопросам современной сопоставительной лингвистики и переводоведения, проведенного 24 декабря 2024 года. В статьях представлен широкий спектр общих и частных лингвистических исследований, рассматриваются проблемы профессионально ориентированного перевода и лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации.

Предназначен для лингвистов, специалистов по межкультурной коммуникации, студентов гуманитарных специальностей.

УДК 81'28
ББК 81.057+81я4+95.4

Электронная версия издания
доступна в электронной библиотеке МГЛУ
по ссылке e-lib.mslu.by или по QR-коду

ISBN 978-985-28-0302-1

© Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», 2025

Бабосова Алеся Сергеевна
выпускник факультета межкультурных
коммуникаций
Минского государственного
лингвистического университета,
г. Минск, Беларусь

Alesya Babosova
graduate of the Faculty of Intercultural
Communication of Minsk State Linguistic
University,
Minsk, Belarus
alesyababosova44@gmail.com

СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ И ФОРЕНИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: В статье рассматриваются такие стратегии перевода русских народных сказок на английский язык, как доместикация и форенизация. К первой относится адаптация текста к ценностям и нормам культуры языка перевода, ко второй – сохранение стиля автора оригинала и национальных особенностей исходного текста без их адаптации на языке перевода. Исследование показало, что перевод народных сказок – это не только лингвистическая, но и культурная задача, требующая глубокого анализа и понимания двух культур и языков.

Ключевые слова: перевод; переводческая стратегия; русская народная сказка; доместикация; форенизация.

DOMESTICATION AND FOREIGNIZATION STRATEGIES IN THE TRANSLATION OF RUSSIAN FAIRY TALES INTO ENGLISH

Abstract: The article describes the two strategies of the translation of Russian fairy tales into English: domestication and foreignization. The first one involves adapting the text to the values and norms of the culture of the target language. The second one deals with preserving the original author's style and the national features of the source text without adapting them in the target language. The study has shown that the translation of fairy tales is not just a linguistic but a cultural task as well that requires deep analysis and understanding of the two cultures and languages.

Key words: translation; translation strategy; Russian fairy tale; domestication; foreignization.

Народные сказки – это важнейший элемент культурного и исторического наследия, передаваемого из поколения в поколение на протяжении веков. Они отражают мировосприятие народа, его представления о жизненных явлениях, мышления, идеалы, суждения о добре и зле, противостоянии светлых и темных сил. Сказки – это и особый язык как важная составляющая культурного наследия, который помогает понять окружающий мир, духовную и материальную жизнь общества.

Особая черта народных сказок – это использование оборотов живой речи, которая передает дух времени. Сказки не только раскрывают мировоззрение народа, но и дарят читателям эстетическое наслаждение. Так, русские народные сказки, обладая огромным социокультурным значением, представляют собой кладёшь художественных образов и духовного богатства нации [1].

К отличительным лингвокультурным особенностям русской народной сказки отнесем наличие традиционных образов, устойчивых и повторяющихся языковых компонентов – ключевых слов и выражений, использующихся неизменными на протяжении веков. Они легко узнаваемы и легко визуализируются, иначе, предстают перед мысленным взором в образах, передают фольклорные традиции, формируют менталитет нации. Так, в русских народных сказках часто фигурируют персонажи, связанные с нечистой силой и древними мифами: *Кощей Бессмертный* ‘Kashchei the Immortal’, *Баба-Яга* ‘Baba Yaga’, *водяной* ‘Water Spirit, Vodyanoy’,

русалка 'Mermaid, Rusalka', леший 'Forest Spirit, Leshy', домовый 'House Spirit, Domovoi' и другие персонажи из глубин народного фольклора. На противоположной, светлой стороне, находятся герои, символизирующие добро и свет: *Иван-царевич* 'Ivan Tsarevich', *Иванушка-дурачок* 'Ivan the Fool', *Василиса Премудрая* 'Vasilisa the Wise', *Василиса Прекрасная* 'Vasilisa the Beautiful', *Снегурочка* 'Snegurochka', *Морозко* 'Morozko' и другие. В их борьбе с чудовищами и злыми силами на помощь приходят волшебные существа и магические предметы, среди которых выделяются как животные и растения, так и чудесные артефакты: *ковер-самолет* 'Flying carpet', *сапоги-скороходы* 'Seven-League Boots', *скатерть-самобранка* 'Magic Tablecloth, Skatert-Samobranka', *топор-саморуб* 'Self-Chopping Axe', *живая и мертвая вода* 'Living and Dead Water', *гусли-самогуды* 'Self-Playing Gusli', *зеркальце* 'Magic Mirror', *золотое кольцо* 'Golden Ring'. Эти элементы, являясь особым пластом сказочного языка, не только придают волшебству осязаемые формы, но и воплощают в себе многовековую культурную традицию, отражая уникальность и самобытность русской культуры.

Наше исследование посвящено выявлению особенностей перевода русских народных сказок и, в частности, таким переводческим стратегиям как доместикация и форенизация.

Материалом для данного исследования послужили пять русских народных сказок, включенных в подарочное издание книги «Русские народные сказки». Это такие произведения, как «Летучий Корабль», «Никита Кожемяка», «Хаврошечка», «Сивка-бурка» и «Царевна-лягушка», а также их переводы на английский язык, выполненные англоязычным переводчиком Полом Уильямсом [2]. Анализируя тексты русских сказок, мы сконцентрировали свое внимание на двух переводческих стратегиях – доместикации и форенизации.

Доместикация предполагает адаптацию текста к ценностям и нормам культуры языка перевода. При этом текст представляется максимально «своим» для англоязычного читателя, культурные различия стираются, а исторические и культурные реалии оригинала заменяются на понятные аналоги в языке перевода. Это создает впечатление, что текст «родной», а не переведенный [3].

Противоположностью доместикации является форенизация, при которой переводчик сохраняет стиль автора оригинала и национальные особенности исходного текста, не адаптируя их под читателя на языке перевода. Реалии исходного текста сохраняются, подчеркивая культурную специфику произведения и его инаковость [3].

Для анализа были отобраны следующие категории лексических единиц: имена сказочных персонажей, реалии, передающие особенности монархического строя, градостроительства и кулинарии, традиционные единицы измерения.

В сказке «Царевна-лягушка» *Василиса Премудрая* переведена как 'Vasilisa the Wise'. В переводе на английский язык утрачена превосходная степень прилагательного, характеризующая персонаж как мудрейшую девушку в округе, а возможно и во всей сказочной вселенной. Таким же образом переводчик транслирует имя сказочного персонажа *Кощей Бессмертный* 'Kashchei the Immortal'. Характеристика персонажа представлена в трансляте прописной буквой и определенным артиклем, указывая на уникальность субъекта. Такими средствами передаются магическая способность персонажа жить вечно, его могущество и власть.

Для передачи на английский язык имен персонажей переводчик использует также стратегию форенизации. При помощи транслитерации Пол Уильямс сохраняет культурный код и русские корни имен собственных. К ним относятся следу-

ющие имена: *Катерина* ‘Katerina’, *Никита* ‘Nikita’, *Хаврошечка* ‘Khavroshechka’, *Иван* ‘Ivan’, *Василиса* ‘Vasilisa’. Имя *Сивка-бурка* ‘Sivka-Burka’ также переведено способом транслитерации, несмотря на прямую связь с вполне переводимыми характеристиками цвета лошади (*сивая*, *бурая*, в связи с чем можно было бы предложить следующие варианты перевода: ‘Grey-Brown’, ‘Silver-Roan’, ‘The Grey and Chestnut Horse’).

В анализируемых сказках обширная группа слов-реалий тематически относится к особенностям монархического строя, званиями сословиям. Главой государства на Руси является *царь* ‘the Tsar’, его спутницей жизни – *царица* ‘tsarina’, дочь – *царевна* ‘princess’. Мы наблюдаем, что для адаптации последней реалии применяется стратегия доместикации, так как вместо транскрибирования Пол Уильямс использует историческое соответствие, отчего *царская дочь* именуется так, как принято в английском высшем сословии.

Царевич – это титул сына царя, обычно наследника престола, и в русской культуре он символизирует преемственность власти, высший статус в обществе и родство с царем. Реалия указывает на особый статус и обязанности, характерные для русской монархической традиции. Перевод способом транскрипции с использованием стратегии форенизации ‘tsarevich’ сохраняет оригинальное звучание, а в общем контексте «царевич – сын царя» дает читателю представление о социальной и политической значимости данной фигуры. Сохранение реалии подчеркивает отличие системы русской монархии, где наследники престола имеют специальное наименование.

Боярин – это представитель высшего аристократического сословия в Древней Руси, обладавший значительной политической и военной властью. Бояре играли важную роль в управлении государством и были близки к царской власти, а также имели большое влияние в феодальной системе. Перевод способом транскрипции ‘boyar’ сохраняет эту историческую реалию с его специфическим значением и ассоциациями, указывая на то, что эти люди относятся к отдельному социальному сословию, которого не существовало в западноевропейских странах.

В названных сказках имеются реалии, описывающие внешний вид древнерусского города, отдельные его построения и помещения, служившие разным целям. *Слобода* – это историческое поселение ремесленников, со своим особым статусом и привилегиями в Древней Руси. Перевод ‘Leather-Workers’ settlement’ сохраняет основное значение места проживания кожевников, но не передает исторический контекст. В результате англоязычный читатель получает прямое и даже прямолинейное описание, без предоставления информации о том, что *слобода* была важным социальным и экономическим явлением в русской истории.

Людская – традиционное русское обозначение комнаты или части дома, предназначенной для слуг. Этот термин отражает особенности социального устройства и отношений в русском доме, где служащие или работники имели собственное отдельное пространство. Перевод ‘the servants’ hall’ передает общее значение ‘комната для слуг’, однако не передает коннотации реалии «людская», которая сохраняет архаичный, но при этом специфический оттенок. В русском контексте «людская» связана с культурным компонентом, подчеркивающим более строгую иерархию, отражающую уклад и структуру социального взаимодействия.

Отмечаем, что реалии русской национальной кухни передаются при помощи стратегии доместикации, что упрощает текст для англоязычного читателя, предлагая культурно-специфичные понятия представить в некоторых универсалиях. *Квашня* – это не просто тесто, или, как представлено переводчиком ‘dough’, а за-

кваска, основа для выпечки, приготовленная по особой русской технологии. В традиционной русской кухне квашня символизирует процесс приготовления хлеба, объединяя старинную кулинарную традицию и ремесло. Перевод сохраняет лишь основное значение слова «тесто», лишая читателя знаний о русском способе выпекания и закваске как важной части традиционного русского хлебопечения.

В русском языке *калач* – это традиционный вид хлеба, часто выпекается в особой, характерной для русской культуры форме (в виде кольца или в форме замка с дужкой), весьма популярный в русской кухне и по настоящее время и имеющий культурное значение. В русской культуре калач является символом гостеприимства и изобилия. Перевод ‘bread’ упрощает смысл до обобщенного понятия хлеба, лишая его традиционного символизма и культурной уникальности. Доместикация здесь упрощает текст для понимания, скрывая при этом форму и символику готового блюда.

Перевод мер традиционного русского измерения, таких как *верста* ‘verst’ и *пуд* ‘pood’, с использованием стратегии форенизации сохраняет русские единицы измерения, использование которых придает тексту исторический и культурный колорит.

Верста – это русская единица длины, примерно равная 1,07 километра. В русской литературе верста не только имеет значение конкретного измерения, но также ассоциируется с российскими просторами и характером пути, особенно в контексте деревенской и дорожной тематики. Используется, в том числе, и в пословицах: «За семь верст ходить киселя хлебать», значит, проделывать далекий ненужный путь за призрачной целью. В сказке «Летучий корабль» перевод способом транслитерации ‘verst’ сохраняет оригинальную единицу в тексте перевода, что помогает передать атмосферу русских расстояний, не сводя понятие к стандартным метрическим или англосаксонским единицам измерения расстояния. Это позволяет англоязычному читателю ощутить специфику российского масштаба и исторической реальности. Для улучшения понимания переводчик делает сноску: *Verst – an old Russian measure of distance, just over a kilometre or almost two-thirds of a mile.

Пуд – это русская единица массы, примерно равная 16,38 килограмма. Пуд широко использовался в русской системе мер веса, особенно в сельском хозяйстве, военном деле и торговле, и имеет определенное символическое значение, связанное с тяжелой физической работой и объемами производства. Часто говорят «нужно пуд соли съесть», т. е. затратить много времени, прежде чем добьешься какого-то результата. Вариант ‘pood’ в сказке «Никита Кожемяка» сохраняет то же значение, что дает читателю представление о культурной значимости реалии.

Таким образом, выполненное исследование показало, что стратегия доместикации выбрана Полом Уильямсом в 146 случаях (72%), что составляет более половины примеров. Форенизация применялась в 49 случаях (24%), а комбинированное использование стратегий – в 8 случаях (4%). Преобладание доместикации указывает на стремление представить текст в более доступном виде и сделать его понятным для англоязычного читателя, сохранив при этом сказочную структуру. Стратегия форенизации используется для передачи культурных и исторических особенностей текста, в частности, в именах персонажей и единицах измерения, что сохраняет оригинальный дух произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брилева, И. С. Зооморфные образы / И. С. Брилева, И. В. Захаренко // Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь. – М., 2004. – С. 57–177.
2. Russian Fairy-Tales : Palekh, Mstiora, Kholui = Русские народные сказки : живопись Палеха, Мстёры, Холуя [Изоматериал] : альбом на англ. яз. – СПб. : Медный всадник, 2014. – 160 с.
3. Venuti, L. The Translator’s Invisibility / L. Venuti. – London ; New York : Routledge, 1995. – 365 p.

Водейго Полина Юрьевна
Петрозаводский государственный
университет
г. Петрозаводск, Россия
Гильди Александра Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный
университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Polina Vodeigo
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
polina.vodeigo@yandex.ru
Alexandra Gildi
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
agildi@mail.ru

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Аннотация: В данной статье рассматривается явление безэквивалентной, или лакунарной лексики, представляющей один из проблемных аспектов переводоведения. Авторы предлагают общий сравнительный обзор основных способов ее интерпретации при переводе с одного языка на другой с акцентированием их преимуществ и недостатков.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, перевод, лакуна, способ, интерпретация, значение

ON THE PROBLEMS OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY INTERPRETING

Abstract: This article regards the phenomenon of non-equivalent, or lacunary vocabulary, which is one of the problematic aspects of translation studies. The authors offer a general comparative review of the main methods of its interpretation when translating from one language to another, emphasizing their advantages and disadvantages.

Key words: non-equivalent vocabulary, translation, lacuna, way, interpreting, meaning

Как известно, в процессе перевода с одного языка на другой зачастую выявляются определенные и вполне закономерные расхождения в области лексического состава грамматического строя. В этой связи значительные сложности представляет безэквивалентная, или лакунарная лексика, т. е. иноязычные слова и словосочетания, обозначающие предметы, процессы и иные реалии жизни, которые на данном этапе не имеют эквивалентов в языке перевода. Нетрудно предположить, что полная невозможность найти какое бы то ни было соответствие слову иностранного языка встречается относительно редко: в большинстве случаев можно говорить о частичной, относительной лексической безэквивалентности [6].

Вполне очевидно, что при всей серьезности проблемы лакунарной лексики, в переводоведении существуют множественные способы ее решения. Одним из них является **транслитерация** как заимствование иностранного слова, которое на письме отображается буквами языка перевода, а в устной речи произносится согласно произносительным навыкам переводного языка. Как известно, немало слов, образованным этим методом, прочно вошло в язык перевода. Так, из немецкого в русский язык вошли такие слова, как *штрейкбрехер* (*Streikbrecher*), *рейсфедер* (*Reissfeder*) и многие другие слова, а из английского – почти вся компьютерная терминология [5, с. 176].

По мнению некоторых исследователей, наряду с полной транслитерацией может использоваться и частичная. При этом иностранное слово не переносится целиком в неизменном виде в русский язык, а транслитерируется лишь его основная знаменательная часть, к которой присоединяются словообразовательные суффиксы русского языка, например: *programmer* – *программист*, *analyst* – *аналитик*, *der*

Gestapomann – *гестаповец* и т. п. [3, с. 119]. Вполне очевидно, что далеко не всегда перевод с помощью транслитерации и последующее введение слова, созданного этим способом, в речевой обиход являются необходимыми и оправданным. Ведь заимствованные слова, уже имеющие устоявшиеся аналоги в языке, в какой-то мере засоряют переводящий язык.

Примерами могут служить такие «излишние» заимствования, как: *транспортный* (прозрачный), *ритейлер* (розничная торговая сеть), *перманентный* (постоянный), *продолжить* (продлить), *масс медиа* (СМИ), *реплика* (точная копия) и др. [4, с. 127-128].

В то же время, транслитерация бывает необходима в тех случаях, когда важно соблюсти лексическую краткость обозначения, соответствующего его привычности в языке оригинала, и вместе с тем подчеркнуть специфичность называемой вещи или понятия, если нет точного соответствия в языке перевода [6]. Достоинством ее как способа перевода безэквивалентной лексики является определенная надежность: транслитерируя слово, обозначающее новое, малознакомое, еще недостаточно изученное явление, переводчик по сути дела передает лишь его «звуковую оболочку», при этом содержательная сторона слова раскрывается только через контекст. Тем самым переводчик не стоит перед опасностью толкования нового понятия, равно как и неверной его интерпретации.

Примерами адекватных транслитерационных заимствований могут служить такие ЛЕ, как: *шатдаун* (англ. *shutdown*) – закрытие различных государственных учреждений и служб в США, не считающихся жизненно важными; *локаут* (англ. *lock out*) – временная остановка работы (или существенное сокращение объемов производства) предприятия работодателем с прекращением выплаты зарплаты, с целью оказания давления на работников (аналог забастовки, но со стороны работодателя, а не работников); *блэкаут* (англ. *blackout*) – нарушение нормального режима работы энергетической системы, связанное с повреждением оборудования или перерывом в электроснабжении потребителей; *трейд-ин* (англ. *trade-in*) – покупка, при которой старый товар, бывший в употреблении, сдаётся покупателем в счет оплаты нового, аналогичного товара; *тауншип* (англ. *township*) – административно-территориальная единица в некоторых штатах, представляющая собой поселение с прилегающими к нему территориями, наделенное правами местного самоуправления и др. [1, с. 183-189]. Вполне очевидно, что определенным недостатком транслитерации является то, что механическая передача безэквивалентного слова неспособна достаточно точно и полно раскрыть содержание нового понятия, которое может либо остаться вообще непонятным для многих получателей текста, либо быть лишь весьма приблизительно понятым из контекста. Это можно компенсировать примечаниями переводчика, помещаемыми в скобках или выносимыми в сноски, например: *Richtfest* – *пихтфест* (традиционный праздник немецких строителей по случаю завершения сооружения кровли дома) [3, с. 94]. В данном случае как бы одновременно используются два способа передачи безэквивалентной лексики: транслитерация и описательный перевод.

Еще одним способом интерпретации безэквивалентной лексики является **калькирование**, обычно понимаемое как перевод по частям иноязычного слова (сложного или производного) или сочетания слов с последующим сложением переведенных элементов воедино [6]. Таким образом, составные ча-

сти безэквивалентного слова или словосочетания заменяются их буквальными соответствиями на языке перевода, например: *skyscraper* – небоскреб, *road map* – дорожная карта (перспективный план), *challenges* – вызовы (проблемы), *Dienstwagen* – служебная автомашина и т. д. [4, с. 136-142]. Причем в зависимости от точности перевода иностранного слова кальки подразделяются на точные, полукальки и модифицированные кальки. Так, точная калька образуется в результате буквального пословного перевода иностранного слова, например: *European Union* – Европейский союз, *Betriebsrat* – производственный совет и т. д. [4, с. 134]. Полукальки же есть ничто иное, как заимствованные новые слова или устойчивые словосочетания, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова, например: *путь на брудершафт* (от нем. *Bruderschaft*), *здание бундестага* (*Bundeshaus*) и др. [].

Некоторые исследователи выделяют также модифицированные кальки, которые образуются по модели терминологического словосочетания иностранного языка, но в отличие от последнего допускают некоторые количественные или качественные изменения [2]. Причиной их использования является то, что в силу определенных традиций, привычек, и, наконец, просто норм, принятых в данном языке, переводящий язык не может принять какой-либо точной копии оригинала. В идеале калька должна удовлетворять требованиям достаточной эксплицитности и соответствия языковой норме.

Описательный (разъяснительный) перевод как способ передачи безэквивалентной лексики, заключается в раскрытии значения исходной единицы с помощью развернутого описания (в словосочетаниях и фразах), например, *das Mitbestimmungsrecht* – право трудящихся принимать участие в управлении предприятием; *boustrophedonically* – переходя к следующей строке попеременно справа налево и слева направо; *Obamacare (Patient Protection and Affordable Care Act, Affordable Care Act)* – реформа здравоохранения и защиты пациентов, проводимая по инициативе президента США Барака Обамы и т. д. [5, с. 87-89]. Значительное достоинство этого способа перевода состоит в возможности полного раскрытия сути того или иного понятия, однако основной его недостаток – это определенная громоздкость. Описательный перевод может использоваться одновременно с другими способами передачи безэквивалентной лексики. Так, например, если в исходном тексте несколько раз встречается слово *shutdown*, то в первый раз его можно передать способом транслитерации - *шатдаун*, снабдив примечанием, а затем уже употреблять только наименование, созданное путем транслитерации [5, с. 92]. В отличие от других, описанных выше способов передачи безэквивалентной лексики, носящих более или менее механический характер, описательный перевод требует от переводчика глубокого проникновения в суть описываемых явлений, глубокого знания реалий.

Что касается **приближенного (уподобляющего) перевода**, то он представляет способ передачи безэквивалентной лексики, при котором для обозначения иностранной реалии в языке перевода подыскивается понятие, хоть и не совпадающее с исходным, но имеющее с ним значительное семантическое сходство и в известной мере способное раскрыть для получателя перевода суть описываемого явления [4]. Достоинством его является определенная доходчивость: получатель перевода имеет дело с привычными, хорошо ему знакомыми поняти-

ями. Однако, в то же время, этот способ передачи безэквивалентной лексики всегда связан с определенной опасностью, проистекающей из самой сущности этого способа, в основе которого лежит замена исходного понятия его весьма приблизительным соответствием, поэтому пользоваться им нужно очень осторожно. Прибегая к приближенному переводу, переводчик очень хорошо должен знать суть описываемого явления, учитывать контекст, функцию текста и, исходя из этого, решить, допустимы ли те отклонения в содержании, которые неизбежно связаны с приближенным переводом [3]. Следует также помнить о том, что в значении слова, помимо денотативного компонента могут содержаться различные коннотации, к примеру, такие, как соотнесенность с определенной географической или социальной средой, эпохой и т. д. В противном случае неизбежна культурно-национальная ассимиляция. Так, например, нельзя считать идентичными *Санта-Клауса* (англ. *Santa Claus*), *святого Николая* (нем. *Heiliger Nikolaus*) и *Деда Мороза*, хотя в ряде случаев они вполне могут заменить друг друга при переводе [2, с. 94].

Еще одним приемом перевода безэквивалентной лексики является **создание нового термина**, что отличается от калькирования отсутствием этимологической связи с оригинальным словом [1, с. 145]. При создании неологизма переводчик может использовать уже имеющиеся лексические и морфологические элементы. В качестве иллюстрации можно привести слово *вертолет*, которое заменило иностранный термин *геликоптер*, заимствованный из французского языка (фр. *hélicoptère*) в конце XIX в. Авторство слова *вертолёт* (от слов: *вертится* и *летает*) принадлежит советскому авиаконструктору, создателю вертолётов Н. Камову. Новое слово сначала прижилось как синоним слова *геликоптер*, а в конце 40-х гг. XX в. полностью заменило его [3, с. 123]. Недостаток этого способа перевода заключается в том, что придуманный термин может не прижиться в переводящем языке. Таким образом, каждый из описанных способов перевода безэквивалентной лексики имеет как достоинства, так и недостатки. Какой из способов использовать в каждом конкретном случае, следует решать исходя из контекста. Необходимо иметь в виду возможность комбинации различных способов передачи безэквивалентной лексики, например, калька + описательный перевод или транслитерация + описательный, разъяснительный переводы + прием генерализации. В последнем случае прием генерализации с опущением специфической части исходного содержания допустим только в том случае, если речь идет о второстепенных деталях. В целом, способы перевода безэквивалентной лексики нельзя отнести ни к подстановкам, ни к трансформациям. Их следует рассматривать как отдельную специфическую группу переводческих приемов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С. И., Флорин, С. П. Непере译имое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – Москва: Высшая школа, 1986. –287с.
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – Москва: Высшая школа, 2007. – 544 с.
3. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – Москва, 1976. – 192 с.
4. Латышев, Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – Москва: Высшая школа, 2005. – 320 с.
5. Тюленев, С. В. Теория перевода / С.В. Тюленев. – Москва: Гардарики, 2004. –267с.
6. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. –Москва: Наука, 2002. – 416 с.

Вострикова Алеся Романовна
МОУ «Средняя школа №8 имени
Н. Г. Варламова» г. Петрозаводск, Россия

Alesya Vostrikova
MOU "Secondary school № 8 named after
N. G. Varlamov" Petrozavodsk, Russia
alesya.gurova@yandex.ru

Гильди Александра Дмитриевна
Санкт-Петербургский государственный
университет
г. Санкт-Петербург, Россия

Alexandra Gildi
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
agildi@mail.ru

О ПРОБЛЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Аннотация: В данной статье рассматриваются так называемые «ложные друзья», или псевдоэквиваленты, представляющие проблемный аспект переводоведения. В этой связи авторы предлагают общий обзор историко-лингвистических и социально-политических предпосылок данного явления, делая акцент на его дифференциальных признаках и особенностях функциональных проявлений.

Ключевые слова: ложный, перевод, семантика, расхождение, слово, язык, интернациональный

ON THE PROBLEM OF SO CALLED «FALSE FRIENDS» IN TRANSLATING

Abstract: This article regards so called false friends, or pseudo-equivalents, which present a problematic aspect in translating. In this connection the authors offer a general review of this phenomenon historical-linguistic and social-political premises, accentuating some specific differential features and particular functional manifestations.

Key words: false, translating, semantic, discrepancy, word, language, international

Как известно, перевод как научная область имеет долгую историю, восходя корнями к доисторическим временам. Именно тогда индоевропейский праязык начал распадаться на отдельные варианты и возникла необходимость в людях, способных выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин. Тем не менее, в самостоятельную научную дисциплину переводоведение оформилось лишь в начале XX в. [3]. В условиях расширения международных связей и обмена информацией оно развивалось довольно бурно и стремительно, постепенно превращаясь в научную дисциплину со своей теоретической базой, терминологией и концептуальным аппаратом. Представляя широкую область для междисциплинарных исследований, перевод охватывает целый ряд явлений и терминопонятий, имеющих довольно спорный статус в языковедческой теории [4]. Одним из них является категория так называемых «ложных друзей», или псевдоэквивалентов, к которой относятся лексические единицы (ЛЕ) сходного вида, частично совпадающие по значению и употреблению, межъязыковые омонимы и паронимы. Именно эти элементы, характеризующиеся сходной звуковой (или графической) формой, имеют фактические различия в концептуальном наполнении, денотативном значении, стилистических, эмоционально-экспрессивных и оценочных коннотациях, а, соответственно, в общем объеме семантики, равно как и в лексической совместимости, соотносительности с теми или иными конкретными реалиями. Само название слов этой группы является ничем иным, как калькой с французского языка: *faux amis d'un traducteur*, появившейся впервые в начале прошлого века в работах исследователей М. Кесслера и Ж. Дерокиньи [2]. Однако, как отмечают

многие лингвисты, с того времени в разных языках возникло множество других их обозначений. Например, в русском языке существуют такие номинации, как: *ложные эквиваленты, межъязыковые омонимы, межъязыковые аналогизмы, псевдоинтернационализмы, псевдоэквивалентные пары слов, асимметричные диалексемы* и т. д.; во французском языке: *pièges, traquéards, épines, trahisons, mots perfides*, etc.; в английском языке: *false friends, pseudoequivalents, traps, treacherous words, dialectemes*, etc. [5, с. 124–126].

Несмотря на то, что так называемые «ложные друзья», или псевдоэквиваленты, уже давно привлекают внимание многих специалистов в области перевода и преподавания иностранных языков как проблемное, широко встречаемое в речи явление со сложным генезисом, детальное их исследование в теории языкознания до сих пор отсутствуют, что приводит к значительным концептуальным разночтениям. В то же время, актуальность самой проблематики не вызывает сомнений, поскольку практически каждый переводчик сталкивается с проблемой ложного отождествления отдельных элементов иностранного и родного языков в своей профессиональной деятельности. Исторически многие из слов этой группы являются результатом тех или иных взаимовлияний, а в некоторых случаях могут возникать в результате случайных совпадений, межъязыковых контактов, при заимствовании какой-либо парой языков ЛЕ из третьего языка, например, русские слова: *абажур, абордаж, авангард, авиация* и др., заимствованные из французского языка; *аврал, автокар, акваланг* и др. – из английского, *абзац, автобус, аксельбант, альпеншток* – из немецкого, *автострада, адажио, акварель* – из итальянского, *адмирал* – из голландского, *автор* – из польского, *алыча* – из турецкого и др. [3, с. 67-73]. Кроме того, данное явление во многом обязано существованию так называемой межъязыковой лексико-семантической асимметрии.

Как известно, многие европейские языки при обозначении новых понятий, возникающих в связи с развитием общественных отношений, науки и техники, широко использовали слова, заимствованные из греко-латинского фонда, что приводило к существованию множественных межъязыковых лексико-семантических параллелей, например: *agression* (англ.), *agression* (фр.), *Aggression* (нем.), *agression* (исп.), *aggressio* (лат.), *agresiune* (рум.), *aggressione* (ит.), *агрессия* (рус.) и др.; *amphibie* (фр.), *амфибия* (рус.), *Amphibie* (нем.), *anfíbio* (исп.), *amfibiu* (рум.), *Amphibios* (греч.), *amphibian* (англ.) и др. [3, с. 167-172]. Однако постоянно происходившие в их лексических системах изменения в сторону сужения либо расширения семантики постепенно приводили к последующей утрате взаимной эквивалентности многими ЛЕ с общей генетической основой. Так, например, английское слово *artist* уже давно означает «художник», а французское *artiste* – «актер», испанское *artista* – «человек искусства, деятель искусства, художник вообще», немецкое *Artist* – «артист цирка или эстрады», в то время как русское *артист* имеет обобщенное значение «актер любого вида театра» [7, с. 187-190]. Такими же неоднозначными семантически представляются в настоящее время ЛЕ: *ignorer* (франц.) – «не знать и игнорировать» (сознательно не обращать внимание на что-либо); *regular* (англ.) – «точный, равномерный, правильный, верный, истинный, справедливый» (и ряд других значений); *регулярный* (рус.), употребляемое только в первых трех из указанных значений [5, с. 156-159].

Данные проведенного нами анализа практического материала показывают, что наибольшее количество ложных отождествлений возникает при переводе международной (общественно-политической) лексики, имеющей греко-латинскую ко-

ренную основу. Так, возьмем для примера несколько словосочетаний из разных языков, довольно часто фигурирующих в переводной литературе: французское *le secrétaire d'Etat* и английское *Secretary of State*. И то, и другое содержат интернациональное слово *secretary* и нередко переводятся на русский язык одинаково с помощью кальки – «государственный секретарь». Тем не менее, американский *Secretary of State* – это «министр иностранных дел», *Secretary of State for Defense* – «министр Обороны», а *Secretary of State for Education* – «министр образования». Это так называемые главные министры «высшей категории», управляющие государственной политикой. В то же время, французский *le secrétaire d'Etat* – это всего лишь «заместитель министра» [1, с. 127-130]. Слова *faculty* (англ.); *faculté* (франц.), благодаря внешнему сходству и созвучию с известным русским словом ассоциируются в нашем сознании со значением «факультет», «преподавательский состав», в то время как первое их значение – «возможность, способность, свойство, дарование»; слова *institution* (англ.); *l'institution* (франц.) зачастую даются в переводах в значении «институт», в то время как в действительности их основное значение – «учреждение», «заведение», «(сиротский) приют» [5, с. 47].

Еще одним примером подобных псевдоэквивалентов может служить лексическая пара: *absentéisme* (франц.) – «невыход на работу, непосещаемость занятий; неучастие избранных представителей власти в работе заседаний» и *абсентеизм* (рус.) как «сознательное бойкотирование избирателями выборов, отказ, уклонение от участия в них». В то же время, истинными переводными эквивалентами будут соответственно *abstentionnisme* (électorale) и *неявка, прогул* [6, с. 136]. Частичная псевдоэквивалентность имеет место как результат незначительных нюансов в семантике таких интернациональных политических терминов, как: французское *putsch* – «военный государственный переворот, внезапная атака, совершенная вооруженной политической группой с целью захвата власти и/или смены режима (не обязательно с высокой степенью социальной мобилизации)» и русское *путч* – «государственный переворот, совершенный группой заговорщиков, а также попытка подобного переворота (в некоторых источниках характеризуемая как авантюристическая)». В данном случае истинными переводными эквивалентами русскоязычной ЛЕ могут быть такие слова и сочетания, как: *émeute, coup de main, coup d'État, pronunciamiento* и т. д. Подобный пример частичной псевдоэквивалентности представлен и однокорневой терминологической парой: *abolition* (франц.) – «отмена, прекращение, устранение, ликвидация, уничтожение в целом» и *аболиция* (рус.) – «отмена закона, решения в целом и официальное опровержение клеветы, прекращение уголовного дела при недоказанности вины юридически в частности» [6, с. 135].

Вполне очевидно, что причиной возможных ошибочных трактовок в данном случае является именно сходство внешней фонетико-графической формы слов и словосочетаний. Ведь переводчик далеко не всегда вдумывается в фактические смысловые различия и часто употребляет по стандарту одну и ту же кальку для обозначения различных денотатов. Тем не менее, поскольку многие так называемые международные слова могут иметь по несколько значений, при переводе следует исходить из общего содержания мысли, заключенной в том или ином данном предложении, равно как и из стиля, жанра и общего содержания переводимого текста. К тому же, сам социально-политический дискурс как профессиональная сфера функционирования политических терминов постоянно претерпевает качественные изменения: на практике допускается размытие стилевых границ, появляется боль-

шое количество окказиональных слов, прямых заимствований для номинации новых явлений, что приводит к терминологической путанице. Причем, как показывает переводческая практика, имеющиеся в доступе лексические, этимологические, толковые словари далеко не всегда помогают дифференцировать имеющиеся нюансы значений тех или иных ЛЕ, терминопонятий, особенно если речь идет о полисемантической лексике, являясь зачастую ничем иным, как сборниками своеобразных, нередко весьма ценных, но порой случайных комментариев к имеющимся случаям лексико-семантических расхождений [2]. Нетрудно предположить, что это связано с общими проблемами современной лексикографии: отсутствием единой структуры словарных статей, критериев отбора самих ЛЕ и экстралингвистической информации, а также возможными их избыточностью либо недостаточностью, излишним упорядочиванием системы значений и др. В этой связи оптимальным средством решения проблемы представляется, на наш взгляд, создание специализированных словарей полных и частичных псевдоэквивалентов, с возможностью включения в них дополнительной информации, языковедческих комментариев, дающих полное описание всех значений, свойственных каждому слову, а также отражающих его стилистические, эмоционально-экспрессивные, важнейшие грамматические характеристики и лексическую сочетаемость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова, Л.И. Ложные друзья переводчика / Л.И. Борисова. – Москва: Наука, 2002. – 212 с.
2. Гарбовский, Н.К. Теория перевода / Н.К. Гарбовский. – Москва: Высшая школа, 2007. – 544 с.
3. Крупнов, В.Н. В творческой лаборатории переводчика. – Москва, 1976 – 192 с.
4. Красоткина Е.Ю. Ложные друзья переводчика / Е.Ю. Красоткина // International scientific review. – Москва, 2015. – № 7 (8) – С.45-49.
5. Латышев, Л.К. Технология перевода / Л.К. Латышев. – Москва: Высшая школа, 2005. – 320 с.
6. Томилова, А. И., Сандалова, Н. В. Псевдоэквивалентность политических терминов русского и французского языков / А.И. Томилова, Н.В. Сандалова // Политическая лингвистика – Москва, 2024. – № 3 (105). – С. 132–140.
7. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода / А.В. Федоров. –Москва: Наука, 2002. – 416 с.

Гриценко Виталий Николаевич
МОУ «Державинский лицей»
Петрозаводский
государственный университет
г. Петрозаводск, Россия

Vitaly Gritsenko
Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russia
quackdumduck@gmail.com

КРУЧСКИЙ (БААЗДУЛ КРОТОЛЬ) КАК НОВЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

Аннотация: В статье рассматривается искусственный язык, называемый *Кручским* или *БааздулКротоль* (слово *бааздул* «язык» происходит от слова *bazda* «располагать», а слово *Кротоль* (*Krozol'*) происходит от слова *kroozo* «дух»). Это система агглютинативного строя, имеющая уникальные морфологические особенности и лексический фонд из 5000 слов. В Кручском языке используются три системы письма: собственная письменность, латиница и кириллица.

Ключевые слова: лингвопроектирование, искусственный язык, посредник, система, агглютинативный

CROOTCH (BAASDUL KROROL) AS A NEW INTERMEDIATE LANGUAGE

Abstract: The article analyzes the artificial language named *Crootch*, or *BaazdulKrotol'* (the word *baazdul* «language» originates from *bazda* «dispose», and *Krotol'*) comes from the word *kroozo* "spirit"). It is an agglutinative type system, having some unique morphological feature and a dictionary of about 5000 words. Three writing systems are used in *Crootch* language: its own script, Latin and Cyrillic.

Key words: linguo-projecting, constructed language, intermediate, system, agglutinative

Как известно, помимо естественных языков, в мире существует множество (более 1000) искусственных языков, как широко, так и малоизвестных, созданных людьми для каких-либо целей: иллюстрирования философских концепций, художественных произведений, оптимизации международного общения и др. За свою тысячелетнюю историю лингвопроектирование как языковедческое направление прошло несколько этапов [1].

Первый этап охватывает ранние эксперименты в области создания искусственных языковых систем: языки этого времени нельзя назвать полноценными, так как они представляют собой скорее списки слов, чем комплектные знаковые системы. Таким является, например, язык *Lingua ignota*, дошедший до нас в виде перечня слов с переводом [2]. Второй этап истории лингвопроектирования можно назвать переломным: в XVII-XVIII вв. была широко распространена идея безупречного языка, которую пытались воплотить посредством проектов, основывающихся на философских концепциях и логических законах, понятных для любого человека. Примером такого языка служит аUI; в нём с помощью сочетания отдельных символов можно зашифровать те или иные явления: например, буква *-o-* означает «жизнь», *-s-* означает «вещь», а сочетание *-os-* означает «животное» [3]. С течением времени люди постепенно отказались от идеи создать безупречный язык; вместо этого, была поставлена цель разработать язык для международного общения. Именно в это время появились такие искусственные языки, как эсперанто и волапюк, использующие уже существующую лексику и грамматику естественных языков, что делает их изучение довольно легким. Первым по-настоящему международным языком стал волапюк,

созданный в 1879 г., но самым успешным языком международного общения считается эсперанто, созданный в 1887 г., имеющий в основе лексику европейских языков, обладающий очень простой грамматикой и имеющий своих носителей [4].

В 20-х годах XX в. искусственные языки достигли пика своей популярности, однако преследования эсперантистов в Советском Союзе и Германии отрицательно сказались на их судьбе. События первой половины XX в. вызвали кризис в лингвопроектировании, продлившийся вплоть до 50-х гг. [3]. Помимо языков, используемых во всем мире, предпринимались также попытки создать язык для общения родственных народов – для славян, германцев, носителей романских языков. Первыми в этом преуспели в XVI в. иезуиты в Южной Америке со своим лингвагераль, на котором общались между собой индейцы разных племён и европейцы-колонизаторы [4].

Сегодня, в век развития интернета и компьютерных технологий, учёные всё ещё занимаются разработкой вспомогательных и логических языков. Причем распространение интернета положительно повлияло на лингвопроектирование, так как искусственные языки стали доступнее, начала развиваться виртуальная языковая среда. Искусственный язык токипона, например, не относится к языкам международного общения и известен, главным образом, пользователям интернета. Созданный в 2001 г., он является одним из самых простых искусственных языков [5].

На сегодняшний день, однако, многие проблемы, связанные с доступностью изучения и практичностью использования искусственных языков в повседневном общении, остаются нерешёнными. Это объясняется тем, что такие языки не являются частью человеческой природы и культуры, поэтому не все люди готовы принять их в качестве языков общения, а также с тем, что лексика искусственных языков ограничена и не может в полной мере заменить человеку родной словарный фонд.

Говоря о Кручком языке, необходимо отметить, что он является агглютинативным по строю и обладает довольно сложной грамматикой. Большая часть его лексики, в отличие от многих других искусственных языков, является оригинальной, однако имеется некоторое количество корней, взятых из баскского языка как единственного изолята в индоевропейской макросемье. Для записи в нем используется несколько систем письма. Цель проектирования языка – во многом эстетическая, так как автор намеревался создать такой язык, который был бы для него безупречным по звучанию. Кручком язык прошёл длинный путь – от совсем простого по строю, с отсутствием падежей, наличием лишь трех глагольных времен, до сегодняшнего усовершенствованного варианта, обладающего сложной грамматической системой и графикой. Само название языка *БааздулКротоль* означает буквально «язык духов». Слово *бааздул* «язык» происходит от корня *-баз-* «располагать», потому что человек всегда придаёт артикуляционным органам во рту определённое положение, когда произносит слова. Слово *Кротоль/Крозоль* происходит от слова *кроозо* «дух». Представителя народа, для которого кручком язык является родным языком, по замыслу создателя, в самом кручком языке называют *кротак*, или *кротак*, что состоит из частей *крот-* / *кроз-* «дух» и *-ак* «оставаться на месте, находиться», т. е. буквально «то, где находится дух». В культуре этого народа духи отвечают не только за какие-то явления природы, как дождь, огонь и т. п., но также и за эмоции, переживания и чувства – так, например, дух, отвечающий за огонь, отвечает также за желание чего-либо; исходя из вышесказанного, *кротак* – то, где дух может воплотить то, за что отвечает, именно поэтому представителей народа называют буквально «тем (душу), где обитает дух (умение чувствовать)».

Системы письма, принятые в кручском языке – в нем приняты три системы: латиница, кириллица и собственное письмо, которое было создано ещё до самого языка (включает 31 букву и несколько дополнительных знаков для записи заимствованных слов). Письменность, основанная на латинице, включает следующие буквы, диграфы и триграфы:

a – /a/ aa – /a:/
b – /b/ ch – /tʃ/
c – /ts/ d – /d/
dz – /dz/ dd – /d:/
f – /f/ g – /g/
e – /ε/ ee – /ε:/
ye – /je/ k – /k/
kk – /k:/ l – /l/
l' – /lʲ/ ll – /l/
o – /o/ oo – /o:/
u – /u/ uu – /u:/
p – /p/ rh – /r/
r – /r/ rr – /r:/
s – /s/ ss – /s:/
sh – /ʃ/ ś – /ɕ/
kh – /x/ khl – /xʲ/
t – /t/ tt – /t:/
m – /m/ n – /n/
n' – /ɲ/ nn – /n:/
y – /j/ i – /i, j/
ii – /i:/ v – /v/
vv – /v:/ z – /z/
zh – /ʒ/ j – /dʒ/
' – /ʎ/

Кириллические соответствия латинских символов:

a – aaa – aa
б – bч – ch
ц – cd – d
дд – ddдз – dz
ф – fr – g
э – eээ – ee
ее – уек – k
кк – kкл – l
ль – l'лл – ll
о – ооо – oo
у – ууу – uu
п – p' или рә – rh
р – rpp – rr
с – scc – ss
щ – ś ш – sh
х – khхл или л – khl
т – ttt – tt
м – mn – n

нн – ппнь – п'
й – уи – і
ии – іів – v
вв – vvз – z
ж – zhдж – j
ë – уоя – уа
ь – '

Особенности фонетического строя

Фонетическая система круцкого языка имеет характерные особенности как вокализме, так и в консонантизме. Вокалическая подсистема круцкого языка включает пять гласных фонем -[a], [i], [o], [u], [ε]-, которые могут быть краткими и долгими, хотя долгота крайне редко бывает смыслоразличительной. В отличие от русского языка, гласный [i] не всегда смягчает следующий согласный, например: согласные [k] и [s] никогда не смягчаются после этого гласного звука.

Гармонии гласных звуков, свойственной некоторым агглютинативным языкам, круцкий язык не имеет. Два идущих подряд гласных звука могут разделяться гортанной смычкой, для этого в кириллической записи используется ь, а при записи латиницей –апостроф. Гласные никогда не редуцируются, должны произноситься очень чётко. Подсистема консонантизма отличается наличием довольно большого количества согласных, которые никогда не оглушаются.

Из звуков, отсутствующих в русском, есть фонемы [tʃ](произносится твёрже, чем в русском); [l] (произносится средне между твёрдым и мягким л); два разных дрожащих согласных, один из которых одноударный, а второй многоударный и произносится звонче, чем в русском; звук [x] произносится намного звонче, чем в русском; глухой альвеолярный латеральный спирант [ɬ]; а также геминированные (долгие) согласные, которые иногда могут изменять значение слова, например: *тайзэда* «запрещать» – *тайзэдда* «не запрещать».

Некоторые согласные отличаются по твёрдости и мягкости, причём стоит отметить, что мягкий [lʲ] произносится твёрже, чем в русском. Все согласные звучат долго в конце предложения. Ударение в круцком языке неустойчивое и подвижное, его нужно заучивать вместе со словом: *румиг* [rumig] – *румигач* [rum'igatʃ]. Иногда ударение может быть смыслоразличительным: *цахэй'у* с ударением на втором слове «душа» – *цахэй'уу* с ударением на третьем слове «души (родительный падеж)».

Морфологические особенности. Система существительного

Круцкому существительному свойственны категории: рода (одушевлённый и неодушевлённый), числа (3 числа) и падежа (26 падежей).

Род (одушевлённый и неодушевлённый) влияет лишь на то, какие местоимения используются по отношению к одушевленному/местоимению, а также на то, может ли действие существительного быть возвратным. В круцком языке некоторые существительные, считающиеся неодушевлёнными в русском, являются одушевлёнными – например, слово «дождь» может совершать возвратное действие: *Хулаэотомузаду* «Дождь начался», сравните с *Тонола эн бауца-до вэтомуза* «Урок начинается в два (часа)» (буквально: «Урок есть в два начатый»); что же касается местоимения, то со словом «дождь» используется местоимение «оно» (*ин*), но если точно известен пол одушевлённого существительного, то используются местоимения *руй* «он» и *эйва* «она» – например, *Эйлунг-ёнтойвамьёкэ, нруйкииско* «У моей сестры есть кот, он молодой».

Число– чисел в кручском языке три – единственное, множественное и число, выражающее значение «все без исключения». Третье число используется довольно редко и только в именительном падеже. Окончания множественного числа *–ч*, если слово заканчивается на гласный, и *-ач*, если на согласный, третье число имеет окончания *-чи* и *-ачи*; если слово заканчивается на *-х /-ха*, тогда окончания– *-аи / -и* и *-аиш*; *мьёк*«кот» –*мьёкач* «коты» –*мьёкачи*«все без исключения коты», *аца*«палец» — *ацач*«пальцы» –*ацачи*«все без исключения пальцы», *вэх*«лицо» – *вэхаиш*«лица»–*вэхаиши*«все без исключения лица».

Падеж– в именной системе имеются именительный, винительный, родительный, дательный, творительный, падеж со значением «о ком-то, о чём-то», совместный, инессив, два падежа со значением «позади», продольный, два падежа со значением «над», два падежа со значением «под», падеж со значением «на чём-то», бенефактив, компаратив, падеж со значением «в качестве кого-то, чего-то», падеж со значением «рядом с чем-то, кем-то», абессив, аллатив-иллатив, элатив, транслатив, терминатив и партитив.

В целом, в ходе проведенного исследования было доказано, что Кручский язык (*BaasdulKrotol*) является языком агглютинативного типа, со сложной грамматической системой, имеющей категорию рода (одушевлённый и неодушевлённый), категорию числа (всего в кручском языке три числа), категорию падежа (26 падежей существительного), разветвленной подсистемой глагола (три группы времён, 2 залога и 6 наклонений) и самобытный синтаксический строй. Порядок слов в языке почти полностью свободный, не считая нескольких важных правил. Лексика довольно богата и оригинальна, не считая некоторого количества вкраплений из баскского языка; словообразовательная система очень развита, причем новые слова продолжают создаваться и по сей день. Графика предполагает наличие несколько параллельно функционирующих систем письма, которые дополняют друг друга. Это письменность, основанная на латинице (включающая диграфы и триграфы), кириллице и собственном письме, созданном ещё до рождения самого языка. Кручский язык можно по праву считать альтернативным вариантом эстетического языка, так как он не имеет аналогов в теории и практике лингвопроектирования, являясь очень благозвучным. Это оригинальный проект, построенный на самостоятельной концептуальной основе, являющийся весомым вкладом в развитие современного языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20-го века.– М.: Институт языкознания РАН, 1995. – С.239-320.
2. Зелёный, А. В. История лингвопроектирования и современные искусственные языки / А. В. Зелёный. – URL: <https://scienceforum.ru/2021/article/2018025415/> (дата обращения 19.03.2025).
3. Казаков, Д. И. Искусственная естественность / Д. И. Казаков. –URL: <https://www.nkj.ru/archive/articles/32254/> (дата обращения 19.03.2025).
4. Обрезков, А.А. История лингвопроектирования как поиск языком путей самосовершенствования /А.А. Обрезков // Языкознание и литературоведение. – М., 2018. – 256с.
5. Trask, R.L. Etymological dictionary of Basque / R.L. Trask. – L.: University of Sussex, 2008. – 326р.

Дорошевич Юлия Тимофеевна
выпускница факультета межкультурных
коммуникаций
учреждения образования «Минский
государственный лингвистический
университет»,
г. Минск, Беларусь

Doroshevich Yulia
graduate of the faculty of the Intercultural
Communication at Minsk State Linguistic
University,
Minsk, Belarus

СПЕЦИФИКА АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ «WEDDING» – «ВЯСЕЛЛЕ»

Аннотация: В статье на основании данных ассоциативного эксперимента с участием 30 носителей английского и 30 носителей белорусского языков устанавливаются наиболее и наименее частотные ассоциации на слова-стимулы *wedding* ‘свадьба’ и *вяселле*, а также осуществляется классификация ассоциатов по тематическому признаку в сопоставительном аспекте. Отмечается общее и различное в репрезентации ассоциативных полей «Wedding» – «Вяселле» в английском и белорусском языках.

Ключевые слова: ассоциативное поле, ассоциат, слово-стимул, тематическая группа, сопоставительное языкознание.

THE PECULIARITIES OF THE ASSOCIATIVE FIELDS WEDDING – ВЯСЕЛЛЕ

Abstract: On the basis of the associative experiment with 30 English-speaking and 30 Belarusian-speaking respondents the article reveals the most and the least frequent associates to the stimuli words *wedding* and *вяселле*, the classification of the associates according to the theme criterion is provided in comparison. Common and different features in the representation of the associative fields «Wedding» – «Вяселле» in English and Belarusian are presented.

Key words: associative field, associate, stimulus word, theme group, comparative linguistics.

Ассоциативным полем слова является «совокупность ассоциативных представлений, так или иначе связанных с данным словом» [1], другими словами, это совокупность ассоциаций на слово-стимул. Ассоциативные связи между словами разнообразны и показывают, каким образом видят и понимают связи между лексемами носители языка. На основании реакций, полученных в результате эксперимента на слова-стимулы, можно сделать выводы о семантических связях слов в сознании человека, его установках, скрытых желаниях, психологических характеристиках, а также о специфике формирования его концептуальной системы. Индивидуальные особенности в ассоциативных полях учитываются редко. Люди имеют разный жизненный опыт, культурные и личные убеждения, что влияет на их ассоциации. Учет этих особенностей позволяет получить более полное и точное представление о том, как различные группы воспринимают одни и те же понятия. При этом рассматриваются только первые реакции испытуемых в соотношении с наиболее частыми первыми ассоциациями социума, а не индивидуальные и социумные ассоциативные поля [2, с. 20]. Специфика ассоциативных полей заключается в том, что поле у группы людей с одинаковыми признаками будет схоже в большей степени. Поля людей, проживающих в разных странах, будут различны. Это зависит от многих факторов. Основными из них являются культура страны и ее язык. В результате ряд ассоциаций на соотносимые слова-стимулы неодинаков.

Для выявления ассоциативных полей «Wedding» – «Вяселле», установления общего и различного в их составе был проведен ассоциативный эксперимент. Свободный ассоциативный эксперимент проводился с участием 30 респондентов-носи-

телей английского языка и 30 респондентов-носителей белорусского языка. Опрос состоял из двух блоков: характеристика личности (пол, возраст, место проживания) и выполнение задания (указание ассоциаций к словам-стимулам *wedding* 'свадьба' или *вяселле*). Включение пунктов из первого блока обусловлено тем, что люди с разными географическими, половыми и возрастными признаками дают различные ассоциации. Для обеспечения достоверности информации, полученной в ходе эксперимента, время было ограничено 1 минутой. Возраст всех участников составлял от 16 до 23 лет.

По результатам ассоциативного эксперимента в английском языке получено 125 ассоциаций, среди которых 101 различная. Наиболее частотные ассоциации – 5 и более повторений – в английском языке следующие: *love* 'любовь' (10), *party* 'вечеринка' (7), *family* 'семья' (7), *cake* 'торт' (6), *bride* 'невеста' (5). Установлены единичные ассоциации: *balloons* 'воздушные шары' (1), *photos* 'фотографии' (1), *fireworks* 'фейерверки' (1), *ceremony* 'церемония' (1), *respect* 'уважение' (1), *fidelity* 'преданность' (1), *champagne* 'шампанское' (1). По результатам опроса носителей белорусского языка установлено 117 ассоциаций, среди которых 95 различных. Наиболее частые ассоциации – 5 и более повторений – в белорусском языке следующие: *свята* (9), *сябры* (8), *белая сукенка* (6), *сям'я* (5), *каханне* (5). Самыми редкими ассоциациями, названными только единожды, являются *жарты*, *падарожжа*, *тамада*, *свет*, *гармонія*, *абдымкі*, *ігрыстае віно*, *бацькі*, *танцы*, *жарты*, *надзея*, *трапятанне*.

Выявленные ассоциации формируют несколько тематических групп. Установлено, что в английском языке наиболее репрезентативными являются две тематические группы – «Атрибуты торжества» (11 единиц: *wedding dress* 'свадебное платье', *dress* 'платье', *cake* 'торт', *rings* 'кольца', *balloons* 'воздушные шары', *fireworks* 'фейерверки', *photos* 'фотографии', *flowers* 'цветы', *wedding pie* 'свадебный пирог', *car* 'машина', *food* 'еда') и «Эмоции» (11 единиц: *love* 'любовь', *happiness* 'счастье', *trust* 'доверие', *respect* 'уважение', *peace* 'мир', *fun* 'веселье', *joy* 'радость', *smile* 'улыбка', *believe* 'вера', *fidelity* 'преданность', *enjoy that day* 'наслаждение этим днем').

Следующая по степени репрезентативности тематическая группа – «Результат» (8 единиц): *family* 'семья', *children* 'дети', *kids* 'дети', *living together* 'совместная жизнь', *own house* 'собственный дом', *commitment* 'обязательства', *being together* 'быть вместе', *house* 'дом'. Тематическая группа «Участники процесса» представлена 6 различными единицами: 2 *people* 'два человека', *bride* 'невеста', *groom* 'женех', *man* 'мужчина', *woman* 'женщина', *wife* 'жена'. Тематическая группа «Процесс» включает в себя 4 единицы: *party* 'вечеринка', *ceremony* 'церемония', *marriage* 'бракосочетание', *building life* 'построение жизни'. Менее репрезентативная группа «Традиции» содержит 3 лексемы: *wedding night* 'брачная ночь', *white dress* 'белое платье', *pigeons* 'голуби'. Группа «Место проведения» состоит из 3 единиц, среди них: *church* 'церковь', *location* 'место нахождения', *nice destination* 'приятное место назначения'. Церковь является неотъемлемым атрибутом английской свадьбы. Это подтверждается результатами ассоциативного эксперимента, так как 4 человека назвали ассоциацию *church* 'церковь'. По традиции, когда молодожены заходят в церковь, их обсыпают пшеницей. К церкви едет свадебный кортеж, или «свадебный поезд», который обычно состоит из роллс-ройсов или ретромобилей. По пути следования свадебного поезда разбрасывают цветы: болотный ирис, розмарин, ноготки. Тематическая группа «Важность события» также состоит из

3 единицы: *best day of your life* ‘лучший день в жизни’, *special day* ‘особенный день’, *date* ‘дата’. Наименее репрезентативные тематические группы – это «Временной аспект» (2 единицы: *forever* ‘навсегда’, *spending your life with your loved ones* ‘проводить свою жизнь со своими близкими’) и «Эстетика» (2 единицы: *everyone is dressed elegant* ‘все элегантно одеты’, *beautiful dresses* ‘красивые платья’), а также группа «Напитки», содержащая всего 1 лексическую единицу – *champagne* ‘шампанское’.

В белорусском языке ассоциаты также формируют ряд тематических групп. Установлены 3 наиболее репрезентативные тематические группы. Тематическая группа «Атрибуты торжества» представлена 10 ассоциатами: *музыка, ежа, напоі, кольца, кветкі, поўны стол, торт, каравай, вялікая разнастайнасць страў, падарункі*. Тематическая группа «Эмоции» аналогична по степени репрезентативности различными ассоциатами (10 единиц): *каханне, падзяка, усхваляванне, шчасце, радасць, вясялосць, добры настрой, надзея, трапятанне*. Группа «Процесс» также включает 10 различных лексем: *тусоўкі у кавярні, свята, гульні, вечарынка, шлюб, пляскі, сьпеўкі, танцы, жарты, свята дваіх*.

Тематическая группа «Участники процесса» включает 8 ассоциаций: *сябры, жаніх, нявеста, маладыя, госці, родныя, блізкія, бацькі, тамада*. Группа «Результат» содержит 5 единиц: *сям’я, свет, гармонія, падарожжа, новы статус, сумеснае жыццё*. Тематическая группа «Напитки» представлена 5 единицами: *выпіўка, гарэлка, п’янка, ігрыстае віно, трохі алкаголю*. Наименее репрезентативные тематические группы – «Традиции» (3 различных ассоциата: *белая сукенка, чорны касцюм, фата*); «Взаимодействие» (2 лексем: *абдымкі, бойка*); «Эстетика» (1 единица: *прыгожае адзенне*).

Традиционные белорусские свадьбы отличаются наличием у жениха золотого кольца, а у невесты – серебряного. Данные цвета колец означают союз Луны и Солнца. Обрядовый хлеб – обязательный атрибут белорусской свадьбы, символ семейного счастья и благополучия. Началом свадьбы считалась выпечка каравая, а окончанием – когда каравай делили и одаривали им всех присутствующих. Гости одаривали молодых, чем могли, приговаривая пожелания: «дарю конфеток, чтоб было много деток», «дарю пятаков, чтоб купили себе сынков», и другие. Тем не менее, в современных свадьбах чаще угощают тортом и пирожными, а не караваем. Данную тенденцию можно заметить и по выявленным ассоциациям: 4 человека назвали *торт* в качестве ассоциации, а ассоциат *каравай* по результатам эксперимента представлен одним респондентом. Традиция надевать друг другу кольца во время данного мероприятия сохранилась и по сей день, и 2 человека назвали ассоциацию *кольца*. В ассоциативном поле английского языка также были представлены соотносительные ассоциаты *cake* ‘торт’, *rings* ‘кольца’.

Получено 5 ассоциаций, называющих спиртные напитки: *п’янка, трохі алкаголю, ігрыстае віно, гарэлка, выпіўка*, что отражает традиционный способ празднования, включающий алкоголь. Репрезентативность тематических групп ассоциаций в сопоставительном аспекте представлена в таблице.

Т а б л и ц а

Репрезентативность тематических групп ассоциаций в английском и белорусском языках

Тематическая группа	Английский язык	Белорусский язык
«Атрибуты торжества»	20,37%	18,52%
«Эмоции»	20,37%	18,52%

«Результат»	14,81%	9,26%
«Участники процесса»	11,11%	14,81%
«Процесс»	7,41%	18,52%
«Традиции»	5,56%	5,56%
«Место проведения»	5,56%	–
«Важность события»	5,56%	–
«Временной аспект»	3,70%	–
«Эстетика»	3,70%	1,85%
«Алкоголь»	1,85%	9,26%
«Взаимодействие»	–	3,70%
Итого:	100%	100%

Сопоставление полученных данных позволяет сделать вывод о том, что ассоциативные поля «Wedding» и «Вяселле» в английском и белорусском языках представлены ассоциатами, которые формируют различные тематические группы. Наибольшее количество ассоциаций в английском языке содержится в тематических группах «Атрибуты торжества» и «Эмоции», что составляет 40,74% от общего количества ассоциатов в тематических группах. Представленные ассоциации имеют в своей семантике положительный оценочный компонент, из чего можно сделать вывод, что *wedding* ‘свадьба’ для англичан – это хорошее событие, наполненное позитивными эмоциями. Данная тенденция прослеживается и у носителей белорусского языка: самые распространенные тематические группы «Атрибуты торжества» и «Эмоции» дополняет тематическая группа «Процесс». Таким образом, количество ассоциатов в указанных группах составляет 55,56% от их общего количества. В английском языке группа «Процесс» представлена почти в 2,5 раза меньшим количеством ассоциатов, чем в белорусском языке. Такое количество ассоциаций, связанных с эмоциональностью, позволяет проследить сходство между положительной оценкой данного события англичанами и белорусами, а также заметить, что в обоих народах особое внимание уделяется атрибутике свадьбы.

Отличия установлены по репрезентативности тематической группы «Результат»: в английском языке она содержит больше единиц (14,81%), чем аналогичная же тематическая группа в белорусском (9,26%). Из этих данных можно сделать вывод, что белорусы сосредотачиваются больше на процессе торжества, а англичане на последствиях и действиях после свадьбы. Анализ группы «Традиции» позволяет увидеть, что оба народа в равной степени относятся к своим традициям. Среди белорусских тематических групп не представлено: «Место проведения», «Важность события» и «Временной аспект». В английских тематических группах не представлена группа «Взаимодействие».

Отличие наблюдается и в том, что белорусы называли такие ассоциации, как *сябры, бацькі, родныя*, но аналогичные ассоциаты не представлены среди ответов респондентов английского языка. Следовательно, белорусы делают акцент на присутствии друзей и родственников на данном событии. Сравнивая атрибутику свадьбы, названную носителями сопоставляемых лингвокультур, отметим совпадающие ассоциаты: в английском языке представлены ассоциаты *love, family, bride, groom, cake, rings, happiness*, в белорусском языке – их корреляты *каханне, сям’я, нявеста, жаніх, торт, кольца, шчасце*.

В ассоциативном поле английского языка представлено одно слово, связанное со спиртными напитками – *champagne* ‘шампанское’, в то время как в белорусском языке их пять. Кроме того, значимое отличие заключается в том, что 5 носителей английского языка назвали ассоциат *bride* ‘невеста’ и 4 – *groom* ‘жених’, а в бело-

русском языке лишь два человека назвали жениха, в то время как четверо назвали невесту. В сопоставляемых языках присутствуют слова о еде и пиршестве. В английском ассоциативном поле содержится слово *church* ‘церковь’, но среди реакций носителей белорусского языка не представлено единиц, связанных с религией или местом церемонии, об этом говорит отсутствие в белорусском языке тематической группы «Место проведения». Ни один носитель белорусского языка не ассоциировал *вяселле* с детьми, в то время как англичане назвали 6 ассоциаций: *kids* ‘дети’ (4) и *children* ‘дети’ (2). В белорусском ассоциативном поле выявлено 2 реакции *бойка* на слово-стимул *вяселле*, что связано со стереотипными представлениями белорусов, однако носители английского языка аналогичной ассоциации не представили.

Следует отметить различие в мировосприятии тех, кто живет в городе и в сельской местности. Люди, проживающие за городом, больше склонны к эмоциональному восприятию праздника, а городские называют больше слов, означающих материальные вещи. Например, англичане из сельской местности называли следующие ассоциации: *love* ‘любовь’, *family* ‘семья’, *believe* ‘верить’, *joy* ‘веселье’, а проживающие в городе – *house* ‘дом’, *rings* ‘кольца’, *cake* ‘торт’, *flowers* ‘цветы’. Аналогичная закономерность прослеживается и у носителей белорусского языка. Представителями сельской местности отмечены ассоциации *эмоцыі*, *свята*, *добры настрой*, *сям’я*, а проживающими в городе – *торт*, *белая сукенка*, *гульні*, *кольца*.

Таким образом, на основе ассоциативного эксперимента, в котором участвовало 30 носителей английского и 30 носителей белорусского языка, получено 125 ассоциаций в английском языке в 117 ассоциаций – в белорусском. Данные ассоциации формируют различные тематических группы. Общее в восприятии свадьбы заключается в том, что данное событие эмоционально, имеет большое количество атрибутики, оценивается исключительно положительно, люди придают важность как процессу, так и тому, что будет после – результату. Установлены совпадающие ассоциаты, например, в английском это ассоциаты *love* ‘любовь’, *family* ‘семья’, *happiness* ‘счастье’, а в белорусском языке – их корреляты *каханне*, *сям’я*, *шчасце*. Ассоциации отличаются и в зависимости от того, где проживает человек: в сельской местности люди больше ценят эмоциональную составляющую, чем в городе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов: [сайт]. – URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_16.htm (дата обращения: 15.10.2024).
2. Клименко, А. П. Об индивидуальных словесных ассоциативных полях / А. П. Клименко // Язык и социум. – Минск, 1997. – С. 19–21.

Захарова Елизавета Евгеньевна
МОУ «Державинский лицей»
г. Петрозаводск, Россия

Леонидова Анастасия Алексеевна
МОУ «Державинский лицей»
г. Петрозаводск, Россия

Elizaveta Zaharova
MEE «Derzhavinskiy Lyceum»
Petrozavodsk, Russia
derlyceum@mail.ru
Anastasiya Leonidova
MEE «Derzhavinskiy Lyceum»
Petrozavodsk, Russia
derlyceum@mail.ru

О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ПРИ ДУБЛИРОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОВ

Аннотация. В статье анализируются трудности русскоязычной интерпретации оригинальных англоязычных фильмов, возникающие при их пере-озвучивании и дублировании, равно как и причины их возникновения. Также рассматриваются возможные пути преодоления переводческих трудностей на конкретных примерах. Данная статья интересна переводчикам, специализирующимся на ре-интерпретации оригинальной кинопродукции.

Ключевые слова: кинематограф; сериалы; дублирование; текст; лексический материал; переводческие трудности; эквиваленты.

ON PROBLEMS OF INTERPRETING IN ENGLISH LANGUAGE FILMS DUBBING

Abstract. In the article are concerned some problems of Russian-language interpreting of original English-language films that arise during their (re)dubbing, as well as the very reasons of their occurrence. Possible ways of solving problems are also considered using specific examples. This article presents real interest for translators specializing in reinterpreting of original film production.

Key words: cinema; serials; dubbing; text; lexical material; interpreting problems; equivalents

Как известно, современный мир трудно представить без кинематографа, ведь практически каждый человек смотрит фильмы – будь то старые или новые, документальные или комедийные. С появлением дублированных переводов языковые барьеры перестали быть помехой на пути зрителей, ведь любые зарубежные фильмы теперь можно увидеть на родном языке без каких-либо затруднений. Однако остаются вопросы, по-прежнему не имеющие однозначного ответа: 1) Что теряется при пере-озвучивании изначально подтвержденной режиссером речи на другой язык? Остается ли нить повествования такой же гладкой, как и в оригинальной версии? К основным трудностям, возникающим при дублировании, относятся, прежде всего, переводы фразеологизмов, паронимов, омонимов и многозначных слов. Так, при переходе с одного языка на другой язык ФЕ могут заменяться похожими по смыслу устойчивыми выражениями, или попросту выпадать из реплик персонажей. Ранее существовала практика дословного перевода фразем, в результате чего бес-связные диалоги зачастую попадали в итоговую версию дубляжа. Примером этого может служить устойчивое английское выражение *Fire in the hole!*, которое переводчики в большинстве своём переводили как *Огонь в дыре!*. На самом же деле это ФЕ из военного жаргона, которое имеет в русском языке эквивалент: «*Ложись!*» или «*Сейчас рванет*» [3]. Подобных примеров из практики переводчиков дубляжа можно привести предостаточно. При переводе каламбуров и шуток, часто построенных на созвучиях и использовании многозначных лексем, также сложно избежать ошибок. Порой они теряют свой смысл при переходе с одного языка на другой либо

прячутся за завесой двусмысленности. В данном случае, чтобы правильно передать задуманное, стоит тщательнее изучать различные феномены и практиковаться их использовать в различных контекстах. Так, например, слово *hang* – *вешать* (например, на стену), *казнить человека*, может быть интерпретировано по-разному в зависимости от контекста: *Why did you hang this poster on the wall? Because I couldn't find a person to punish* - *Почему ты повесил этот плакат на стену? Потому что я не нашел человека, которого следует наказать* [5].

Одной из наиболее распространенных ошибок при дублировании фильмов, как правило, является недостаточно хороший уровень знания языка, что ведет к неправильному переводу фразем, имеющих переосмысленное значение в английском языке, но могут быть непонятными носителям других языков. Например, фраза *It's raining cats and dogs* (Дословно: *Идет дождь кошками и собаками*) в русском переводе может звучать как «*Льет как из ведра*», что не передает полностью заложенного в ней значения [1, с.167]. Еще одной ошибкой является неправильное понимание этнокультурных особенностей, чуждых представителям иных культур. Например, в фильме «*Форсаж*» есть сцена, в которой персонажи говорят о *бургерах с сыром*. В русском переводе это может быть переведено как *сырные бургеры*, но в английском языке это ничто иное, как отсылка к *cheeseburger*, что несет в себе совершенно другой смысл [8]. И, наконец, еще одной частой ошибкой является неправильная интерпретация терминологической и сленговой лексики, порой устаревшей либо имеющей неоднозначное смысловое содержание в разных языках. Например, *cool* в английском языке может означать *здорово, классно*, но, в то же время, это слово может быть переведено как *прохладно* или *холодно*, что зависит от контекста. Или другой пример: *hang out* в английском языке означает проводить время вместе, но при этом может быть переведено как *выпендриваться* или *висеть* [2, с.123]. Ошибки, допускаемые по причине невнимательности, также встречаются в работе интерпретаторов довольно часто, что во многом объясняется значительным объемом переводимого материала. В то же время, существуют также каламбуры, шутки и устойчивые выражения (ФЕ), которые можно переводить дословно, сохраняя при этом их изначальный смысл, что объясняется их межъязыковой эквивалентностью. Примеры подобных единиц приведены в следующей таблице:

Т а б л и ц а 1

Сравнительная таблица ФЕ

Английский вариант	Русский вариант
<i>There is no smoke without fire</i>	<i>Нет дыма без огня</i>
<i>To burn bridges</i>	<i>Сжигать мосты</i>
<i>Don't look a gift horse in the mouth</i>	<i>Дареному коню в зубы не смотрят</i>

Возьмем для примера фрагменты из дублированного перевода сериала «Шерлок» («*Шерлок при смерти*» («*The lying Detective*»)). Уже в самом названии серии мы видим первую ошибку: «*The lying Detective*» – оригинальное название, (дословно – «*Лгущий детектив*») которое из-за игры слов созвучно с одноименным рассказом А. К. Дойля «*The Dying Detective*». При дублировании переводчики решили «не изобретать велосипед» и использовали русскую адаптацию названия рассказа «Шерлок при смерти», переведенного В. К. Штенгелем, тем самым отразив культуру и развязку самой серии. Первый непонятный момент имеет место во время ссоры между Ш. Холмсом и его помощником Уиггинсом. После слов: «Болван!» Шерлок резко впадает в ступор и, выбегая из комнаты, кричит: *Сумка*. В ори-

гинале же в ситуации используется переносное вторичное значение: в британском сленге слово: *handbag* означает: *Успокойся либо Притихни*. Очевидно, пытаюсь утихомирить назойливого друга, детектив случайно приходит к разгадке [5]. Английский фразеологизм: *I'll be mother*, означающий: *Я налью чай*, также значительно пострадал в русскоязычном дублировании. В оригинале едкий ответ Шерлока был основан на дословном значении этого выражения: *Я побуду матерью*, в отличие от дублированного варианта, в котором эта фраза кажется неуместной. В то же время, выражение *in a nutshell*, которую дословно можно перевести как *в ореховой скорлупе*, удалось внедрить в данную фразу без утраты смысла [4]. В сериале «Назад в Будущее» персонаж Марти Макфлай имел ввиду под *pepsi free pepsi без сахара*, которое появилось в продаже лишь в 80-х гг. Наверное, поэтому продавец из прошлого выбрал второе значение *free* – бесплатный. Разумеется, такую шутку, основанную на игре значений слов, очень сложно передать в русскоязычной дублированной версии, поэтому переводчики обошлись простым диалогом, смысл которого потерялся в «закромах» языкового барьера. В фильме «Человек-Паук: Высокое Напряжение», разговаривая со старым другом, с которым Питер Паркер не виделся долгое время, главный герой говорит: *Я видел тебя в магазине с французской супермоделью...* Они не виделись много лет, тогда как главный герой мог его видеть? Оригинал отвечает нам на этот вопрос: *I saw you in some magazine with some French supermodel...* [6] Слово *magazine* означает журнал, а не созвучное с этим на русском *магазин*. Это довольно примитивная ошибка, учитывая, что официальное озвучивание представляли во всех российских кинотеатрах. Результаты сравнительного анализа примеров текста из англоязычных сериалов, данных в оригинальной и дублированной версиях, представлен в следующей таблице:

Т а б л и ц а 2

Сравнительный анализ перевода из англоязычных сериалов

Оригинал	Дословный перевод	Дубляж
1. («Sherlock») <i>Mycroft: I'll be mother.</i> <i>Sherlock: And there is a whole childhood in a nutshell.</i>	(«Шерлок») <i>Майкрофт: Я побуду матерью.</i> <i>Шерлок: И вот все мое детство в ореховой скорлупе.</i>	(Сериал «Шерлок») <i>Майкрофт: Я поведу.</i> <i>Шерлок: Вот все мое детство в двух словах.</i>
2. («Sherlock: The lying Detective») <i>Sherlock: Handbag.</i> <i>Wiggins: That's not rude.</i> <i>Congenital: it just means...</i> <i>Sherlock: Handbag!</i>	(«Шерлок: Лгущий детектив») <i>Шерлок: Сумка.</i> <i>Уиггинс: Это не грубо.</i> <i>Врожденный: это просто означает...</i> <i>Шерлок: Сумка!</i>	(Фильм «Шерлок при смерти») <i>Шерлок: Болван!</i> <i>Уиггинс: Грубить не надо.</i> <i>Конгенитальное – значит врожденное.</i> <i>Шерлок: Сумка!</i>

<p>3. (<i>Back to the Future</i>) <i>Marty: How about a Pepsi Free?</i> <i>Seller: You want a Pepsi, kid, you gotta pay for it!</i></p>	<p>(«Обратно в будущее») <i>Марти: Что о бесплатной Пепси?</i> <i>Продавец: Ты хочешь Пепси, ребенок, ты должен за нее заплатить!</i></p>	<p>(Фильм «Назад в Будущее») <i>Марти: Дайте мне Пепси без сахара.</i> <i>Продавец: Пепси без сахара не бывает!</i></p>
<p>4. («<i>The Amazing Spider-Man 2</i>») <i>Piter: I saw you in some magazine with some French supermodel...</i></p>	<p>(«Удивительный Человек-паук 2») <i>Питер: Я видел тебя в каком-то журнале с какой-то французской супермоделью...</i></p>	<p>(Фильм «Человек-Паук: Высокое Напряжение») <i>Питер: Я видел тебя в магазине с французской супермоделью...</i></p>

Таким образом, можно заключить, что перевод английской речи на русский язык – это трудоемкий процесс, требующий значительных усилий. Возникающие при этом сложности и погрешности вполне объяснимы, учитывая различия в этнокультурном фоне, структуре языков и влиянии человеческого фактора. Наибольшее количество ошибок происходит, как правило, из-за буквального или неточного перевода многозначных слов, фразеологизмов, паронимов и омонимов, идентифицировать которые порой довольно трудно. В этой связи интерпретаторам следует уделять особое внимание изучению этнической культуры и языковых особенностей стран-производителей фильмов для лучшей передачи смысловой стороны звучащей речи и оптимальной подачи материала зрителям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие / И. С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – 352 с.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 192 с.
3. Пономарева, Е. «Огонь в дыре!»: тупейшие ошибки перевода военных выражений. – 2021.
4. Quentin Translatin. Что не так перевели в сериале Шерлок (1 сезон) – 2023.
5. Quentin Translatin. Что не так перевели в сериале Шерлок (2 сезон) – 2023.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. - 26-е изд., испр. и доп. - М.: Оникс [и др.], 2009.
7. Spiegel J. Back to the Future's 12 best, most 'heavy' time travel jokes – 2020.

ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ (на примере пресс-конференции президента Российской Федерации Владимира Путина по итогам саммита БРИКС)

Аннотация: В статье анализируются трудности, возникающие в ходе устного синхронного и последовательного перевода пресс-конференции и причины их возникновения. Рассматриваются наиболее распространенные стратегии преодоления описанных переводческих трудностей на примере пресс-конференции. Данная статья будет наиболее интересна начинающим специалистам, специализирующимся на устном переводе.

Ключевые слова: пресс-конференции; устный синхронный и последовательный перевод; переводческие трудности; стратегии перевода; переводческие трансформации.

THE SPECIFIC FEATURES OF INTERPRETING A PRESS CONFERENCE (based on the press conference of the President of the Russian Federation Vladimir Putin on the BRICS summit results)

Abstract: In this article the difficulties arising during simultaneous and consecutive interpretation of a press conference and the factors causing them are analyzed. The most common strategies of overcoming the described translation difficulties are reviewed considering the press conference as an example. This article will be of most interest to budding practitioners specializing in interpreting.

Key words: press conferences; simultaneous and consecutive interpreting; interpretation difficulties; interpreting strategies; interpreting transformations.

Развитие международных отношений в настоящее время носит все более интенсивный характер. Свидетельством этому служит рост международного сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности. Международное сотрудничество осуществляется при организации встреч, телемостов, круглых столов, научных форумов, пресс-конференций, которые проводятся обычно в форме диалогического общения между разноязычными коммуникантами и обеспечиваются устным последовательным и синхронным переводом. Сегодня переводчики – ключевые участники эффективной межкультурной и межъязыковой коммуникации, помогающие преодолевать трудности в понимании необходимой информации [1, с. 1].

Для нашего исследования использовался материал двуязычной пресс-конференции Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина по итогам саммита БРИКС, а также перевод с русского языка на английский фрагмента выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина и с английского языка на русский вопросы иностранных журналистов, представителей СМИ.

В ходе предпереводческого анализа мы использовали следующую классификацию трудностей:

- 1) Вызванные особенностями переводческой ситуации:
 - неподготовленная речь;
 - чтение с листа;
 - переключение в рамках двухстороннего перевода;
 - синхронный перевод [2, с. 78].

- 2) Вызванные особенностями оратора:
- невнятное произношение и плохая акустика;
 - большое количество различных акцентов;
 - слова-паразиты, запинки, оговорки [2, с. 79].
- 3) Собственно переводческие трудности:
- экономическая, политическая и другая терминология;
 - устойчивые выражения;
 - числа [3, с. 390].

Выделенные нами примеры переводческих трудностей третьей группы представлены в Таблице 1:

Т а б л и ц а 1

Примеры собственно переводческих трудностей

Собственно переводческие трудности	Экономическая, политическая и другая терминология	«Как вы знаете, сегодня, по-моему, только <i>ратифицирован</i> наш договор в <i>стратегическом партнерстве</i> ». «Ну, мы же с вами знаем, я уже об этом сказал, <i>на грани рецессии</i> балансирует европейская экономика».
	Устойчивые выражения	«Это, знаете, у нас как говорят, попытка свалить с больной головы на здоровую и уйти от ответственности». «Видимо, не готовы пока. Мяч на их стороне». «Они так руками развели, ну вот так вот, такие вот партнеры сложные».
	Числа	«У нас экономика растёт. В прошлом году сколько у нас было? 3,4, там 3,6%. В этом году будет около 4, 3,9, может быть, будет. Экономика еврозоны, она балансирует на грани рецессии. В штатах есть, правда рост, будет он 3 с небольшим, по-моему, где-то 3.1, 3.2, наверное, процента».

В ходе нашего исследования были определены следующие стратегии преодоления вышеописанных трудностей.

1. Добавление:

Фрагмент исходного текста вопроса: *Mr. President, Keir Simmons from NBC News.*

Фрагмент перевода вопроса: *Господин Президент, Кир Симонс, телеканал «Эн-би-си Ньюз».*

2. Изменение порядка слов:

Фрагмент исходного текста ответа: *Без этого сделать подобный шаг невозможно.*

Фрагмент перевода ответа: *It is impossible to make such a decision without it.*

3. Замена членов предложения:

Фрагмент исходного текста вопроса: *I've read the outcome declaration of BRICS, and it speaks about the need for global and regional stability and security.*

Фрагмент перевода вопроса: *Я прочитал итоговую декларацию БРИКС, и в ней говорится о необходимости установления глобальной и региональной стабильности и безопасности.*

4. Транскрибирование:

Фрагмент исходного текста ответа: *Ну, мы же с вами знаем, я уже об этом сказал, ну, на грани рецессии балансирует европейская экономика.*

Фрагмент перевода ответа: *Listen to me. As I've already said, the European economy is balancing on the edge of recession.*

5. Описательный перевод:

Фрагмент исходного текста ответа: *Ну что вы, право? Это, знаете, у нас как говорят, это попытка свалить с больной головы на здоровую и уйти от ответственности за неправильные решения в экономической сфере и сфере внутренней политики.*

Фрагмент перевода ответа: *Come on, really? This is, as we say, an attempt to shift the blame on someone else and avoid responsibility for the wrong economic and domestic policy decisions.*

Фрагмент исходного текста ответа: *Они так руками развели, ну вот так вот, такие вот партнеры сложные.*

Фрагмент перевода ответа: *They made a helpless gesture with the words, "Well, that's just the way it is, the partners are rather difficult".*

6. Опускание:

Фрагмент исходного текста ответа: *У нас существует правило, при котором для того, чтобы принять любого кандидата в эту организацию, в объединение БРИКС, нужно согласие всех участников этого объединения.*

Фрагмент перевода ответа: *We have a rule, according to which in order to accept any candidate into the BRICS, we need the approval of all the members of this association.*

7. Замена частей речи:

Фрагмент исходного текста ответа: *И потому, что начало мирных переговоров привело бы к необходимости отмены военного положения. А сразу за этим нужно проводить выборы президента.*

Фрагмент перевода ответа: *I think to a certain extent this is due to the fact that the start of peaceful negotiations would require them to cancel the state of war, which means that afterwards, right after that, they need to hold the presidential election.*

8. Объединение высказывания:

Фрагмент исходного текста ответа: *И потому, что начало мирных переговоров привело бы к необходимости отмены военного положения. А сразу за этим нужно проводить выборы президента.*

Фрагмент перевода ответа: *I think to a certain extent this is due to the fact that the start of peaceful negotiations would require them to cancel the state of war, which means that afterwards, right after that, they need to hold the presidential election.*

9. Калькирование:

Фрагмент исходного текста ответа: *Мяч на их стороне.*

Фрагмент перевода ответа: *The ball is in their court.*

10. Смысловое развитие:

Фрагмент исходного текста ответа: *Что касается принятия Венесуэлы, либо любого другого государства в состав БРИКС, то хочу сказать, что это возможно только при консенсусе.*

Фрагмент перевода ответа: *As for the membership of Venezuela or any other state in BRICS, I would like to say that this is possible only through consensus.*

В результате анализа использованных стратегий перевода можно сделать следующие выводы:

Из примененных переводческих трансформаций наиболее часто встречается замена членов предложения, составившая 25% от общего числа, и добавление – 20%. Изменение порядка слов, описательный перевод и опущение занимают по 10%, а транскрибирование, замена частей речи, объединение высказывания, калькирование и смысловое развитие встречаются реже всего, по 5% каждое. Вышеизложенные данные приведены на рис. 1:

рис. 1 – Соотношение количества примененных стратегий

Таким образом, применение различных переводческих стратегий, позволяет переводчику эффективно передавать смысл и тональность оригинала; перевод пресс-конференций осложняется тем, что наряду с подготовленным монологическим выступлением присутствует этап ответов на вопросы. На этом этапе могут возникать различные трудности, обусловленные как непредсказуемостью развития речевой ситуации, так и индивидуальными особенностями говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конференц перевод (попытка осмысления теоретических основ) / А. А. Хромых, А. А. Шагеева, Ж. А. Храмушина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konferents-perevod-popytka-osmysleniya-teoreticheskikh-osnov/viewer>. (дата обращения 15.03.2025).
2. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение: учеб. пособие / И. С. Алексеева. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: Учебное пособие / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 192 с.

Каранкевич Дарья Денисовна
студентка, Минский государственный
лингвистический университет, г. Минск,
Беларусь

Darya Karankevich
student, Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
karankevich33@gmail.com

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В РАССКАЗАХ А. К. ДОЙЛЯ

Аннотация: Статья посвящена специфике структуры и семантики образных сравнений в рассказах А. К. Дойля: устанавливается преобладание окказиональных сравнений; выделяются их компараторы, самыми частотными из которых являются союзы *like* и *as*; выделяются 9 семантических групп компарантов и 10 групп компаратов; устанавливаются закономерности сочетания компарантов и компаратов, заключающиеся в сопоставлении людей и животных, абстрактных явлений и предметов, частей тела людей и предметов; выделяются сравнения с формально не выраженными и с эксплицитными основаниями; определяется, что наиболее частотными основаниями выступают внешний вид и характер.

Ключевые слова: образное сравнение; компарант; компарат; основание; семантика.

STRUCTURAL AND SEMANTIC PECULIARITIES OF ENGLISH SIMILES IN SHORT STORIES BY A. C. DOYLE

Abstract: The article is dedicated to the specifics of the structure and the semantics of similes in short stories by A. C. Doyle: the prevalence of occasional similes is established; their comparators are singled out, the most frequent of them being the conjunctions *like* and *as*; 9 semantic groups of comparants and 10 groups of comparats are distinguished; regularities of combination of comparants and comparats are established, consisting in the comparison of people and animals, abstract phenomena and objects, body parts and objects; similes with formally unexpressed and with an explicit bases are distinguished; it is determined that the most frequent bases of comparison are appearance and character.

Key words: simile; comparant; comparat; basis; semantics.

В произведениях Артура Конан Дойля широко используются образные сравнения, помогающие читателю окунуться в атмосферу повествования. Образное сравнение – это стилистический прием, заключающийся в частичном уподоблении двух предметов действительности, относящихся к разным классам. По степени устойчивости английские образные сравнения делятся на традиционные, представляющие собой устойчивые выражения, и окказиональные. Традиционные сравнения характеризуются воспроизводимостью, они используются всеми носителями языка. Окказиональные сравнения носят индивидуальный характер, они присущи индивидуальному стилю конкретного писателя. В отличие от традиционных сравнений, они не являются общеупотребительными и, как правило, не воспроизводятся вторично. Вместе с тем в научной литературе отмечается, что авторские сравнения, создаваемые непосредственно в процессе речи, обладают потенциалом перехода во фразеологизированные, закрепленные в сознании носителей языка и употребляемые в «готовом» виде. На это свойство компаративных конструкций указывает, в частности, М. И. Конюшкевич, согласно которой «однажды употребленное в речи образное сравнение после неоднократных повторений часто перестает быть поэтической фигурой, приобретает устойчивый характер и становится воспроизводимой языковой единицей – фразеологизмом или устойчивым сравнением» [1, с. 7].

Объектом нашего исследования послужили 100 английских образных сравнений, отобранных методом сплошной выборки из рассказов А. К. Дойля «Лига рыжеволосых», «Скандал в Богемии», «Голубой карбункул», «Пёстрая лента», «Палец инженера», «Тайна Боскомской долины», «Пять апельсиновых зернышек», «Человек с рассеченной губой», «Установление личности», «Знатный холостяк», «Случай с переводчиком», «Жёлтое лицо», «Серебряный», «Глория Скотт», «Приключения клерка», «Картонная коробка», «Горбун» и «Постоянный пациент» о приключениях частного сыщика Шерлока Холмса.

После выделения сравнений из рассказов А. К. Дойля каждое из них проверялось по толковым словарям английского языка, в результате чего было установлено, что только 8 из них зафиксированы в лексикографических источниках как идиомы, т. е. являются традиционными, например, *as true as a gospel* 'истинный, как Евангелие', *as plain as a pikestaff* 'простой, как древко пики', *like a rat in a trap* 'как крыса в ловушке', *as white as a piece of paper* 'белый, как лист бумаги'.

92 сравнений из 100 являются окказиональными, т. е. созданы самим писателем и отражают его индивидуальность, например, в рассказе «Лига рыжеволосых» мы находим такое сравнение, как *Poppe's Court looked like a coster's orange barrow* 'Попс-корт был похож на тачку торговца апельсинами'. Его использует доктор Ватсон, чтобы сказать Шерлоку Холмсу, что он никогда ранее не видел столько рыжеволосых людей в одном месте. Компарантом здесь выступает улица *Poppe's Court* 'Попс-корт', которая сравнивается с *coster's orange barrow* 'тачкой с апельсинами'. В рассказе «Тайна Боскомской долины» при описании Шерлока Холмса, когда он находился в процессе анализа ситуации, доктор Ватсон использует сравнение *the veins stood out like whipcord in his long, sinewy neck* 'вены, словно канаты, выделялись на его длинной жилистой шее'. Компарантом в нем являются *veins* 'вены', то есть часть тела человека, а компаратом – *whipcord* 'канат', т. е. предмет. Примечательно, что в известном массовому читателю в нашей стране переводе Майи Бессараб это авторское сравнение опускается: 'голова его опускалась, плечи сутулились, губы плотно сжимались, на мускулистой шее вздувались вены' [2, с. 59].

Все образные сравнения имеют определенную логическую структуру, образуемую 4 элементами: это компарант (то, что сравнивается), компарат (то, с чем делается сравнение), основание (признак, на основе которого происходит сопоставление), компаратор (средство выражения компаративного значения) [1].

Анализ нашего фактического материала показал, что компаратором в образных сравнениях в рассказах А. К. Дойля выступают союзы *as if*, *as though*, которые вводят придаточное сравнительное предложение (сказуемое часто употребляется в сослагательном наклонении): *a clanging sound, as if a mass of metal had fallen* 'что-то звякнуло, словно на землю упал тяжелый металлический предмет'; *he looks as if a little good Berkshire beef would do him no harm* 'он выглядит так, будто немного хорошей беркширской говядины ему не навредит'. Ряд сравнений строится по схеме *as* + прилагательное / наречие + *as* + существительное: *it's as true as a gospel* 'это истинно, как Евангелие', *the case is as plain as a pikestaff* 'дело простое, как древко пики'; *the lines of villas on either side were as silent and lifeless as some city in a dream* 'ряды вилл по обе стороны были безмолвны и безжизненны, как город во сне'. В рассказах А. К. Дойля также представлены сравнения модели *like* / *as* + (прилагательное) + существительное: *[you] drive like the devil* 'ты гоняешь, как дьявол'; *a mass of black, fluffy ashes, as of burned paper* 'куча черного, пушистого пепла, как от сгоревшей бумаги'; *circumstantial evidence is occasionally very convincing, as when*

you find a trout in the milk ‘косвенные улики иногда бывают очень убедительными, как, например, когда вы находите форель в молоке’. Проанализировав все компараторы, мы установили, что 10% сравнений имеют компаратор *as if*, 6% – *as though*, 18% – *as...as*, 66% – *like / as*, что позволяет выделить самую частотную модель сравнений в рассказах А. К. Дойля – *like / as* + (прилагательное) + существительное.

Следующим этапом нашего исследования было выявление семантики компарантов с их последующей классификацией. В результате компаранты проанализированных образных сравнений были разделены на 9 семантических групп: 1) человек или часть его тела: **he** is as brave as a bulldog ‘он храбр, как бульдог’; **his face** is as black as a tinker’s ‘его лицо черное, как у лудильщика’; 2) объекты / явления природы: **the haze** was like a curtain all round us ‘дымка, словно занавес, окутывала нас’; 3) звуки: a very gentle, soothing **sound**, like that of a small jet of steam escaping continually from a kettle ‘очень мягкий, успокаивающий звук, похожий на звук небольшой струи пара, непрерывно выходящего из чайника’; 4) действия: [she] **vanished** as suddenly and as noiselessly as she had come ‘она исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась’; 5) городские объекты, сооружения: **Baker Street** was like an oven ‘Бейкер-стрит была как печь’; 6) чувства: I **have felt** like one of those poor rabbits when the snake is writhing towards it ‘я чувствовал себя как один из тех бедных кроликов, к которому подползает змея’; 7) предметы: **the photograph** is now as safe as if it were in the fire ‘фотография теперь в такой же безопасности, как если бы она была в огне’; **the blue carbuncle**, which shone out like a star ‘голубой карбункул, сияющий, как звезда’; 8) абстрактные понятия: **the words** of the clergyman were just like the buzz of a bee in my ear ‘слова священника были подобны жужжанию пчелы над моим ухом’; 9) ситуации, состояния: **all** was as bright as a new dollar ‘все сверкало, как новый доллар’.

Наиболее многочисленной является группа «Человек или часть его тела» – к ней относятся 58% всех компарантов. Следующими по численности являются группы «Предметы» (13%), «Действия» (5%), «Ситуации, состояния» (5%), «Звуки» (5%), «Объекты / явления природы» (4%), «Городские объекты» (4%), «Абстрактные понятия» (4%), «Чувства» (2%). Можно сделать предположение, что Артур Конан Дойль чаще всего сравнивает людей или части их тела потому, что его рассказы относятся к детективному жанру, где зачастую люди, которые играют определенную роль в сюжете, важнее, чем что-либо иное. Значимыми для Конан Дойля также являются предметы, которые, например, могут быть уликами, помогающими раскрыть то или иное преступление.

Далее нами была проанализирована семантика эталонов сравнений, или компаратов, и установлена их принадлежность к следующим семантическим группам: 1) животные или части их тела: see him [Harry Wood] living and crawling with a stick like a **chimpanzee** ‘видеть, как он [Гарри Вуд] живет и передвигается с палкой, как шимпанзе’; 2) предметы: Pope’s Court looked like a **coster’s orange barrow** ‘Попс-корт был похож на тачку торговца апельсинами’; 3) абстрактные понятия: we have been as good as **our word** ‘мы сдержали обещание’; 4) человек / части тела человека: her whole figure swaying to and fro like **that of a drunkard** ‘она качалась, как пьяница’; he will guard it as **the apple of his eye** ‘он будет беречь ее, как зеницу ока’; 5) ситуации, состояния: the furniture was scattered about in every direction, with dismantled shelves and open drawers, as if **the lady hurriedly ransacked them** before her flight ‘повсюду была разбросана мебель, полки сняты, ящики открыты, как будто дама спешно обчи-

стила их перед бегством»; 6) действия: she spoke a few words in a foreign tongue in a tone as though **asking a question** 'она произнесла несколько слов на иностранном языке с такой интонацией, будто задавала вопрос'; 7) воображаемое существо: my two visitors vanished away, like **the genii of the Arabian Nights** 'два моих гостя исчезли, как джинны из «Тысячи и одной ночи»'; 8) объекты / явления природы: he suddenly sprang up, and darting like **lightning** across the room he flung open the door 'он внезапно вскочил и, как молния, пронесся по комнате, распахнув дверь'; 9) звуки: the wind **cried and sobbed** like a child in the chimney 'ветер плакал и всхлипывал, как ребенок в дымоходе'; 10) транспортные средства: a long, low room, thick and heavy with the brown opium smoke, and terraced with wooden berths, like **the forecastle of an emigrant ship** 'длинная комната с низким потолком, полная густого коричневого опиумного дыма, уставленная деревянными койками, как форштевень корабля для эмигрантов'. Самыми многочисленными семантическими группами компаратов являются группы «Человек / части тела человека» и «Животные или части их тела», к которым относятся по 22% компаратов, и «Предметы» (19%).

Специфической особенностью сравнений А. К. Дойля является использование в качестве компаратов реалий, под которыми в нашей работе понимаются слова, обозначающие предметы, явления материальной культуры того или иного народа (национальные блюда, напитки, элементы народного костюма и др.), национальные обычаи, традиции, исторические факты, события [3]. Так, в рассказе «Пять апельсиновых зернышек» в сравнении a small brass box, like **a cashbox** 'небольшая латунная коробочка, похожая на ящик для хранения денег' компаратом является ящик для хранения наличных денег, традиционно используемый британскими торговцами. В сравнении из рассказа «Знатный холостяк» circumstantial evidence is occasionally very convincing, as when you find **a trout in the milk**, to quote Thoreau's example 'косвенные улики иногда бывают очень убедительными, как, например, говорил Торо, когда вы находите форель в молоке' компаратом служит выражение a trout in the milk 'форель в молоке', приписываемое американскому писателю и философу Г. Торо и обозначающее что-то очень убедительное, особенно в ситуациях, когда некую гипотезу сложно доказать иным образом [4].

В ряде сравнений компаратами являются экзотизмы, например, в рассказе «Знатный холостяк», где таинственные посетители сравниваются с джиннами из восточных сказок (having laid out all these luxuries, my two visitors vanished away, like **the genii of the Arabian Nights** 'разложив все эти предметы роскоши, два моих гостя исчезли, как джинны из «Тысячи и одной ночи»'), или в рассказе «Палец инженера», где огромный столб дыма сравнивается с пером экзотического для Британии страуса (a gigantic column of smoke hung like an immense ostrich feather over the landscape 'над землей висел гигантский столб дыма, словно огромное страусиное перо').

К закономерностям сочетания компарантов и компаратов относится их однородность, под которой мы понимаем сравнение объектов одного класса: звука со звуком, действия с действием, чувства с чувством и т. д., например: a very gentle, soothing **sound**, like **that** of a small jet of steam escaping continually from a kettle 'очень мягкий, успокаивающий звук, похожий на звук небольшой струи пара, непрерывно выходящего из чайника' – звук сравнивается со звуком; [she] **vanished** as suddenly and as noiselessly as she **had come** 'она исчезла так же внезапно и бесшумно, как и появилась' – действие сравнивается с действием. Однородность компарантов и компаратов выявлена в 47% проанализированных

сравнений. Эта закономерность соответствует принятому в науке подходу к сопоставлению подобного с подобным. Так, согласно А. Г. Спиркину, «сравнение только тогда имеет важную роль в практической деятельности человека и в научном исследовании, когда сравниваются действительно однородные или близкие по своей сути вещи. Как говорят, нет смысла сравнивать фунты с аршинами» [5, с. 454].

В 53% сравнений в рассказах А. К. Дойля компарант и компарат неоднородны. Примером может в первую очередь послужить сопоставление людей и животных, что является одной из закономерностей сочетания компарантов и компаратов в сравнениях А. К. Дойля. В целом такое сопоставление не является необычным для художественной литературы и может свидетельствовать о том, что в человеческой картине мира изначально заложены определенные образы животных, представления об их внешности, характере, поведении: *restless frightened eyes, like those of some hunted animal* ‘беспокойные испуганные глаза, как у загнанного зверя’; *a broad, fat hand like the flipper of a seal* ‘широкая толстая рука, похожая на ласту тюленя’. К группе сравнений с неоднородными компарантами и компаратами также относятся сравнения абстрактных явлений с предметами (*the case is as plain as a pikestaff* ‘дело простое, как древко пики’) и частей тела людей с предметами (*his hand closed like a vise upon my wrist in his agitation* ‘его рука в волнении сомкнулась на моем запястье, как тиски’).

Именно неоднородность компарантов и компаратов, оригинальность и даже необычность их сочетания позволяет писателю создавать уникальные образы. Например, в сравнении *the lady herself loomed behind his small black figure like a full-sailed merchant-man behind a tiny pilot boat* ‘сама эта дама возвышалась позади его маленькой черной фигурки, словно торговый корабль в полной оснастке, идущий вслед за крохотным лоцманским ботом’ женщина и мальчик сравниваются с судами разных размеров. В сравнении *he pushed his face forward as he spoke and his lips and eyelids were continually twitching like a man with St. Vitus's dance* ‘когда он говорил, то вытягивал шею вперед, и при этом губы и веки у него непрерывно подергивались, как если б он страдал пляской святого Витта’ мимика персонажа сравнивается с проявлениями хорейического гиперкинеза, или «пляски святого Витта» – заболевания головного мозга, симптомами которого являются быстрые подергивания конечностей, подмигивания, причмокивания и др. [6]. Название болезни связано с преданием, что больные, страдающие судорогами, напоминающими движения танца, излечивались у часовни св. Витта в Цаберне (Эльзас).

Следующим этапом нашего исследования стал анализ оснований сравнений А. К. Дойля. Основание является неотъемлемым элементом логической структуры сравнения, однако, может иметь языковое выражение, т. е. быть эксплицитным, либо подразумеваться, но формально не выражаться. В следующих сравнениях признак, на основе которого констатируется сходство компаранта и компарата, называется, за счет чего читатель может точно понять, что имеет в виду автор: *his brain is as cunning as his fingers* ‘его мозг так же изворотлив, как и его пальцы’; *his face is as black as a tinker's* ‘его лицо черное, как у лудильщика’; *he was urging his son to marry my daughter with as little regard for what*

she might think as if she were a slut from off the streets ‘он принуждал своего сына жениться на моей дочери, ничуть не заботясь о том, как она отнесется к этому, будто речь шла об уличной девчонке’.

В сравнениях другого типа, где основание имплицитно, читатель может только предполагать, какой признак выбран автором в качестве параметра сопоставления: *folk who were in grief came to my wife like birds to a light-house* ‘люди, охваченные горем, слетались к моей жене, как птицы к маяку’; *I saw him motion like a man who is in need of air* ‘я видел, как он двигался, словно человек, которому не хватает воздуха’.

В рассказах А. К. Дойля преобладают сравнения с имплицитным основанием (66%), что характерно именно для авторских сравнений; в устойчивых сравнениях основание, как правило, эксплицитно. Преобладание у А. К. Дойля сравнений с имплицитными основаниями, на наш взгляд, обусловлено стремлением писателя дать больше простора воображению читателей, предоставляя им возможность самостоятельно додумать создаваемый сравнением образ, опираясь на контекст.

Диагностика семантики эксплицитно выраженных оснований показала их большое разнообразие. Признаками, по которым писатель определяет сходство компарантов и компаратов, выступают: 1) внешний вид (20,5%): *a mass of black, fluffy ashes as of burned paper* ‘куча черного, пушистого пепла, как от сгоревшей бумаги’; *his face was all crinkled and puckered like a withered apple* ‘его лицо было сморщенным, как увядшее яблоко’; 2) характер (20,5%): *he is as tenacious as a lobster* ‘он цепок, как рак’; 3) манера поведения (11,7%): *he had a brisk kind of way with him and spoke sharply, like a man who knew the value of time* ‘он был бодр и говорил резко, как человек, знающий цену времени’; 4) эмоциональное состояние (8,8%): *he looked across at my companion with despair in his weary eyes, as though his question was already answered* ‘он посмотрел на моего спутника с отчаянием в усталых глазах, как будто уже знал ответ на свой вопрос’; 5) положение в пространстве (6,3%): *his black clay pipe thrusting out like the bill of some strange bird* ‘его черная глиняная трубка торчала, как клюв какой-то странной птицы’; 6) характер звука (11,7%): *a very gentle, soothing sound, like that of a small jet of steam escaping continually from a kettle* ‘очень мягкий, успокаивающий звук, похожий на звук небольшой струи пара, непрерывно выходящего из чайника’; 7) достоверность, убедительность (11,7%): *circumstantial evidence is occasionally very convincing, as when you find a trout in the milk* ‘косвенные улики иногда бывают очень убедительными, как, например, когда вы находите форель в молоке’.

Помимо признаков, относящихся к перечисленным группам, в отдельных сравнениях основаниями выступали сохранность (*the photograph is now as safe as if it were in the fire* ‘фотография теперь в такой же безопасности, как если бы она была в огне’), ценность (*their land contained that which was quite as valuable as a gold-mine* ‘их земля содержит то, что не менее ценно, чем золотая жила’), степень сложности (*the case is as plain as a pikestaff* ‘дело простое, как древко пики’).

Основания выделенных семантических групп характеризуются разной частотностью. Чаще всего компарант и компарат сравниваются на основании их внешнего вида (20,5%) и характера (20,5%).

Таким образом, в рассказах А. К. Дойля преобладают уникальные авторские сравнения. Компаратором чаще всего выступают союзы like и as. Компарантами служат лексемы 9 семантических групп, наиболее многочисленной из которых является группа «Человек / части тела человека». Компараты сравнений А. К. Дойля делятся на 10 семантических групп, наибольшая частотность выявлена у компаратов групп «Человек / части тела человека» и «Животные / части их тела». В ряде сравнений установлено использование в качестве компаратов национально-специфических единиц. Закономерностями сочетания компарантов и компаратов являются: их однородность, т. е. сопоставление объектов одного класса; сопоставление людей и животных, абстрактных явлений и предметов, частей тела людей и предметов. В рассказах А. К. Дойля преобладают сравнения с имплицитным, т. е. формально не выраженным основанием, а в сравнениях с эксплицитным основанием компарант и компарат сравниваются преимущественно на основании их внешнего вида и характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конюшкевич, М. И. На шкале сходств и различий : категория сравнения в русском и белорусском языках : монография / М. И. Конюшкевич. – Гродно : ГрГУ, 2018. – 435 с.
2. Дойл, А. К. Записки о Шерлоке Холмсе / А. К. Дойл. – М. : Дет. литература, 1979. – 623 с.
3. Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bigenc.ru/?ysclid=m51dj2qscy246070310>. – Дата доступа : 20.11.2024.
4. Tréguer, P. ‘A trout in the milk’: meaning and origin [Electronic resource] / P. Tréguer. – Mode of access : <https://wordhistories.net/2023/12/05/trout-in-milk/>. – Date of access : 29.11.2024.
5. Спиркин, А. Г. Философия : учебник / А. Г. Спиркин. – 2-е изд. – М. : Гардарики, 2006. – 736 с.
6. Ключников, С. А. Пляска святого Витта [Электронный ресурс] / С. А. Ключников. – Режим доступа : <https://neurology.ru/nauka/nauchnye-stati/plyaska-svyatogo-vitta.html>. – Дата доступа : 29.11.2024.

Князева Юлия Сергеевна
выпускница факультета
межкультурных коммуникаций Минского
государственного лингвистического
университета,
г. Минск, Беларусь

Kniazeva Yuliya
graduate of the Faculty
of Intercultural Communication
of Minsk State Linguistic University
juliaknyazeva2002@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРОНИМЫ В ТЕКСТАХ О ВЯЗАНИИ И ИХ ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются этнокультуронимы по вязанию и способы их перевода с английского языка на русский на основе аутентичных англоязычных текстов. Представляют интерес выделенные тематические группы слов по вязанию. Описываются способы перевода этнокультуронимов по вязанию с английского языка на русский с комментарием о предпочтительности того или иного способа.

Ключевые слова: народные промыслы; вязание; этнокультуронимы; способы перевода.

ETHNIC CULTURAL REFERENCE UNITS IN THE TEXTS ON KNITTING AND THEIR TRANSLATION FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Abstract: The article deals with ethnic cultural reference units in knitting. The ways of their translation from English into Russian are discussed. The topical groups of the words on knitting marked from the authentic English articles are of a certain interest. With regard to the notions of cultural reference and ethnic cultural reference units the choice of the preference of their translation is dwelt upon in the article.

Key words: folk crafts; knitting; ethnic cultural reference units; ways of translation.

Понятие «культуроним» на смену понятиям «безэквивалентная лексика» и «лакуны» ввел специалист в области межкультурной коммуникации В. В. Кабакчи. Ученый определяет культуроним как «общее понятие для языковых единиц (различных языков), закрепленных за элементами различных культур» [1, с. 8].

Советский и российский ученый, лингвист О. С. Чеснокова использует в своих трудах термин «этнокультуроним». По ее мнению, этнокультуроним – это обозначение этнокультурной специфики и идентичности. Ученый считает, что этнокультуронимы имеют национально-специфичное значение, лингвокультурологические коннотации и символы [2, с. 24]. Этнокультуронимы встречаются при описании народных промыслов, демонстрирующих культуру и быт прошлого и настоящего того или иного народа. Так, например, в Беларуси широко распространено соломоплетение, в связи с чем используются такие этнокультуронимы как *соломоплетельщик, тритикале, спиральное плетение, соломенная пластика, соломенная шкатулка, соломенная шляпа* и многие другие. Важно отметить, что в 2022 году соломоплетение вошло в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО.

В Великобритании одним из самых популярных народных промыслов и неотъемлемой частью британской культуры является вязание, где есть свои специфические лексемы, составляющие ядро исследуемой предметной области.

Слово «вязание» (англ. *knitting*) происходит от слова «узел» (англ. *knot*). Вязание – это процесс использования двух или более спиц для создания полотна, состоящего из ряда взаимосвязанных петель. Промысел пришел в Европу из Ближнего Востока в XIV веке. Вязание получило известность в Великобритании и стало популярным промыслом благодаря устойчивости полученных изделий и предметов

к погоде. Вязаными изделиями пользовались рабочие, солдаты и моряки, так как вещи из шерсти согревали, а также впитывали влагу и позволяли телу оставаться сухим. На протяжении веков и женщины, и мужчины профессионально занимались вязанием, но позже данный промысел стал ассоциироваться с домашним хозяйством и с женщиной – хранительницей домашнего очага. В течение XX века вязаные изделия не раз входили в топ модных вещей [3].

В Великобритании, как и во многих других странах, вязание и сегодня остается одним из популярных народных промыслов. Умеренно океанический климат Великобритании с переменчивой погодой, мягкой зимой и частыми дождями позволяет носить вязаные изделия практически круглый год. Во многих районах Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии отмечается свой особый стиль вязания или определенная одежда из шерсти, которая многим нравится и по сей день.

Своими кружевными изделиями из тонкой пряжи известны Шетландские острова – архипелаг на северо-востоке Шотландии. На Ансте, самом северном острове, производили очень тонкую пряжу из шерсти, которая идеально подходила для изготовления кружевных шалей и шарфов. Замысловатые ажурные стежки, изобретенные островитянами, получили такие живописные названия, как *папоротник*, *подкова* и *кошачья лапа* [4].

Фэр-Айл – это техника вязания, использующаяся на одноименном острове. Легенда гласит, что испанцы, застрявшие на острове после поломки корабля в 1588 году, научили жителей острова использовать цвета и узоры, характерные для вязания. Начиная с XIX века разнообразные цвета характеризовали вязаные изделия этого региона. Они появились благодаря красителям. Марена и индигофера придавали изделию красный и синий цвета, а лишайники – красный, коричневый, оранжевый и фиолетовый. Ярко окрашенные синтетические красители, изобретенные в 1850-х годах, расширили возможную цветовую гамму, но они использовались лишь в небольших количествах [4]. По традиции для вязания в технике Фер-Айл один вид пряжи, а именно стопроцентная овечья шерсть с Шетландских островов, была предпочтительна.

Для лингвопереводческого анализа англоязычных текстов о вязании в Великобритании нами были отобраны тексты *How knitting became cool* [3]; *“Knitting – a Scottish Craft”* [4]; *“Knit, Purl, Spy: How Spies Used Knitting to Send Secret Messages”* [5]; *“Knitting, Codes, and Espionage Through the Ages”* [6]; *“Learn How to Do the Basic Knit Stitch”* [7], посвященные различным видам рукоделия и творческих занятий по вязанию, шитью, декору, созданию поделок и многому другому. Из текста *“Learn How to Do the Basic Knit Stitch”* можно узнать, как выполнять базовый трикотажный шов и какие виды изделий можно научиться вязать самостоятельно в домашних условиях [7]. Из текста *“Knit, Purl, Spy: How Spies Used Knitting to Send Secret Messages”* [5] узнаем о факте использования вязания во время Первой и Второй мировых войн для передачи секретных сообщений. Так, например, неровный стежок на изделии обозначает проезжающий мимо поезд. Вязаные стежки, гладкие и похожие на букву «v», выделяются на фоне горизонтального изнаночного стежка, тем самым служат посланием. Текст *“Knitting – a Scottish Craft”* повествует об истории вязания в Шотландии. В XVI-XVIII веках вязание было важным ремеслом, помогавшим выжить, а потом переживало спад из-за развития промышленности. В некоторых регионах, например, на острове Фэр-Айл, сохранилось традиционное вязание, выполненное в определенной технике [4]. В наши дни возрождается интерес к вязанию как к полезному для здоровья занятию.

Из названных текстов нами были выделены следующие тематические группы слов: 1) вязаные изделия: *шляпа из шерсти, шерстяной шарф, шерстяные носки/чулки, сумка, одеяло, свитер, полотенце*; 2) оборудование и материалы, используемые для вязания: *спицы, пряжа, шерсть, шелк*; 3) люди, занимающиеся вязанием: *вязальщик и ремесленник*; 4) действия, выполняемые при вязании *вязать, набирать, распутывать, формировать, перевернуть, намотать, распускать*; 5) виды вязания: *английское, американское, бросающее, правостороннее, континентальное, немецкое, подбирающее*; 6) виды стежков: *неровный, горизонтальный, изнаночный, подвязочный*.

Значительную часть этнокультуронимов в англоязычных текстах о вязании составляют существительные (64%) – *ремесло, ремесленник, вязание, спицы, стежок, узелок, пряжа, волокно, узор, шляпа из шерсти, шерстяной шарф, сумка, свитер, изделие, ряд, нить* и др. 26% этнокультуронимов по вязанию из анализируемых текстов составляют прилагательные – *шерстяной, шелковый, теплый, горизонтальный, лицевой, изнаночный, вязаный, неровный* и др. Глаголы составляют всего 10% от общего количества этнокультуронимов по вязанию – *вязать, набирать, распутать, формировать, перевернуть, намотать* и др.

Анализ этнокультуронимов в англоязычных текстах о вязании показывает, что основную часть составляют существительные, отражающие конкретные предметы, инструменты, материалы и техники вязания. Это говорит о том, что англоязычный контекст в первую очередь фокусируется на материальном аспекте ремесла, а не на прилагательных, характеризующих материалы, качество и внешний вид изделий и не на глаголы, которые отражают действия, связанные с процессом вязания, подчеркивая, тем самым, практическую пользу от ремесла.

Перевод текстов о вязании с английского языка на русский может вызывать некоторые трудности. Остановимся на примерах использованных способов перевода этнокультуронимов с английского языка на русский.

Этнокультуронимы *knit* и *knitting* на русский язык переводятся при помощи подбора эквивалента как ‘вязать’ и ‘вязание’.

При помощи данного способа переводятся и другие этнокультуронимы:

текстильные материалы, использующиеся для вязания *fabric* ‘ткань’, *fibre* ‘волокно’, *skein* ‘клубок’ или ‘моток’, *yarn* ‘пряжа’.

Needles, как один из самых важных предметов для вязания, на русский язык передается как ‘спицы’ (инструмент имеет свои особенности); а *tip of a needle* ‘кончик спицы’ переведены при помощи эквивалента.

Вязаные изделия, такие как *scarf, sweater, washcloth, hot pad, socks, stockings* передаются на русский язык при помощи эквивалентов ‘шарф’, ‘свитер’, ‘полотенце’, ‘подставка под горячее’, ‘носки’ и ‘чулки’ с добавлением слова шерстяной/шерстяные в случае необходимости.

Интерес представляет перевод этнокультуронима *afgan*, который можно перевести двумя способами: при помощи эквивалента ‘одеяло’ или, используя описательный перевод, для более точного понимания значения, а именно ‘вид вязаного одеяла с характерным узором’.

Этнокультуронимы *craft* и *handicraft* переведены при помощи эквивалента как ‘ремесло’. Однако при переводе этнокультуронима *handicraft* с английского языка на русский можно уточнить в тексте, что при изготовлении изделий используется именно ручной труд, поскольку сегодня многие ремесленные техники могут быть автоматизированы.

Некоторые глаголы, обозначающие действия, которые выполняются при вязании, передаются на русский язык при помощи эквивалентов: *cast on* 'набирать', *unravel* 'распутывать', *wrap* 'намотать', *flip over* или *turn* 'перевернуть'.

При вязании различных изделий необходимо уметь делать различные стежки, например, *bumpy stitch* 'неровный стежок', *purl stitch* 'изнаночный стежок', *horizontal stitch* 'горизонтальный стежок', *garter stitch* 'подвязочный стежок' передаются на русский язык при помощи калькирования.

Различные виды вязания также передаются при помощи калькирования, например, *English knitting* 'английское вязание', *American knitting* 'американское вязание', *throwing knitting* 'бросающее вязание', *right-handed knitting* 'правостороннее вязание', *continental knitting* 'континентальное вязание', *German knitting* 'немецкое вязание', *picking knitting* 'подбирающее вязание'.

Особый интерес представляет перевод этнокультуронима *Fair Isle knitting*. Для перевода данного этнокультуронима можно использовать транскрипцию 'Фэр-Айл', с примечанием переводчика для того, чтобы читатели смогли понять смысл фразы. Но также можно осуществить перевод при помощи описательного перевода как 'стиль вязания родом с одноименного острова в Шотландии'. Как и при переводе с русского языка на английский при переводе общеупотребительных слов *hat* и *bag* использованы вариантные соответствия 'сумка' и 'шапка' с добавлением слова *шерстяная*.

При переводе этнокультуронимов из англоязычных текстов о вязании наиболее частотным способом перевода является эквивалент (56%). При помощи калькирования переведено 33% этнокультуронимов по вязанию. При помощи вариантных соответствий и описательного перевода переведено по 5% этнокультуронимов. Описательный перевод является универсальным способом перевода, так как благодаря ему можно перевести на иностранный язык все понятия и обозначения действий. Но данный способ перевода, полагаем, не является частотным, потому что вязание как ремесло существует и пользуется спросом во многих странах, включая Беларусь. Именно поэтому в русском языке существует достаточное количество эквивалентов, необходимых для полной передачи смысла англоязычного текста о вязании. Способом транскрипции переведен всего лишь 1% этнокультуронимов.

Анализ вязания как народного промысла Великобритании, демонстрирует не только богатство сохранившегося культурного наследия, но и эволюцию этого ремесла на протяжении веков. Вязание, как важный аспект британской культуры, прошло путь от жизненно необходимого навыка до популярного хобби, отражая изменения в социальном контексте и модных тенденциях.

Лингвопереводческий анализ англоязычных текстов о вязании показывает, что основное внимание уделяется материальным аспектам ремесла, что подтверждается преобладанием существительных среди встретившихся этнокультуронимов. Важность точного перевода этих лексических единиц на русский язык подчеркивает необходимость учитывать культурные особенности и контекст, что делает процесс перевода сложным, но увлекательным.

Таким образом, вязание и по сей день является не только полезным практическим навыком, но и составляет важную часть культурной идентичности, способствуя сохранению традиций и передаче знаний из поколения в поколение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабакчи, В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации : Учеб. пособие [для изучающих англ. яз.] / В. В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – 125 с.
2. Чеснокова, О. С. Этнолингвистические реалии Колумбии / О. С. Чеснокова // Язык в глобальном контексте. Латинская Америка сегодня как культурно-языковой феномен. – М. : ИНИОН, 2016. – С. 22–33.
3. 3.How knitting became cool. – 2020. – URL: <https://www.bbc.com/culture/article/20200630-how-knitting-became-cool/> (date of access: 26.05.2024).
4. Knitting – a Scottish Craft. – 2017. – URL: https://www.thescotlandkiltcompany.co.uk/blogs/news/knitting-a-scottish-craft#amp_tf=Крыніца%3A%20%251%24s&aoh=17111159060271&referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com&share=https%3A%2F%2Fwww.thescotlandkiltcompany.co.uk%2Fblogs%2Fnews%2Fknitting-a-scottish-craft (date of access: 26.05.2024).
5. Knit, Purl, Spy: How Spies Used Knitting to Send Secret Messages. – 2024. – URL: <https://greydynamics.com/knit-purl-spy-how-spies-used-knitting-to-send-secret-messages/> (date of access: 21.08.2024).
6. Knitting, Codes, and Espionage Through the Ages. – 2024. – URL: <https://timoneillstudios.com/knitting-codes-and-espionage-through-the-ages/> (date of access: 21.08.2024).
7. Learn How to Do the Basic Knit Stitch. – 2020. – URL: <https://www.thesprucecrafts.com/knit-stitch-in-english-knitting-2116510> (date of access: 21.08.2024).

Комина Александра Александровна
МОУ «Державинский лицей»
г. Петрозаводск, Россия

Джураева Ирина Алексеевна
МОУ «Державинский лицей»
г. Петрозаводск, Россия

Alexandra Komina
MEE «Derzhavinskiy Lyceum»
Petrozavodsk, Russia
derlyceum@mail.ru
Irina Dzhuraeva
MEE «Derzhavinskiy Lyceum»
Petrozavodsk, Russia
derlyceum@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э.БИШОП)

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые проблемные аспекты художественных переводов оригинальной англоязычной поэзии. В этой связи авторы проводят общий обзор существующих подходов к поэтическим переводам, а также рассматривают их возможные варианты на примере стихотворных произведений известного английского автора Э. Бишоп. Кроме того, в рамках проводимого исследования предпринимается попытка самостоятельной интерпретации одного из авторских стихотворений «Song For The Rainy Season», с использованием двухэтапного алгоритма работы.

Ключевые слова: поэтический перевод, стихотворение, стиль, художественная литература, текст

ON SOME PROBLEMS OF POETRY INTERPRETING (ON THE MATERIAL OF E. BISHOP'S WORKS)

Abstract: This article regards some problematic aspects of art translations of original English-language poetry. In this connection, the authors make a general review of existing approaches to poetic translations, and also consider their possible options, on the material of known English author E. Bishop's poetic works. In addition, in the frame of given study is made an attempt of individual translating one of the author's poems «Song For The Rainy Season», based on two-stage work algorithm.

Key words: poetic translation, verse, style, art literature, text

Как известно, само терминопонятие перевода имеет широкие разночтения в теории языкознания. Так, в определении известного исследователя С. П. Бархударова это нечто иное, как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» [2, с. 186]. По мнению М. А. Теленковой и Д. Э. Розенталь [3, с. 234] перевод представляет собой «передачу содержания устного высказывания или письменного текста средствами другого языка» и т. д. Столь же неоднозначными представляются и существующие подходы к типологии переводов. Традиционно в лингвистике различают устный и письменный перевод, принимая во внимание способ восприятия текста. Однако некоторые лингвисты [1,4] предлагают более дробную субклассификацию, выделяя переводы письменно-письменные, устно-устные, письменно-устные, устно-письменные.

В то же время, по жанрово-стилистическому критерию различают информативный (специальный) перевод и художественный (литературный) перевод. Целью информативного перевода является лишь донесение каких-либо сведений, без учета эстетического восприятия и использования каких-либо литературных приёмов. Вполне очевидно, что такой вид перевода чаще всего применяется при работе с деловой документацией [3]. Художественный же перевод используется при интерпретации прозаической и поэтической литературы,

являясь одним из самых сложных видов переводческой деятельности, что вполне объяснимо. Ведь, помимо передачи определённой информации, перед интерпретатором стоит задача донесения до читателя самих эмоций, чувств, которые автор вложил в своё произведение. Кроме того, данные виды переводов могут быть использованы в одном и том же контексте одновременно (зависит от того, на что именно обращает внимание автор-сам факт действия или его значение).

Говоря об основных требованиях, предъявляемых к интерпретаторам художественных текстов, необходимо обратиться к нескольким известным «максимам»: 1) искренний интерес к переводимым произведениям; 2) сохранение авторского стиля; 3) сохранение этнокультурного колорита; 4) точность передачи содержания; 5) соблюдение нужного баланса между буквальными и контекстуально обусловленными значениями слов; 6) правильный подбор лексических синонимов; 7) соблюдение стилевых норм [2, с. 167]. Вполне очевидно, что эти установки особенно значимы для переводов поэтических произведений, отличающихся нестандартностью образов и форм, метрического рисунка, использованием эмоционально окрашенной лексики, ярких метафорических эпитетов. Именно при работе со стихотворными текстами необходимо также использовать правильные звуковые ассонансы, авторский ритмометрический рисунок.

Как уже говорилось, одна из главных задач при переводе художественного текста – донести до читателя мысль оригинала. Однако если переводить текст дословно, то его смысловое содержание может утрачиваться. Так, по статистике, средние потери информации при переводе составляют около 20% [3]. Причем неточности могут быть вызваны разными причинами. Одна из них, в частности, состоит в различиях в употреблении фразеологизмов и крылатых выражений. К примеру, русским аналогом английского фразеологизма *the grass is always greener on the other side* (дословно: *Трава на другой стороне всегда зеленее*) может служить крылатое выражение: *Хорошо там, где нас нет* [5, с. 176]. Таким образом, при переводе пропадает оригинальное лексическое оформление, но сохраняется смысловое содержание фразы. Большое значение имеет также степень сходства этнокультурной основы двух языков (оригинала и перевода). Так, для европейских образованных читателей всегда понятны отсылки к Библии, тогда как при чтении ими литературы Ближнего Востока цитаты из Корана будут восприниматься не так легко. Часто переводчики сталкиваются с таким понятием, как полисемия (многозначность слова), причём как в исходном, так и переводящем языках. Особенно это касается фразовых глаголов, имеющих много значений в английском языке. Русский же язык очень богат лексически, что даёт возможность выбора из множества синонимов (иногда это лишь создаёт путаницу и приводит к потере точности перевода) [5].

Говоря об английской поэзии и ее переводах на русский язык, нельзя не вспомнить такого известного автора, как Э. Бишоп, творчество которой сложно уложить в рамки единого литературного направления. Ее работы фактически являются связующим звеном между модернизмом (уход от классики) и постмодернизмом (реакция на модернизм): в них явно прослеживаются мотивы поиска, размышления о реальности. Тематика произведений Э. Бишоп очень разнообразна: от философской и любовной лирики («*Anaphora*»; «*The Shampoo*»), до пейзажных зарисовок, в которых явно прослеживается мотив жизненного пути («*The Map*»); «*Manners*»; «*First Death in Nova Scotia*») и др. Автор не придерживается какой-либо однозначного метрического рисунка, смело экспериментируя с рифмами: многие ее стихотворения, как например, «*While Someone Telephones*», «*Letter To N. Y.*», «*Seascape*» напи-

саны либо белым стихом, либо верлибром. В то же время, встречаются и рифмованные произведения: «*Exchanging Hats*», написанное кольцевой рифмой, стихотворение «*Visits to St. Elizabeths*» как явная пародия на известную народную английскую сказку в стихах «*Дом, который построил Джек*», написанное с использованием метода рекурсии [6]. Большой интерес представляет и стихотворение Э. Бишоп «*One Art*», текст которого в оригинале и в переводе на русский язык приведен в нижеследующей таблице:

Т а б л и ц а 1.

<i>Оригинальный текст</i>	<i>Текст перевода</i>
<p><i>«The art of losing isn't hard to master; so many things seem filled with the intent to be lost that their loss is no disaster.</i></p> <p><i>Lose something every day. Accept the fluster of lost door keys, the hour badly spent. The art of losing isn't hard to master.</i></p> <p><i>Then practice losing farther, losing faster: places, and names, and where it was you meant to travel. None of these will bring disaster.</i></p> <p><i>I lost my mother's watch. And look! my last, or next-to-last, of three loved houses went. The art of losing isn't hard to master.</i></p> <p><i>I lost two cities, lovely ones. And, vaster, some realms I owned, two rivers, a continent. I miss them, but it wasn't a disaster.</i></p> <p><i>Even losing you (the joking voice, a gesture I love) I shan't have lied. It's evident the art of losing's not too hard to master though it may look like (Write it!) like disaster» [6, с. 154].</i></p>	<p><i>«Уметь терять – нехитрое искусство. Взгляни: вокруг ненужных вещей Так много, что без них не станет пусто, Не станет мир ни хуже, ни мрачней.</i></p> <p><i>Теряйте каждый день. Не стоят буйства Ключей потеря, зря пропавший час. Уметь терять – нехитрое искусство, Оно доступно каждому из нас.</i></p> <p><i>Теряйте больше, легче и быстрее. Не побывайте в неких городах. Значенья никакого не имеет Собрание имён, событий, дат.</i></p> <p><i>Терял часы – подарок – было грустно. Терял жильё. Сложнее. Пережил. Уметь терять – нехитрое искусство. Ты эту мысль, пожалуй, запиши.</i></p> <p><i>Два города терял, причём красивых, Среди потерь есть также две реки. А раньше ведь казалось непосильным Терять дома, миры, материки.</i></p> <p><i>Навалится утрата – и отпустит, Когда ты пропадёшь в один из дней. Уметь терять – нехитрое искусство. А кажется порой, что всё сложнее» (перевод С. А. Дерновой) [6, с. 156].</i></p>

Сравнение текстов оригинала и перевода дает возможность увидеть основные трудности, с которыми сталкивается интерпретатор, равно как и приемы, используемые для их преодоления. Так, первой проблемой является явная вариативность длины строк в оригинале и переводе, что объясняется использованием рифмы по типу вилланели (5 терцин и четверостишие в конце): автор использует как трехстрочники, так и катрены. В то же время, в русскоязычном тексте размер строк выравнивается до четырехстрочного стандарта. Еще одной сложностью для переводчика представляется использование в оригинальном тексте многочисленных вставок и нестандартных синтаксических структур, а также рефренов, что требует больших усилий при «прочтении» текста, равно как и при его интерпретации на русском языке. Кроме того, нетрудно заметить, что автор часто отдает предпочтение безличным глагольным конструкциям и сложным

временным формам, не имеющим точных соответствий в русском языке, что создает определенные проблемы при выборе нужных контекстуальных эквивалентов и рифмовке. Можно отметить и явную многозначность лексики оригинального языка. Например, слово *master*, постоянно повторяющееся в тексте, имеет целый ряд значений, что предполагает необходимость как его контекстуального осмысления, так и подбора нужного эквивалента. Однако, в целом, необходимо признать, что при всех имеющихся сложностях и лексико-грамматических несоответствиях, переводчик вполне успешно справился с основной задачей донесения основного смысла до читателя, сохранив при этом как своеобразие авторского поэтического стиля, так и красоту звучания самого стихотворения, его образную основу и ритмику, т. е. умело «подхватив интонацию».

На основе анализа теоретического и практического материала, проведенного в рамках исследования нами была предпринята попытка выполнения самостоятельного перевода одного из поэтических произведений Э. Бишоп «Song For The Rainy Season» [6], написанное в 1960 г., в котором повествуется о воображаемом доме и том, что его окружает. Стихотворение написано в несколько абстрактном стиле фантазии, состоит из шести строф по десять строк каждая, и не имеет определенной схемы рифмовки.

При работе с текстом нами была использована стандартная методика двухэтапного перевода, с составлением подстрочника и последующим его редактированием до уровня литературного перевода. Полученные результаты представлены в ниже-следующих таблицах:

Т а б л и ц а 2 .

<i>Оригинальный текст</i>	<i>Подстрочный перевод</i>
<i>Hidden, oh hidden in the high fog the house we live in, beneath the magnetic rock, rain-, rainbow-ridden, where blood-black bromelias, lichens, owls, and the lint of the waterfalls cling, familiar, unbidden.</i>	<i>Скрытый, о, скрытый в высоком тумане дом, в котором мы живем, под магнитной скалой, пронизанный дождем и радугой, где кроваво-черные бромелии, лишайники, совы и ворсинки водопадов цепляются, знакомые, непрошеные. В эпоху тусклой воды ручей громко поет из грудной клетки гигантского папоротника; пар без усилий поднимается вверх по густым зарослям, поворачивает обратно, удерживая их обоих, дом и скалу, в частном облаке. Ночью по крыше ползут слепые капли, и обычная коричневая сова дает нам доказательство того, что она умеет считать: пять раз — всегда пять— он топает и убегает вслед за жирными лягушками</i>
<i>In a dim age of water the brook sings loud from a rib cage of giant fern; vapor climbs up the thick growth effortlessly, turns back, holding them both, house and rock, in a private cloud.</i>	
<i>At night, on the roof, blind drops crawl and the ordinary brown owl gives us proof he can count:</i>	

<p><i>five times—always five— he stamps and takes off after the fat frogs that, shrilling for love, clamber and mount.</i></p> <p><i>House, open house to the white dew and the milk-white sunrise kind to the eyes, to membership of silver fish, mouse, bookworms, big moths; with a wall for the mildew's ignorant map;</i></p> <p><i>darkened and tarnished by the warm touch of the warm breath, maculate, cherished; rejoice! For a later era will differ. (O difference that kills or intimidates, much of all our small shadowy life!) Without water</i></p> <p><i>the great rock will stare unmagnetized, bare, no longer wearing rainbows or rain, the forgiving air and the high fog gone; the owls will move on and the several waterfalls shrivel in the steady sun.</i></p>	<p><i>которые, взывая о любви, карабкаются и взбираются на гору. Дом, открытый дом белой росе и молочно-белому восходу солнца, приятному для глаз, для членства в серебряных рыбках, мышах, книжных червях, больших мотыльках; со стеной для невежественной карты плесени; потемневший и потускневший от теплого прикосновения теплого дыхания, пятнистый, лелеемый; радуйся! Для более поздней эпохи будет по-другому. (О разница, которая убивает или запугивает большую часть нашей маленькой призрачной жизни!) Без воды великая скала будет выглядеть немагнитной, голой, на ней больше не будет радуги или дождя, всепрощающий воздух и высокий туман исчезнут; совы уйдут дальше, несколько водопадов высохнут под постоянным солнцем.</i></p>
---	---

Таблица 3.

Оригинальный текст	Литературный перевод
<p><i>«Hidden, oh hidden in the high fog the house we live in, beneath the magnetic rock, rain-, rainbow-ridden, where blood-black bromelias, lichens, owls, and the lint of the waterfalls cling, familiar, unbidden.</i></p>	<p><i>«Скрыт, спрятан он в высоком тумане, уголок, где живём под большими камнями. Радугой дом окружён, там, где бордовые мхи и бронелии, где совы и брызги водопада повисли знакомые; есть кто-то в нём.</i></p>

*In a dim age
of water
the brook sings loud
from a rib cage
of giant fern; vapor
climbs up the thick growth
effortlessly, turns back,
holding them both,
house and rock,
in a private cloud.*

*At night, on the roof,
blind drops crawl
and the ordinary brown
owl gives us proof
he can count:
five times—always five—
he stamps and takes off
after the fat frogs that,
shrilling for love,
clamber and mount.*

*House, open house
to the white dew
and the milk-white sunrise
kind to the eyes,
to membership
of silver fish, mouse,
bookworms,
big moths; with a wall
for the mildew's
ignorant map;*

*darkened and tarnished
by the warm touch
of the warm breath,
maculate, cherished;
rejoice! For a later
era will differ.
(O difference that kills
or intimidates, much
of all our small shadowy
life!)*

*Without water
the great rock will stare
unmagnetized, bare,
no longer wearing
rainbows or rain,
the forgiving air
and the high fog gone;*

*Слышен звон ручейка
даже в смутное время
изнутри, из груди великана-куста;
пар летит в вышину,
возвращаясь легко.
Говорит: «Вас двоих утаю,
и дом, и скалу,
здесь от всех далеко».*

*А с крыши, в ночи,
Слепящие капли стекают
И бурые совы твердят,
Что в счёте они ловкачи:
Пять раз, ровно пять
Стучат, и в погоне они
За лягушками,
что кричат о любви,
на горы взбираясь.*

*Отвори двери дома,
навстречу росе,
увидь рассвет снова,
где для взгляда всё ново.
Здесь и рыбка из сказки,
и мышонок с хранителем книг,
моль живёт среди них,
на стене плесневелая лживая карта.*

*От простого дыхания, темнее, мрачнее
становится он,
от простого касания, что греет;
наслаждайся! Для других поколений
изменится всё
(О изменения, что убивают или пугают
большую часть нашей неясной маленькой
жизни!).
Раз исчезнет вода, разобьётся скала,
некрасива, нага,
не охвачена больше ни радугой,
ни дождём, освежающим воздухом,
ни туманом ушедшим.
И совы продвинулись дальше,
разом всё всколыхнётся,
водопады иссохнут,
лишь останется солнце».*

<i>the owls will move on and the several waterfalls shrivel in the steady sun».</i>	
---	--

Вполне очевидно, что мы постарались использовать авторскую схему рифмовки, с минимальными изменениями темпа и ритма стихотворения.

Основные сложности, встретившиеся в процессе работы над переводом, можно условно свести к следующим позициям:

1. Частые вариации длины слов авторском тексте: (4 строфа) *bookworms* – 1 слово; книжный червь – 2 слова; 3 строфа: *to mount* (1 слог) – взбираться, восходить, подниматься – по 3 слога;

2. Многозначность лексики оригинального языка. Например, слово *lint* – ворс, катышки, волокно хлопчатника (первая строфа) используется в данном контексте в значении маленьких частиц, а поэтому исходное (основное) значение заменено на «*брызги*» (что также удобно для соответствия выбранной рифме);

3. Семантические расхождения лексики в исходном и переводном вариантах текста. Например, если слово *map* в самом оригинале (четвёртая строфа) имеет значение географической карты, то в русском языке *карта* может ассоциироваться у читателя как с географической, так и с игровой, что создает определенные сложности в восприятии текста читателями.

Тем не менее, при всех расхождениях и сложностях, имевших место в ходе работы над текстом, представляется возможным признать выполненный перевод довольно удачным и близким оригиналу как по стилю, так и по посылу, эмоциональному настрою.

В целом, результаты проведенного нами теоретического и практического исследования дают полное основание утверждать, что любой перевод художественного и, прежде всего, поэтического текста есть ничто иное, как воссоздание произведения на индивидуально личностной, авторской основе. Применение выбранного нами двухэтапного алгоритма работы с поэтическим текстом позволяет сохранить авторскую ритмику произведения, его рифму, а главное, заложенные в стихотворении посыл и настроение. Причем довольно важным подспорьем в этом случае является обязательное прочитывание вслух как исходного текста, так и перевода. Именно это помогает сгладить и устранить те неизбежные погрешности, которые возникают в ходе работы. Что касается самой точности, к которой стремятся многие интерпретаторы, то она, на наш взгляд, не должна быть самоцелью, не являясь эквивалентом самодостаточности и успешности выполненного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арпентьева, М. Р. Проблемы поэтического перевода / М. Р. Арпентьева // Омский научный вестник. – Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2018. – №9. – С.1–9.
2. Бархударов, С. Г. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / С. Г. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 253с.
4. Розенталь, Д. Э., Теленкова, М. А. Справочник – словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова.– М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
5. Чуковский, К. И., Гумилёв, Н. С. Принципы художественного перевода / К. И. Чуковский, Н. С. Гумилёв [Электронный ресурс]. – СПб : ЭТС, 2001. – 31 с. – URL: <http://vsemirkadoc.ru/images/perevod/printsipy-19.pdf> (дата обращения 19.03.2025).
6. Английская поэзия. Э. Бишоп «Song For The Rainy Season» [Электронный ресурс] – URL: <http://engpoetry.ru/PoemE.php?PoemId=15414> (дата обращения 19.03.2025).

Лашинина Ярослава Дмитриевна
выпускник факультета межкультурных
коммуникаций
УО «Минский государственный
лингвистический университет»
г. Минск, Беларусь

Lashchynina Yaroslava
graduate of the Faculty of Intercultural
Communication of Minsk State Linguistic
University
Minsk, Belarus
ya.laschinina@gmail.com

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В МИФАХ О МИНСКЕ

Аннотация: Статья посвящена описанию трудностей перевода с русского языка на английский лингвистических особенностей мифов о Минске на основе материала из сборника В. Г. Воложинского «Минск в легендах, мифах и преданиях». Показано, что наибольшим трудностям при переводе мифов с русского языка на английский относится перевод реалий, как специфических носителей древней культуры народа, представленной в мифах и легендах. В статье описывается ход выбора того или иного варианта перевода реалий.

Ключевые слова: миф; мифологема; реалия; перевод; domestикация; фorenизация.

TRANSLATION OF REALIAS IN MYTHS ABOUT MINSK

Abstract: The paper is devoted to the description of the difficulties of translation of linguistic characteristics from Russian into English based on the material from the collection “Minsk in Legends, Myths and Tales” by V. Volozhinsky. The article stresses that the greatest difficulty in translating the myths from Russian into English is linked with realias as specific elements of ancient culture of the people described in the legends and myths. The way to choose the best variant of the translation of the realia is described in the article.

Key words: myth; realia; translation; domestication; foreignization.

Миф является сложным и многогранным феноменом, который исследуется в различных научных и философских дисциплинах. Он выполняет множество функций: от объяснения устройства мира и передачи культурных ценностей до социализации и формирования коллективного сознания. Многие известные ученые, такие как Р. Барт [1], К. Леви-Стросс [2], А. Ф. Лосев [3], предлагают разнообразные подходы к пониманию мифа, подчеркивая его культурное, социальное, религиозное и философское значение. Современные исследования показывают, что мифология продолжает играть важную роль в интерпретации человеческого опыта, адаптируясь к изменениям культуры и общества. Мифы и легенды разных стран и народов предоставляют богатый материал для изучения культурного разнообразия мира. Мифологические сюжеты продолжают адаптироваться и трансформироваться и в современное время, оставаясь актуальными для новых поколений. О том, что интерес к изучению мифологии не исчезает и по сегодняшний день, свидетельствует новое исследование белорусского краеведа В.Г. Воложинского, представленное в его книге «Минск в легендах, мифах и преданиях» [4].

Под мифом, вслед за В. Г. Воложинским, будем понимать отражение в коллективном сознании людей прошлого представлений об устройстве мира, зафиксированных в устном народном творчестве и письменных источниках [4, с. 11].

Книга В. Г. Воложинского «Минск в легендах, мифах и преданиях» представляет собой исследование, посвященное мифологическому наследию Минска и его окрестностей. В. Г. Воложинский, известный белорусский писатель и фольклорист, активно занимается изучением традиционной культуры Беларуси, собирая и систематизируя устные предания и мифы. Его работа направлена на сохранение и популяризацию культурного наследия Беларуси, что имеет особое значение в условиях современной изменившейся жизни.

Отдельного рассмотрения заслуживают лингвистические особенности мифов, так как без их понимания невозможно осуществить перевод мифа с одного языка на другой. Как показывает анализ мифологических текстов из книги В. Г. Воложинского «Минск в легендах, мифах и преданиях», значимая доля лингвистических средств в подобных текстах приходится на реалии.

Важно отметить, что существуют две основные трудности при переводе реалий: отсутствие в языке перевода эквивалента из-за отсутствия в культуре носителей данного языка предмета или явления, обозначаемого той или иной реалией, и необходимость, наряду с предметным значением реалии, передавать ее национальную и историческую окраску.

Как показывает анализ мифологических текстов из книги В. Г. Воложинского «Минск в легендах, мифах и преданиях» значимая часть лингвистических средств приходится на реалии, например *дружина*, *воевода*, *богатырь*, *змей*, *войка*, *княжна* и многие другие. На 250 страницах проанализированных мифологических текстов реалии встретились 228 раз, и именно они представляют основную трудность при переводе мифологических текстов из указанной книги.

Существует несколько стратегий перевода иноязычных текстов. К ним относятся широко известные стратегии доместикации и форенизации. В понимании современного американского переводоведа Л. Венути форенизация предполагает сохранение информации из текста-оригинала в максимально возможной степени, даже если это нарушает обычные нормы языка перевода [5, с. 20]. Например, *Змей* ‘Zmey’, *князь* ‘knyaz’, *квас* ‘kvas’. В противоположность этой стратегии существует стратегия доместикации, используя которую, переводчик старается адаптировать текст-оригинал к правилам языка перевода, а также к его культурным традициям. Например, *князь* ‘king’, *лапти* ‘shoes’, *копейка* ‘cent’. При этом из переводимого текста может исчезнуть культурная специфика и экспрессивность, он будет восприниматься как нейтральный, поэтому Л. Венути поддерживает преимущественное использование форенизации [5, с. 20].

Таким образом, реалии каждый раз ставят переводчика перед альтернативой: транскрибировать и идти по пути форенизации или передавать значения подбором аналога, описанием и склоняться в сторону доместикации. Выбор пути зависит от нескольких предпосылок: от характера текста, от значимости реалии и ее смысловой нагрузки в контексте, от характера самой реалии-мифологемы, от самих языков и от читателя перевода. В нашем исследовании доместикация применялась в 82,5% случаев, что позволило адаптировать мифологические реалии к культурным особенностям англоязычной аудитории. Форенизация, использованная в 17,5% случаев, помогла сохранить аутентичность оригинала, что также важно для передачи культурной окраски текста.

Остановимся отдельно на переводческих трудностях, которые мы отметили, анализируя отдельные реалии, например, из легенды «Княжеское ложе, или как появились река Лоша и поселение Лошица»: *Дружина также проснулась и готовилась к нелегкому дню* [4, с. 79]. **The army of not just brave soldiers but wise counselors had also woken up starting to get ready for a hard day** (перевод наш). Дружина – это княжеское войско. Она являлась такой же необходимой частью иерархии древнерусского общества, как и князь. Дружинники представляли реальную военную силу, всегда готовую к бою, а также служили советниками князя. В переводе важно подчеркнуть, что это не просто военная сила, а достаточно приближенные к князю люди, потому что, если в качестве перевода используется слово ‘crew’, читатель не поймет, почему в легенде «Княжеское ложе, или как появились река Лоша и поселение Лошица» князь советуется

и даже прислушивается к своему войску. Среди вариантов перевода рассмотрим и ряд других: 1) 'retinue' – это термин, который используется для обозначения группы людей, которые сопровождают и поддерживают важного или высокопоставленного человека, такого как монарх или военачальник, однако этот термин чаще переводится на русский язык как 'свита', что не связано с военной деятельностью; 2) 'guards' – обозначает людей, защищающих другого человека, однако по социальному статусу они значительно ниже князя и не могут выполнять функции советников; 3) 'companions', 'followers', 'supporters' – в этих словах достаточно глубоко описывается сама суть дружинников, т.к. здесь акцентируется внимание на том, что дружина является не просто наемной силой, она является войском, которое искренне поддерживает и следует за своим лидером. Отметим при этом, что сами термины не являются эквивалентными соответствиями за счет своего общего смысла, поэтому считаем, что их использование возможно только при вторичном упоминании в тексте, когда читатель из контекста может понять, о ком идет речь. Мы пришли к выводу, что для первого упоминания в тексте лучше использовать следующий вариант перевода: 'the army of not just brave soldiers but wise counselors' (перевод наш). Так как в английском языке нет эквивалентных соответствий, которые в достаточной мере удовлетворяют лексическому значению реалии *дружина*, мы прибегаем к описательному переводу.

Однако, некоторые реалии, имеющие наибольшую значимость для полноценного понимания мифологического текста, было решено перевести, используя стратегию форенизации. Таким образом: *князь* – предводитель войска и правитель области в феодальной, удельной Руси, в легенде «Княжеское ложе, или как появились река Лоша и поселение Лошица» переведен как 'knyaz'. Благодаря выбору стратегии форенизации максимально сохраняется культурная и национальная окраска слова, а это особенно важно, так как *князь* является главным героем в мифе «Княжеское ложе, или, как появились река Лоша и поселение Лошица». Вместе с тем, к данному слову *князь* можно подобрать достаточно много вариантных соответствий: 'king', 'prince', 'lord', 'master', 'duke'. Вариантные соответствия максимально упрощают чтение, но также могут стать причиной неполного понимания текста: 1) 'king' – титул монарха, глава королевства; 2) 'prince' – титул члена царствующего дома (в Западной Европе), а также лицо, носящее этот титул; 3) 'lord' – в Англии: высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц, а также лицо, носящее этот титул; 4) 'duke' – титул высшего дворянства или влиятельных князей в Западной Европе, а также лицо, носящее этот титул. Таким образом, все эти варианты имеют что-то общее, но не являются равнозначными, поэтому в переводе не использованы.

Опишем примеры выбора варианта перевода реалии из легенды «Красавицы и Змей». *Юноша одолел Змея, освободив возлюбленную и других красавиц* [4, с. 63]. 'The young man defeated a **three-headed dragon-like creature called Zmey** and released his loved one and other beauties' (перевод наш). Аналогичные легенды существуют у многих народов, разделенных сотнями и тысячами километров. Огненный змей в белорусской мифологии – это злой дух, антропоморфный змеевидный демон, мифологическое существо в преданиях славян. Для сравнения опишем китайского дракона. В китайской культуре дракон представлен как символ доброго начала ян и китайской нации в целом. При переводе очень важно передать правильную окраску данного персонажа, чтобы не исказить понимание. Такие варианты, как 1) 'dragon' или 2) 'snake' не приемлемы, так как являются достаточно абстрактными и могут интерпретироваться по-разному. Приемлемым вариантом, на наш взгляд, является описание 3) 'A three-headed dragon-like creature called Zmey'.

Однажды жребий пал на красавицу, суженым которой был здешний **асилак-богатырь** [4, с. 63]. ‘One day the fate chose a beautiful girl, whose promised one was a local **hero**’ (перевод наш). В переводе легенды «Красавицы и Змей» мы встречаемся с реалией *богатырь*. *Богатыри* – это герои былин и сказаний, отличающиеся большой силой и совершающие подвиги религиозного или патриотического характера. Рассмотрим аналогии к переводу реалии *богатырь* 1) ‘hero’ и 2) ‘Hercules’. 1) ‘Hero’ – выдающийся своей храбростью, доблестью человек, самоотверженно совершающий подвиги. На первый взгляд, может показаться, что данный эквивалент удачен для перевода реалии *богатырь*, но есть различия: герои часто являются не только вымышленными персонажами, но и реальными людьми, совершающими подвиги. Былинные богатыри чаще мифические образы, но некоторые из них существовали на самом деле. Герои в то же время могут быть наделены волшебной силой, а богатыри – только физической; мотивация поступков сказочных героев и былинных богатырей отличается. 2. Hercules – персонаж греческой мифологии. Образ Геркулеса или Геракла занимает важное место в западной мифологии. Он фигурирует во многих произведениях искусства, включая политические и эстетические теории. При этом в большинстве случаев речь идёт не о каком-либо конкретном деянии героя: Геркулеса изображают как носителя определённых типичных для него черт. Следовательно, для носителя английского языка, вариант перевода ‘Hercules’ достаточно понятен. Но необходимо подчеркнуть, что мы осуществляем перевод с русского языка, стараясь сохранить целостность и глубину понимания славянской легенды. Именно поэтому желательно и даже необходимо дать либо пояснения к переводу, либо использовать описательный перевод: 3) ‘the hero of Russian legends, distinguished by great strength that performs a feat’ (перевод наш).

Подводя итоги, скажем, что реалии, хорошо известные широкой аудитории, обычно переводятся с использованием таких способов, как транскрипция, транслитерация или калькирование. Эти подходы позволяют сохранить оригинальное звучание или структуру слова, что делает перевод более понятным для читателя, знакомого с культурным контекстом. В случае реалии как компонента мифологемы, которые не знакомы целевой аудитории, переводчик может использовать транскрипцию или транслитерацию, дополненные переводческим комментарием или описательным переводом. Это помогает читателю лучше понять значение и контекст реалии, который может быть незнаком иноязычному читателю. Если же реалия, присутствующая в оригинальном тексте, не имеет значительной смысловой нагрузки, ее можно заменить в переводе функциональным аналогом, вариантным соответствием или эквивалентом, который передает национальный колорит.

Успешный перевод мифов требует внимательного анализа языковых тонкостей, традиций и обычаев, чтобы передать не только сам текст, но и его культурное значение. В результате этого многостороннего сложного процесса переводчик помогает преодолеть барьеры между иноязычными культурами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт, Р. Мифология / Р. Барт ; пер. с фр. С. Зенкина. – М. : Академ. проект, 2010. – 351 с.
2. Леви-Стросс, К. Мифологии: человек голый / К. Леви-Стросс. – М. : Флюид, 2007. – 784 с.
3. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев ; сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.
4. Воложинский, В. Г. Минск в легендах, мифах и преданиях / В. Г. Воложинский. – Минск : Альфа-книга, 2019. – 352 с.
5. Venuti, L. The Translator’s Invisibility: A History of Translation / L. Venuti. – London ; N. Y. : Routledge, 2008. – 319 p. – URL: https://books.google.ru/books/about/The_Translator’s_Invisibility (date of access: 10.11.2024).

ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ Ш. БОДЛЕРА «BÉNÉDICTION»)

Аннотация. В статье рассматриваются стилистические аспекты стихотворных переводов на материале французской литературы. Автор исследует значимость структуры и ритма оригинального текста при создании его переводного варианта с сохранением исходного замысла и индивидуальных авторских особенностей. Также, в рамках исследования предлагается алгоритм стихотворного перевода франкоязычного стихотворения на русский язык.

Ключевые слова: проблемные аспекты, алгоритм, особенности авторского стиля, стихотворный перевод

THE SPECIFIC FEATURES OF POETRY INTERPRETING (based on the material of Ch. Baudelaire`s poem «Bénédiction»)

Abstract: This article concerns some stylistic aspects of poetic interpreting, based on French literature material. The author examines the significance of original texts structure and rhythm in creating translated version while preserving the original concept and individual author style features. Also, in the frame of given study is presented an algorithm for poetic interpreting of a French-language artwork into Russian.

Key words: problematic aspects, algorithm, author style features, poetry interpreting

Как известно, поэзия – это очень интересный, самобытный литературно-художественный жанр, уходящий корнями в далекую древность. Высокая лиричность, изысканность, оригинальность, а порой и уникальность форм делают ее объектом постоянного и пристального внимания как читателей, так и авторов самых разных школ. Однако, для того чтобы в полной мере оценить ее своеобразие и красоту, нельзя обойтись без художественного перевода, выполнение которого требует больших творческих усилий, достаточного количества знаний и многого другого. Ставший неотъемлемой частью литературной культуры, поэтический перевод представляет собой сложный процесс, требующий от переводчика не только знания языков, но и умения чувствовать и передавать энергетику оригинала [2,3]. Особенности стихотворного перевода с французского на русский состоят в сложности передачи смысла и ритма, сохранения образности и эмоциональности, а также необходимости поиска баланса между точностью перевода и сохранением стихотворно-ритмической структуры.

Одной из особенностей французского поэтического языка является его высокая музыкальность, во многом обязанная силлабо-тонической и ритмической организации. Соответственно, в процессе перевода на русский язык нередко приходится менять структуру строки, искать нужные эквиваленты для сохранения изначально метрического рисунка. Также зачастую приходится сталкиваться с проблемой отсутствия точных эквивалентов для французских слов, которые могут быть полисемантичными или иметь специфические нюансы значений [1]. Еще одной сложностью стихотворного перевода является необходимость передачи метафорических и символических образов, которые не всегда имеют прямые эквиваленты в русском языке. Переводчику приходится искать аналогичные образы или создавать новые для сохранения поэтического звучания оригинала.

Поскольку стихотворный перевод не является простым переносом слов и смыслов с одного языка на другой, необходимо учитывать этнокультурные различия и особенности обоих языков, чтобы адекватно передавать эмоциональную атмосферу оригинала [4]. К тому же, вполне очевидно, что каждый переводчик имеет свой собственный стиль и подход к переводу, а поэтому любая стихотворная версия может иметь определенные индивидуальные особенности. Одним из часто используемых приемов при выполнении стихотворного перевода с французского на русский язык является сохранение изначального ритма и формы. Безусловно, переводчик стоит перед необходимостью не только точного перевода смысла, но и поиска русских слов, которые не нарушают ритмическую структуру оригинала. В целом, процесс стихотворного перевода с французского на русский язык представляет собой постоянный поиск баланса между точностью перевода и сохранением ритмометрической структуры, передачей оригинальной образности и эмоциональности [3]. Все это делает сего настоящим творчеством, результатом которого является созданием новых произведений искусства.

Нетрудно предположить, что существует несколько видов перевода стихов: 1) *Прозаический перевод* (самый простой подход к интерпретации поэтических произведений). Он характеризуется тем, что «на выходе» получается прозаический текст, передающий максимально близко к оригиналу смысловое, информационное содержание и сохраняющий его эстетическую составляющую; 2) *Поэтический перевод*, который сохраняет все характерные особенности стихотворного текста, кроме рифмы. Иначе говоря, этот вид перевода имеет форму белого стиха, который довольно оригинален по форме, метрике, поэтическим свойствам, зачастую превосходя по возвышенности и красоте звучания даже полностью рифмованный стихотворный текст; 3) *Стихотворный перевод*, который можно по праву считать самым сложным видом интерпретации, поскольку он имеет целью как сохранение ритмометрического рисунка оригинального произведения, так и максимально точную передачу его подлинного авторского звучания. Именно этот вид перевода является предметом детального рассмотрения в нашей работе. Под термином «*стихотворный перевод*» мы подразумеваем создание поэтического текста, соответствующего оригиналу по смыслу, форме и своим художественным качествам, с использованием всех элементов, характерных для поэтического произведения, включая рифму. Стихотворный перевод — это вершина художественного перевода текста, так как требует от переводчика не только литературного таланта и умения писать стихи, но и способности вместить в стихотворную форму иного языка исходный смысл, идею и даже индивидуальные авторские литературные приёмы [4].

Если все остальные виды перевода стихов, о которых говорилось выше, имеют определенные ограничения и условия применения, то о стихотворном переводе этого сказать нельзя: он может быть использован абсолютно во всех случаях. Проблемными аспектами его являются: высокий уровень сложности, значительная трудоёмкость, безусловная необходимость наличия профессионального опыта и даже мастерства переводчика. Перевод стихов с любого языка мира на русский и наоборот предполагает обязательное сохранение баланса между эстетической красотой полученного стиха и точностью перевода всех составляющих его слов [1]. Только качественный перевод поэтического текста может звучать красиво, убедительно и максимально точно, близко к оригиналу передавать его суть и смысл.

Перевод стихотворных текстов – это настоящее искусство владения словом одновременно нескольких языков. Для проведения такой работы необходимо,

в первую очередь, определить основные характеристики и особенности конкретного стиха: рифму, размер стихосложения, наличие тропов, фигур и возможные варианты их точного и корректного перевода. Главная проблема, встающая перед интерпретатором в этом случае, – это сама структура поэтического текста, подразумевающая использование рифм и соблюдение определённого стихотворного размера. Именно поэтическая структура доставляет так много сложностей при создании адекватного оригиналу текста на ином языке. Ведь вполне очевидно, что язык перевода может существенно отличаться от языка источника как стилистическими, так и структурными особенностями, что вызывает к необходимости так называемую «переплавку» авторских идей и образов в формы конечного языка [2].

Когда переводчик берётся за работу, ему, прежде всего, нужно определиться с тем, будут ли стихотворный размер и структура рифмовки соответствовать оригиналу. Если он все-таки решает изменить структуру стиха, то необходимо определить, какую именно лучше предпочесть для интерпретации, при этом обязательно учитывая само смысловое содержание стихотворения: его внешняя форма должна соответствовать смыслу [4]. Наилучшим решением, на наш взгляд, является перевод стихов в оригинальном размере. Поскольку главную трудность при интерпретации стихов представляет задача вмещения исходного смысла в рамки выбранного стихотворного размера, то нетрудно предположить, что точный и дословный перевод в данном случае возможен очень редко. Необходимо делать основной упор на передачу главной мысли и настроения оригинала, его неповторимости: нет ничего страшного в том, что при этом придётся немного отступить от источника. Главное, чтобы произведение выглядело цельным и у читателя не возникало сомнений в том, что он читает именно перевод, а не оригинальный авторский текст. Важно соблюдать разумный и правильный баланс, так как точный перевод произведения слово в слово лишает читателя возможности насладиться его красотой и рифмами, идеями. А чрезмерное увлечение поэтическими приемами порой приводит к созданию абсолютно нового стиха, в котором нет оригинальной смысловой, стилистической нагрузки и задумки, настроения автора.

Переводчик, который берётся за такую сложную задачу: интерпретацию поэтического творчества разноязычных авторов, должен, в первую очередь, проанализировать текст и точно понять его содержание, определить настроение автора и главный посыл, цель создания произведения. Кроме того, он должен в достаточной степени владеть языком оригинального текста и того, на который нужно его перевести – такое требование необходимо для обеспечения достаточного словарного запаса и возможности выбора наиболее точных и красивых форм, оборотов. Интерпретатор должен избегать перевода слово в слово – такой подход убивает всю красоту и оригинальность стихов; использовать в подготовленном тексте общепринятые обороты, простые, понятные читателям слова и выражения; правильно выбирать слова, словосочетания и место их расположения в текстовом пространстве для сохранения общего эмоционального настроения, передаваемого оригиналом.

В рамках проведенного исследования мы разработали определенный алгоритм, который помогает новичкам при создании стихотворного перевода с английского/французского языков на русский и наоборот. Конечно же, в данный алгоритм не включены некоторые ступени, такие как исследование тропов и средств художественной выразительности, поиск секретных авторских посланий и т. п. Однако он может использоваться как некий универсальный вариант почти для любого языка. В нашей работе поступательные действия переводчика в рамках предложенного алгоритма рассматриваются на примере перевода поэмы Ш. Бодлера «*Bénédiction*» [5].

Шаг 1. Базовый (черновой) перевод оригинального текста.

Данный этап является основой для дальнейших действий, поскольку именно от правильности его реализации зависит успешность выполнения всех операций по интерпретации. Для этого мы используем самые простые формы и составляем последовательный перевод стихотворения с основным упором на точность, а не на рифму.

Оригинал:

Lorsque, par un décret des puissances
suprêmes,
Le Poète apparaît en ce monde ennuyé,
Sa mère épouvantée et pleine de
blasphèmes
Crispe ses poings vers Dieu, qui la prend
en pitié:
– «Ah ! que n'ai-je mis bas tout un nœud
de vipères,
Plutôt que de nourrir cette dérision !
Maudite soit la nuit aux plaisirs
éphémères
Où mon ventre a conçu
mon expiation !

Puisque tu m'as choisie entre
toutes les femmes
Pour être le dégoût
de mon triste mari,
Et que je ne puis pas rejeter dans les
flammes,
Comme un billet d'amour, ce monstre
rabougri,

Je ferai rejaillir ta haine
qui m'accable
Sur l'instrument maudit de tes
méchancetés,
Et je tordrai si bien cet arbre misérable,
Qu'il ne pourra pousser ses boutons
empestés !»
Elle ravale ainsi l'écume de sa haine,
Et, ne comprenant pas les desseins
éternels,
Elle-même prépare au fond de la Géhenne
Les bûchers consacrés aux crimes
maternels.

Pourtant, sous la tutelle invisible d'un Ange,
L'Enfant déshérité s'enivre de soleil

Et dans tout ce qu'il boit et dans tout ce
qu'il mange
Retrouve l'ambroisie et le nectar vermeil.

Il joue avec le vent, cause avec le nuage,
Et s'enivre en chantant du chemin de la
croix ;
Et l'Esprit qui le suit dans son pèlerinage
Pleure de le voir gai comme un oiseau des
bois.

Tous ceux qu'il veut aimer l'observent
avec crainte,
Ou bien, s'enhardissant de sa tranquillité,
Cherchent à qui saura lui tirer une plainte,
Et font sur lui l'essai de leur férocité.

Dans le pain et le vin destinés à sa bouche
Ils mêlent de la cendre avec d'impurs
crachats ;
Avec hypocrisie ils jettent ce qu'il touche,
Et s'accusent d'avoir mis leurs pieds dans
ses pas.

Sa femme va criant sur les places
publiques:
« Puisqu'il me trouve assez belle pour
m'adorer,
Je ferai le métier des idoles antiques,
Et comme elles je veux me faire redorer;

Et je me soulerai de nard, d'encens, de
myrrhe,
De gémissements, de viandes et de vins,
Pour savoir si je puis dans un cœur qui
m'admire
Usurper en riant les hommages divins !

Et, quand je m'ennuierai de ces farces
impies,
Je poserai sur lui ma frêle et forte main ;
Et mes ongles, pareils aux ongles des
harpies,
Sauront jusqu'à son cœur se frayer un
chemin.

Comme un tout jeune oiseau qui tremble
et qui palpète,
J'arracherai ce cœur tout rouge de son
sein,
Et, pour rassasier ma bête favorite
Je le lui jetterai par terre avec dédain!»

Vers le Ciel, où son œil voit un trône
splendide,
Le Poète serein lève ses bras pieux
Et les vastes éclairs de son esprit lucide
Lui dérobent l'aspect des peuples furieux :

– «Soyez béni, mon Dieu, qui donnez la
souffrance
Comme un divin remède à nos impuretés
Et comme la meilleure et la plus pure
essence
Qui prépare les forts aux saintes voluptés !

Je sais que vous gardez une place au Poète
Dans les rangs bienheureux des saintes
Légions,
Et que vous l'invitez à l'éternelle fête
Des Trônes, des Vertus, des Dominations.

Je sais que la douleur est la noblesse
unique
Où ne mordront jamais la terre et les
enfers,
Et qu'il faut pour tresser ma couronne
mystique
Imposer tous les temps et tous les univers.

Mais les bijoux perdus de l'antique
Palmyre,
Les métaux inconnus, les perles de la mer,
Par votre main montés, ne pourraient pas
suffire
A ce beau diadème éblouissant et clair;

Car il ne sera fait que de pure lumière,
Puisée au foyer saint des rayons primitifs,
Et dont les yeux mortels, dans leur
splendeur entière,
Ne sont que des miroirs obscurcis et
plaintifs !»

Дословный перевод:

Когда, по указу высших сил,
В этот скучный мир поэт является,
Его мать испуганная и полная
богохульства
Крепко стискивает кулаки истинного
Бога:

«Ах! Как бы я лучше родила целую
гнездо гадюк,
Чем вырастила эту насмешку!
Проклята та ночь с единовременными
удовольствиями,
в которой моя ноша стала моим
искуплением!

Поскольку ты избрал меня из всех
женщин
Быть отращением для моего грустного
мужа,
И я не могу выбросить в пламя,
Как письмо любви, этот изуродованный
монстр,

Я выведу из тебя свою измученную
ненависть,
На проклятом инструменте твоих
грязных душ,
И так измучу это жалкое дерево,
Что оно не сможет выращивать свои
зловонные почки!»

Таким образом она подавляет пену
своей ненависти,
И, не понимая вечных намерений,
Сама готовит в геенне,
Костры, посвященные материнским
преступлениям.

Тем не менее, под невидимым
покровительством ангела,
Брошенный ребенок опьяняется
солнцем,
И во всех, что он пьет и что он ест,
Находит нектар и пунцовый нектар.

Он играет с ветром, разговаривает с
облаком,
И пьянеет, поющий дорогу к Кресту;
И дух, идущий с ним в его
паломничество,
Плачет, видя его веселым, как птица в
лесу.

Все, кого он хочет любить, смотрят на
него с опаской,
Или, набравшись смелости из его
спокойствия,
Ищут, кто сможет вытянуть у него
жалобу,
И испытывают на нем свою
жестокость.

В хлебе и вине, предназначенном для
его рта,
Они смешивают пепел с нечистыми
плеватками;
С лицемерием они бросают то, что он
касается,
И обвиняют себя в том, что пошли по
его следам.

Его жена кричит на публичных
площадях:
«Поскольку он находит меня
достаточно красивой, чтобы его
поклоняться,
Я буду заниматься метами древних
идолов,
И, как они, я хочу себя золотым
сделать;

И я напысь антуреза, ладана, мира,
Падений на колени, мяса и вина,
Чтобы узнать, смогу ли я в сердце,
которое меня восхищает,
Украсть игриво божественные
поклоны!

И, когда я надоедаю этими светскими
шутками,
Я положу на него свою хрупкую
и сильную руку;
И мои ногти, подобные когтям гарпий,
Проложат путь до его сердца.

Как юный птенец, который трепещет и
бьется,
Я вырву его кровавое сердце из его
груди,
И, чтобы насытиться моими
домашними животными,
Я брошу его на землю с презрением!»

Взглядом к небу, где его глаз видит
величественный трон,
Спокойный поэт поднимает свои
поклоняющиеся руки,
И мощные молнии его ясного духа
Скрывают от него ярость народов:

«Благословен ты, Боже мой, Ты даешь
страдание
Как божественное лекарство для наших
скверных дел
И как самую лучшую и самую чистую
сущность,
Которая готовит сильных к святым
блаженствам!

Я знаю, что Ты хранишь
место для поэта
Среди блаженных рядов святых
легионов,
И Ты приглашаешь его на вечную
вечеринку
Троны, добродетели, власти.

Я знаю, что боль – это единственное
благородство,
Которое никогда не укусит землю и ад,
И что для того, чтобы сплести мою
мистическую корону,
Нужно воспользоваться каждым
временем и вселенной.

Но потерянные ювелирные изделия
пальмирского дворца,
Неизвестные металлы, жемчуг из моря,
Сделанные твоей рукой, не могут быть
достаточными
Для этой прекрасной ослепляющей и
ясной диадемы;

Потому что она будет сделана только
из чистого света,
Из священного очага первичных лучей,
И чьи смертные глаза,
во всей своей славе,
Не более чем затемненные и
страдающие зеркала!»

Шаг 2. Определение типа рифмы и стихотворного размера оригинала.

После выполнения базового перевода произведения мы определяем тип рифмы оригинального текста, что зависит от нескольких факторов: слогового объема, характера звучания, положения в стихе и строфе и т. д.

По слоговому объему рифмы делятся на:

- мужские (ударение на последнем слоге),
- женские (ударение на предпоследнем от конца слоге),
- дактилические (ударение на третьем от конца слоге),
- гипердактилические (ударение на четвертом от конца слоге).

Если рифма оканчивается гласным звуком, она называется открытой, если согласным звуком – закрытой.

По положению в строфе рифмы могут быть:

- смежными,
- перекрестными
- охватными (или опоясанными)

В данном примере рифма мужская (ударение на последнем слоге) и перекрестная (созвучие окончаний строк).

Выделяют такие стихотворные размеры, как:

- Ямб – двусложный размер, при котором ударение в стопе падает на второй слог
- Хорей – это двусложный размер, при котором ударение в стопе падает на первый слог
- Дактиль – трёхсложный размер, при котором ударение в стопе падает на первый слог
- Амфибрахий – трёхсложный размер, при котором ударение в стопе падает на второй слог
- Анапест – это трёхсложный размер, при котором ударение падает на третий слог

«Je **sais** que la **douleur** est la **noblesse unique**
Où ne **mordront jamais** la **terre** et les **enfers**,
Et qu'il **faut** pour **tresser** ma **couronne mystique**
Imposer tous les **temps** et **tous** les **univers**» [3, p. 123].

В данном стихотворном фрагменте мы видим смешение двух стихотворных размеров – амфибрахия и анапеста.

Шаг 3. Решение о выборе вида рифмы в переводе.

Далее необходимо решить, нужно ли сохранять заданную в оригинале рифму либо лучше использовать другую, более удобную для переводчика. Безусловно, этот выбор в большой степени зависит от желания и опыта самого интерпретатора. Мы предпочитаем сохранять рифму оригинального текста, его размер, фонетико-мелодические созвучия.

Шаг 4. Составление стихотворного перевода.

Этот этап является очень трудоемким и, как правило, отнимает много времени. Мы предпочитаем составлять несколько вариантов стихотворных переводов, а затем либо выбирать лучший из них, либо соединять их вместе. Главное на данном этапе – не торопиться и дать себе возможность тщательно, обдуманно выполнить перевод. Чтобы не «замылить глаз», лучше оставить перевод на какое-то время и прочитать его снова через день–два. Это самый оптимальный способ увидеть свое творение «новыми глазами» и понять, что нужно в нем изменить.

Стихотворный перевод:

Как только по указу высших сил
Весь мир в своей красе является поэту,
Мать богохульная истошно голосит
И обращается к божественному свету:

«Ах, лучше б родила я сто гадюк,
Чем непутевого мальчишку!
Да пропади же пропадом та ночь,
В которой искупленьем стал
родной сынишка!

Поскольку Небо выбрало меня
Из всех несчастных женщин,
быть отрадой мужу,
Как горестно, что не видать огня
Письму любви, где чувства
вылезли наружу,

Но из тебя я ненависть сотру,
Используя твою же душу,
И ядовитый плющ я оторву
Легко и быстро, гадость вылезет
наружу!»

И подавляя ненависти пену,
Точа гнилые зубы на грехи,
Всё возвышают ненависти цену
Пылающие пламенем костры.

Но под незримым ангельским покровом
Ребенок будто солнцем опьянен,
Нектаром станет все,
окрасившись в багровый,
Ведь небожителями он благословен.

Играет с ветром и болтает с облаками,
Становится все ближе он к Кресту;
И Дух Святой его сопровождает,
Рыдая, словно соечка в лесу.

Но все, кого так хочется любить,
Ему в ответ лишь смотрят с опасеньем,
И чувства нежные искоренить
Способен мир всего одним движеньем.
И в хлебе, и в вине во рту
Он чувствует лишь пепла послевкусье,
И больше бедному невоготу
Брать на себя вину
во время каждого укуса.

Жена его на площади вопит:
«Я если для него достаточно красива –
Пусть поклоняется лишь мне из всех элит!»
О Боги, как она самолюбива:

«И я напьюсь всего: настурции, ладана,
Наемся мяса и глотну вина,
Как на страницах старого романа
Божественной энергии полна!

Как только утомляться мною станешь,
К твоей руке своей я прикоснусь,
И в коже кровотокащей застанешь
Ты лапы гарпии, но я не отпущу.

И будешь как птенец потерянный
Дрожать и биться, а пока что я
Достану клювом сердце твое бережно

Ни радости, ни гнева не тая»
И глядя в небеса и их лазурь,
Поэт спокойно воздевает руки.
Он чувствует молнии и силы бурь,
Спасаящие от наземной муки.

«Как благословен ты, о, Боже мой!
Ты награждаешь нас страданьем
Чтоб скверные грехи прогнать долой.
Могли мы сами лишь своим желаньем!

Уверен я, что место для поэта
ты хранишь,
Среди своих обитателей блаженных.
На райский пир ты скоро пригласишь
Меня, чтоб показать свои владенья.

Известно мне,
что боль – лишь благодать
Присущая лишь людям беспорочным.
И потому лишь с этой ношей раб
Способен в царствие твое попасть
досрочно.

Но рушится дворец роскошный,
Таинственный металл,
морское серебро.
Быть светом для других
совсем не сложно,
И в зеркале души моей пусть видят
лишь добро!

Поэтому венок терновый
мой прекрасен,
Ношу его, словно корону, не тая.
И пусть для остальных
он кажется ужасен,
Спасает он меня от грусти бытия».

Таким образом, результаты проведенного исследования вполне убедительно показывают, что применение разработанного нами алгоритма позволяет сохранить авторскую ритмику произведения, его рифму, а главное, заложенные в стихотворении посыл и настроение. При этом работа над стихотворными переводами становится значительно более легкой. В то же время, сама точность перевода, к которой стремятся многие интерпретаторы, не должна быть самоцелью, поскольку при всей внешней точности фактический результат может быть самым разным, порой абсолютно не самодостаточным. Если удастся получить в итоге что-то достойное последующего воспроизведения, то это имеет безусловную ценность независимо от степени точности. В любом случае, представляется невозможным давать какие-то определенные, неизменные рекомендации по преодолению вышеозначенных трудностей – здесь всё зависит, в первую очередь, от опыта и литературного таланта самого переводчика, его интуиции, «поэтического чутья», умения находить нужный выход из какой-либо сложной, нестандартной ситуации, решать те или иные задачи, кажущиеся порой почти неразрешимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Д. Д., Ламзова И. Д. / Д. Д. Абрамова, И. Д. Ламзова. Особенности перевода стихотворных произведений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – М., 2016. – Т. 11. – С. 731–735. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86158.htm>.
2. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2001. – С.67-95.
3. Бархударов Л. С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – М. : Международные отношения, 1984. – С. 34-78.
4. Романенко Е. А. Проблемы перевода поэтических текстов / Е. А. Романенко // Филологические науки. – М., 2016. – С.36-47.
5. Baudelaire С. Bénédiction / С. Baudelaire // Les fleurs du mal. – Paris: Jackson John E., 2023: <https://www.labirint.ru/books/997462/>

Максименко Ангелина Дмитриевна
студент 4 курса факультета межкультурных
коммуникаций
Минского государственного
лингвистического университета,
г. Минск, Беларусь

Maximenko Angelina
4-th year student of the Faculty
of Intercultural Communication
of Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
maximenko.2003@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМИДЖА УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА

Аннотация: В статье анализируются особенности вербальной и невербальной репрезентации имиджа успешного человека в англоязычных СМИ на примере деятельности известного американского предпринимателя, изобретателя, политика Илона Маска. Выделяются ключевые средства, используемые для этой цели.

Ключевые слова: имидж; Илон Маск; СМИ; успешный человек; языковая репрезентация; языковые средства.

LINGUISTIC AND NONLINGUISTIC MEANS OF REPRESENTING THE IMAGE OF A SUCCESSFUL PERSON

Abstract: The article analyzes the features of verbal and non-verbal representation of the image of a successful person in the English-language media on the example of the activities of the famous American entrepreneur, inventor, politician Elon Musk. The key means used for this purpose are highlighted.

Key words: image; Elon Musk; media; successful person; linguistic representation; linguistic means.

Большая роль в формировании имиджа известного человека отводится средствам массовой информации. Отнесение известного индивида к положительному или отрицательному типу во многом зависит от того, как он или она представлены в той или иной статье, репортаже, публикации и соответствующем источнике. Авторы публикаций, журналисты, блогеры, аналитики, публицисты прибегают к разнообразным лингвистическим средствам языка для репрезентации имиджа человека, что можно рассмотреть на нескольких уровнях: синтаксическом, морфологическом, лексическом и стилистическом.

Наиболее подходящим средством актуализации имиджа в медийном дискурсе на синтаксическом уровне, т. е. уровне словосочетаний и предложений, представляется актуальное членение предложения. Под ним понимается членение предложения, существенное в определенном контексте или ситуации, которое предполагает выделение темы и ремы. Под темой понимается предмет высказывания; обычно она содержит то, о чем известно. Рема – это то, что утверждается (предикат мысли). Как правило, она соотносится с той информацией, о которой в текущем высказывании еще не говорилось. Средствами, которые позволяют определить актуальное членение предложения в английском языке, являются порядок слов, различные конструкции, артикли, частицы, а также интонационное выделение [1].

В качестве примера можно привести фрагмент из статьи об Илоне Маске в журнале для предпринимателей *CIO Look: The open mindset of big thinking is one of the prime factors of his success*. ‘Одним из главных факторов его успеха является открытый образ мышления’ [2]. В данном случае к теме (известному) отнесем: *the*

open mindset of big thinking; к реме (новому, важному) *is one of the prime factors of his success*. Это можно понять, обратив внимание на местоимение *one*: местоимение *one* помогает конкретизировать, что из множества факторов успеха речь идет об одном конкретном – *the open mindset of big thinking*.

На морфологическом уровне, важным средством является временная организация текста (использование глагольных форм, а также конструкций, указывающих на значение времени), использование прилагательных в сравнительной и превосходной степени. Например: *the greatest leader on Earth* ‘величайший лидер Земли’; *the most influential businessmen of today* ‘самые влиятельные бизнесмены современности’; *one of the most advanced, highly efficient, and luxurious electric vehicles* ‘один из самых современных, высокоэффективных и роскошных электромобилей’.

Для актуализации имиджа на лексическом и стилистическом уровнях значимо использование метафор, эпитетов, сравнений, повторов [3, с. 11]. Например: *Talking about the modern day influential entrepreneur whose tweet can create a whirlpool in the markets across the nation, Elon Reeve Musk is the world-renowned American business tycoon and investor having numerous businesses in various modern sectors*. ‘Если говорить о современном **влиятельном предпринимателе**, чей твит может **создать водоворот** на рынках по всей стране, то Илон Рив Маск – всемирно известный американский **бизнес-магнат и инвестор**, имеющий множество предприятий в различных современных отраслях’ [2].

В данном фрагменте используется метафора (*a whirlpool in the markets*), что подчеркивает мощь и непредсказуемость реакции рынка на слова Маска. Кроме того, можно заметить использование эпитетов (*modern day, influential entrepreneur*), которые подчеркивают актуальность деятельности и современность предпринимателя, его значимость.

Ю. Г. Лозовский предлагает языковую модель имиджа человека, которая отражает те важные качества, характеристики и черты, которые лежат в основе формирования имиджа личности. Среди наиболее значимых характеристик автор выделяет визуальную, индивидуально-личностную, социальную и символическую составляющие [4].

Визуальная характеристика человека связана с его внешностью – одной из основных составляющих имиджа. Это объясняется тем фактом, что люди в первую очередь составляют первое впечатление о человеке исходя из его внешности. А наличие в массовом сознании представлений о связи между психическими особенностями индивида и определенными чертами его внешности лишь усиливает эффект.

Для характеристики внешности индивида часто используется общеоценочная лексика (чаще всего это прилагательные и существительные), тропы (метафоры, эпитеты), а также такое синтаксическое средство выразительности, как сравнительные обороты. Например: *Elon Musk was dressed like a caricature of mid-century rogue masculinity: in a leather flight jacket with a fur-lined collar*. ‘Илон Маск был одет в кожаную летную куртку с меховым воротником и походил **на карикатуру** на мужественного плута середины века’ [5].

В этом случае был использован сравнительный оборот (*dressed like a caricature of*). Кроме того, слово *caricature* ‘карикатура’ имеет негативную коннотацию.

Визуальную характеристику человека можно подразделить на: общую первоначальную характеристику внешнего вида человека; характеристику отдельных аспектов внешности человека и физического облика; характеристику внешнего вида посредством указания на особенности одежды, ее деталей.

Под общей первоначальной характеристикой внешности человека понимается эмоциональная оценка, субъективное представление журналиста, которое сложилось у него о той или иной личности. С этой целью может быть использована общеоценочная лексика, выражающая положительную или отрицательную оценку. Возвращаясь к вышеприведенному примеру, можно сделать вывод о том, что журналист негативно настроен по отношению к Илону Маску: *Elon Musk was dressed like a caricature of mid-century rogue masculinity: in a leather flight jacket with a fur-lined collar*. 'Илон Маск был одет в кожаную летную куртку с меховым воротником и походил на карикатуру на мужественного плута середины века'. Об этом нам говорит слово *caricature* 'карикатура', имеющее негативную окраску. Оно указывает на некую насмешку автора. Об этом свидетельствуют и другие слова, несущие негативную оценку: *fussy* 'суетливо', *ridiculous* 'нелепо', использованные в указанной статье.

За общей первоначальной характеристикой следует характеристика отдельных аспектов внешности человека и его физического облика. На данном этапе внимание уделяется чертам лица, фигуре, росту, телосложению, осанке, походке и т. д. При этом такая оценка во многом субъективна и базируется на стереотипах и существующих в обществе представлениях об эталоне красоты. Особенно сильно это выражается при оценке черт лица. Характеристика внешнего вида может также производиться посредством указания на особенности одежды, ее деталей. Чаще всего это происходит с помощью сравнения одежды человека с нормой, указания на то, насколько она уместна в той или иной ситуации.

Еще одной важной характеристикой, лежащей в основе формирования имиджа личности, является индивидуально-личностное описание человека. Если оценка внешности помогает сформировать общее представление о том или ином человеке, то индивидуально-личностная характеристика помогает создать более проработанный имидж, добавить ему глубины. Важной составляющей данного типа характеристики являются черты характера. Для их описания часто используются языковые единицы, которые соотносятся с одобряемыми или не одобряемыми обществом явлениями, признаками, действиями. Для их обозначения могут быть использованы не только прилагательные и существительные, но также образные средства (например, метафоры). Многие из них настолько часто используются в СМИ, что успели превратиться в клише: *The Iron Lady* 'Железная леди', *iron will* 'железная воля', обращаясь к образу премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер (1979–1990 гг.).

Еще одна группа черт характера отражает нравственные качества человека, то есть его отношение к другим людям и самому себе. Для оценки личностных качеств человека используются слова и выражения, которые указывают, в какой степени поведение и поступки человека соответствуют нормам морали и этики. Для оценки этого типа характерно отрицание негативных качеств человека, что как бы выделяет его положительные стороны. Умственные способности человека, уровень его интеллекта является одной из основных личностных характеристик. С целью их выделения могут быть использованы, например, прилагательные (*intelligent, smart, wise, brilliant, sharp-witted*). Психическое и физическое здоровье также является важным фактором привлекательности личности. Образ здорового и энергичного человека с большей долей вероятности будет ассоциироваться с успехом. Средствами, используемыми для описания психического и физического здоровья, являются антонимичные прилагательные (*здоровый – нездоровый, больной, а также бодрый – уставший*).

В связи с предвыборной гонкой в США, в новостной ленте появлялись статьи о состоянии здоровья кандидатов в президенты. О Джо Байдене, например, узнаем следующее: *Joe Biden looks tired and exhausted* ‘Джо Байден выглядит уставшим и измученным’. Важную роль играет отсутствие у человека вредных привычек. Это может передаваться посредством использования формы глаголов с отрицанием. Например, для того чтобы подчеркнуть, что человек ведет трезвый образ жизни, может быть использовано *he doesn't drink* ‘он не пьет’. Описание манеры, стиля общения и поведения человека, того, как он проявляет себя в тех или иных ситуациях, его способности четко излагать свои мысли – все это также является неотъемлемой частью индивидуально-личностной характеристики человека.

Социальная характеристика человека подразумевает оценку его возраста, материальной обеспеченности, места рождения и т. д. Часто при описании характеристик данной группы используется оценочная лексика, а также образные средства (метафоры), сравнения и сопоставления. Например, описывая материальное положение Илона Маска, журналисты используют различные выражения с прилагательными в превосходной степени сравнения: *the world's richest person* ‘самый богатый человек в мире’, *one of the most successful and powerful influencing business leaders* ‘один из самых успешных и влиятельных бизнес-лидеров’ и т. д.

Символическая характеристика человека связана с использованием технологии мифологизации. Суть ее заключается в том, что имидж человека выстраивается в соответствии с выбранным для него мифом. Выделяют, например, следующие образы: «спаситель» – чистый, непогрешимый и бескорыстный, он действует на благо всего человечества; «герой-победитель», ассоциирующийся с такими качествами как мужественность, сила, смелость, отвага; «защитник», в одиночку выступающий против «зла» – преступного режима, власти и т. д.; «учитель», для которого характерны такие качества, как мудрость, рассудительность. Языковые средства, выбранные для описания подобного образа, будут использованы для создания полностью соответствующего ему стилистического имиджа [4].

Таким образом, для репрезентации имиджа человека, происходящей на синтаксическом, морфологическом, лексическом и стилистическом уровнях языка, используют разнообразные языковые средства. При этом наиболее частотными из них, как можно судить из примеров, являются существительные и прилагательные, глаголы действия, эпитеты, метафоры, лексические и синтаксические повторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедова, М. Тема и рема в русском и английском языках / М. Магомедова, Л. Гаджиева, Р. Мухадаева // Известия ДГПУ. – 2015. – №3. – С. 46–48.
2. What makes Elon Musk a successful entrepreneur? // CIO Look [Electronic resource]. – 2022. – Mode of access : <https://ciolook.com/what-makes-elon-musk-a-successful-entrepreneur/>. – Date of access : 18.02.2025.
3. Булгакова, О.В. Лингвистическое моделирование имиджа в экономическом издании (на материале приложения «Бизнес» к газете «Красное знамя») : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О.В. Булгакова ; Том. гос. ун-т. – Томск, 2009. – 23 с.
4. Лозовский, Ю.Г. Языковые средства имиджа известной личности (на материале СМИ Приморского края) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю.Г. Лозовский ; Дальневост. гос. соц.-гум. академ. – Владивосток, 2009. – 22 с.
5. Tashjian, R. Elon Musk's masculine costume / R. Tashjian // The Washington Post [Electronic resource]. – 2023. – Mode of access : <https://goo-gl.com/ztU>. – Date of access : 19.02.2025.

Мироненко Ксения Вячеславовна
выпускница факультета межкультурных
коммуникаций
учреждения образования «Минский
государственный лингвистический
университет»,
г. Минск, Беларусь

Mironenko Kseniya Vyacheclavovna
graduate of the faculty of the Intercultural
Communication at Minsk State Linguistic
University,
Minsk, Belarus

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ВЕРБАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ *GARDEN* – САД В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: В статье в сопоставительном аспекте на основании данных лексикографических источников установлены темы, которые передаются с помощью вербальных коррелятов *garden* ‘сад’ – *сад* в паремиологическом фонде английского и русского языков. Установлено общее и различное в семантике паремий.

Ключевые слова: паремия; семантика; тематическая группа; сопоставление; сад.

SEMANTIC PECULIARITIES OF VERBAL CORRELATES *garden* – *сад* in english and russian proverbs

Abstract: Based on the data of lexicographic sources, the article focuses on the themes revealed through verbal correlates *garden* – *сад* ‘garden’ in the paremiological fund of the English and Russian languages in a comparative way. The common and different in the semantics of the proverbs are established.

Key words: proverb; semantics; theme group; comparative approach; garden.

Паремия – «это фразеологическое выражение, которое представляет собой краткую и многозначную формулировку общепринятой мудрости, народной морали, опыта или нравственных принципов» [1, с. 95]. Она является частью народного фольклора и представляет собой своеобразный символический код, содержащий в себе определенную ценность, истину или нравственное правило. Паремии, или пословицы и поговорки, являются одним из видов фразеологических оборотов, которые могут быть представлены в различных формах, таких как крылатые выражения, поговорки, афоризмы и т. д. Они отличаются своей лаконичностью, компактностью и простотой, что делает их запоминающимися и легко узнаваемыми. В паремиях обычно заключается определенная мудрость, наставление или обобщенный жизненный опыт, который может быть применим в различных ситуациях. Они часто передаются из поколения в поколение и служат средством передачи культурных ценностей и традиций.

Материалом нашего исследования выступает 12 паремий английского языка, отобранных методом сплошной выборки из «The Penguin Dictionary of Proverbs» [2], «The Free Dictionary by Farlex» [3], «Толковый словарь английских пословиц» [4], «Mixed Media Club» [5], и 18 паремий русского языка, отобранных методом сплошной выборки из «Большого словаря русских поговорок» [6].

Анализ английских лексикографических источников позволил установить, что паремии с лексемой *garden* ‘сад’ употребляются для передачи следующих смыслов. В паремиологическом фонде английского языка зафиксирована идея заботы, значимости работы в жизни человека: *gardens are not made by sitting in the shade* ‘сады не создаются сидением в тени’; *a man of words and not of deeds is like a garden full of weeds* ‘человек слов, а не дел, подобен саду, полному сорняков’; *it is in the garden of patience that strength grows best* ‘именно в саду терпения сила растет лучше всего’.

Ряд английских паремий имеет духовный смысл, где *garden* ‘сад’ играет роль места отдыха и продолжения жизни, чтобы описать не только физический сад, но и символизировать психологическое или эмоциональное благополучие: *a garden is a friend you can visit any time* ‘сад – это друг, которого вы можете посетить в любое время’; *gardens feed the soul* ‘сады питают душу’; *to plant a garden is to believe in tomorrow* ‘посадить сад – значит верить в завтрашний день’.

Английские паремии фиксируют осознание того, что неудачи случаются, даже если все хорошо. В указанных паремиях слово *garden* ‘сад’ актуализирует положительный компонент значения и используется во вторичном значении. Оно символизирует жизнь или ситуации, которые могут быть несовершенными или содержать некоторые негативные аспекты, но при этом оставаться ценными или хорошими в целом. В данных паремиях *garden* ‘сад’ указывает на ценный жизненный опыт, который может содержать и трудности, и радости: *a good garden may have some weeds* ‘в хорошем саду могут быть сорняки’; *into every garden, a little rain must fall* ‘в каждый сад обязательно попадает немного дождя’; *many things grow in the garden that was never planted there* ‘в саду растет много вещей, которые там никогда не сажались’.

Выражение *garden variety* ‘обычно’ применяется для именованя предметов, явлений или людей, которые не выделяются на фоне других и не имеют каких-либо уникальных или необычных качеств. Например, *garden variety* ‘обычно’ используется для описания заурядного романа, стандартного автомобиля или типичного представителя какой-либо профессии. Английская паремия *everything in the garden is rosy* ‘дела идут хорошо’ означает, что всё идет благополучно, все проблемы отсутствуют, и обстановка в целом позитивная. Это выражение часто используется в ситуации, когда что-то воспринимается как идеальное или когда кто-то хочет подчеркнуть оптимистичный взгляд на текущие обстоятельства.

В выражении *garden of Eden* ‘сад Эдема’ *garden* ‘сад’ считается идеальным местом, созданным Богом, где первые люди – Адам и Ева – жили в гармонии и непосредственном взаимодействии с Богом.

Темы и их количественная представленность в паремиях английского языка представлены в таблице 1.

Т а б л и ц а 1

Темы и их количественная представленность в паремиях английского языка

Темы	Количество паремий
«Забота и труд»	3
«Место»	1
«Оценка»	2
«Трудности в жизни»	3
«Отдых и покой»	3
Итого:	12

Анализ данных лексикографических источников русского языка позволяет выделить 18 паремий. Слово *сад* в пословицах используется во вторичном значении, образно указывая на связь между тем, какое заботливое внимание уделяется обустройству сада, и качеством или результатом этой заботливости. То есть, слово *сад* символизирует заботу, труд и рост, а также носит в себе идею соответствия между ожиданиями, усилиями и результатом: *у хорошего садовода – хороший сад; каков сад, таков и плод; сады садить, так огороды городить; сад красен оградом, а лоза виноградом; молчание возводит заборы, а сад плоды нарывает; сад поздно зацветает к смерти хозяина.*

Паремия *работать на два сада* означает, что человек может есть больше, чем обычно, или с удовольствием потребляет пищу без ограничений и с жадностью. *Чёртов сад* используется в значении глухого непроходимого места, а также для описания заброшенных или труднодоступных территорий, где сложно передвигаться, либо мест, которые кажутся мрачными и устрашающими. Такое выражение имеет негативную коннотацию и подразумевает отсутствие цивилизации, безопасности или удобств. На сходство или одинаковость чего-либо или кого-либо указывает паремия *одного саду вишенья*. *Садом садить* означает действия, выполненные с большой скоростью или в упрощенной манере. Это выражение может подразумевать, что что-то делается небрежно или неаккуратно, но очень быстро, без особого внимания к деталям.

Паремия *пойти в сад* означает момент, когда невеста проводит время с близкими подругами, делится своими мыслями и переживаниями, а также прощается с одиночеством, поскольку вскоре начнется новая жизнь. В выборке представлена еще одна паремия, относящаяся к теме свадьбы: *выкупать сад* – традиционный обряд, который часто встречается в славянских свадьбах. В этой паремии *сад* обычно представляет собой наряженное дерево, чаще всего сосну, которую украшают игрушками, лентами и различными подарками.

Паремия *бешеный сад* используется для обозначения школьного двора, особенно в тех случаях, когда он наполнен активными играми, шумом и хаосом, характерными для школьных перемен. Паремия *детский сад* используется, чтобы указать на ситуации, когда люди ведут себя незрелым или инфантильным образом, как дети в садике, например, в контексте обсуждения какого-либо конфликта или неразберихи среди взрослых.

Паремия *уйти под сады* имеет негативное значение. Она отражает образное представление о том, что человек уходит в мир иной, в *сады* как символ спокойствия, отдыха и вечной жизни.

Паремия *сесть в сад* означает оказаться в состоянии, когда человек не в состоянии справляться с повседневными делами из-за пережитого стресса или сильного эмоционального удара.

Паремия *сады Семирамиды* как символ идеального, восторженно красивого места. В истории они ассоциируются с мифическим великолепием и роскошью, часто упоминаемые в контексте семи чудес света, представляют собой образ рая на земле, где природа и искусство сочетаются в гармонии.

Сад загорожен, и зверь сбережен является паремией и используется в контексте обсуждения семейных отношений и брака. Она то, что нужно защищать то, что тебе дорого, и заботиться о своем семейном очаге. Темы и их количественные показатели в паремиях русского языка представлены в таблице 2.

Т а б л и ц а 2

Темы и их количественные показатели в паремиях русского языка

Темы	Количество паремий
«Забота и труд»	6
«Аппетит»	1
«Оценка»	3
«Свадьба»	2
«Отдых и покой»	1
«Негативные эмоции»	1
«Место»	1

«Семья»	1
«Детское поведение»	2
Итого:	18

В английских и русских поговорках есть подобные друг другу выражения: *garden of Eden* ‘сад Эдема’; *сады Семирамиды*. Указанные выражения ассоциируются с мифическими или легендарными садами. *Сады Семирамиды* – легендарные висячие сады, о которых упоминается в древневавилонских текстах, а *garden of Eden* ‘сад Эдема’ – библейский сад, который считается Раем, местом, где жили Адам и Ева. Оба выражения связаны с образом идеального сада, олицетворяющего райское благополучие и красоту. Темы в поговорках английского и русского языков в сопоставительном аспекте представлены в таблице 3.

Т а б л и ц а 3

Репрезентативность тем в поговорках английского и русского языков
в сопоставительном аспекте

Темы	Английский язык		Русский язык	
	Количество употребляемых единиц	%	Количество употребляемых единиц	%
«Забота и труд»	3	25%	6	33,33%
«Отдых и покой»	3	25%	1	5,56%
«Место»	1	8,33%	1	5,56%
«Оценка»	2	16,67%	3	16,67%
«Аппетит»	-	-	1	5,56%
«Свадьба»	-	-	2	11,11%
«Негативные эмоции»	-	-	1	5,56%
«Семья»	-	-	1	5,56%
«Детское поведение»	-	-	2	11,11%

В русском языке тема «Забота и труд» представлена шире, что связано с культурной акцентуацией трудолюбия как важного национального признака. В русской традиции труд часто ассоциируется с жизненной необходимостью и моральной добродетелью, отражение которых находят в языковых единицах. В английском языке труд чаще всего рассматривается с точки зрения профессиональной деятельности, что сужает спектр употребляемых выражений. Английский язык уделяет больше внимания теме «Отдых и покой», что может быть связано с приоритетом личного комфорта и поддержкой баланса между работой и личной жизнью в англоязычной культуре. Русский язык, напротив, традиционно меньше внимания уделяет теме отдыха, что отмечается в сравнительно ограниченном количестве языковых единиц. Значимо, что обе культуры используют символические образы сада для обозначения идеальных мест. Английский *garden of Eden* ‘сад Эдема’ и русские *сады Семирамиды* воплощают идеи гармонии, красоты и совершенства, что свидетельствует о сходстве в метафорическом восприятии сада как идеального пространства. Одинаковое процентное соотношение категории оценка в обоих языках связано с универсальностью этой семантической группы. Оценочные высказывания, выражающие отношение к объектам, явлениям или действиям, широко используются в соответствующих культурах. Широкое представление темы «Свадьба» в русском языке связано с глубинным свадебным обрядом и семейными тради-

циями в русской культуре. Присутствие темы «Трудности в жизни» исключительно в английском языке, на наш взгляд, связано с культурным акцентом на преодолении жизненных сложностей и личной ответственности. Английская культура часто подчеркивает индивидуализм и важность борьбы с трудностями, что отражается в семантической разнообразии этой группы. В русском языке подобная тема менее выражена, на наш взгляд, из-за акцента на коллективизме и поиске поддержки в социальном окружении, что снижает необходимость детальной лексической фиксации данной темы. Такие темы, как «Аппетит», «Свадьба», «Негативные эмоции», «Семья» и «Детское поведение», представлены исключительно в русском языке, что подчеркивает уникальность национальной семантики.

Таким образом, поговорки отражают не только лингвистические, но и культурные особенности. Английский язык акцентирует внимание на индивидуализме, внутреннем балансе и философском подходе к жизни, тогда как русский язык более ярко выражает коллективизм, трудовую этику и эмоциональную насыщенность повседневной жизни. Эти различия делают поговорки уникальным источником для изучения национальных особенностей восприятия мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – М. : Академия, 2006. – 350 с.
2. The Penguin Dictionary of Proverbs Jonathan Law Rosalind Fergusson. – 1969 by Pan Books Ltd, Cavaye Place, London SW10 9PG, 1998. – 365 p.
3. The Free Dictionary by Farlex [сайт]. – URL : <https://idioms.thefreedictionary.com/garden> (дата обращения : 02.09.2023).
4. Райдаут, Р. Толковый словарь английских пословиц : Перевод. – СПб. : Лань, 1997. – 250 с.
5. Mixed Media Club by Lisa Vollrath [сайт]. – URL : <https://mixedmedia.club/100-garden-expressions/> (дата обращения : 02.09.2023).
6. Мокиенко, В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

Сидорко Виктория Александровна
студентка 4 курса факультета
межкультурных коммуникаций
учреждения образования «Минский
государственный лингвистический
университет»,
г. Минск, Беларусь

Sidorko Viktoriya Aleksandrovna
4-year student of the faculty of the
Intercultural Communication at Minsk State
Linguistic University,
Minsk, Belarus

ОСОБЕННОСТИ ЗАКАДРОВОГО ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ВИДЕО

Аннотация: Статья посвящена исследованию особенностей закадрового перевода англоязычного документального видео на русский язык на материале видео «The Terrifying Real Science of Avalanches». Рассматриваются основные лексические, грамматические и лексико-грамматические переводческие трансформации. Отмечается, что формат закадрового перевода предоставляет переводчику бóльшую свободу в адаптации текста, позволяя передавать смысл, стилистические особенности и эмоциональную окраску оригинала. Это делает документальный контент более доступным и выразительным для восприятия русскоязычной аудиторией.

Ключевые слова: закадровый перевод, документальное видео, переводческие трансформации, адаптация аудиовизуального контента, аудиовизуальный перевод.

FEATURES OF VOICE-OVER TRANSLATION FOR DOCUMENTARY VIDEOS IN ENGLISH

Abstract: The article is dedicated to studying the features of the voice-over translation of English-language documentary videos into Russian based on the analysis of the translation of *The Terrifying Real Science of Avalanches* video. The research focuses on key translation transformations, including lexical, grammatical and lexico-grammatical transformations. It is noted that the voice-over format provides translators with greater flexibility in adapting the text, allowing them to convey the meaning, stylistic nuances, and emotional tone of the original. This approach enhances the accessibility and expressiveness of documentary videos for Russian-speaking audiences.

Key words: voice-over translation, documentary, translation transformations, audiovisual content adaptation, audiovisual translation.

Развитие современных технологий обеспечило широкий доступ к документальным видео, под которыми понимаются видео, показывающие подлинные факты, события [1]. Многие из видео данного формата создаются на английском языке, что делает их качественный перевод необходимым для эффективной передачи информации. При переводе контента фактического формата предпочтение часто отдают закадровому переводу из-за его особенностей, которые, как отмечается в исследованиях, помогают убедить зрителей в действительности, правдивости и достоверности сказанного [2, с. 24].

Исследование особенностей закадрового перевода документальных видео представляет собой актуальную задачу, способствующую совершенствованию методов адаптации аудиовизуального контента и повышению качества перевода.

Целью исследования является выявление особенностей закадрового перевода английских документальных видео на русский язык.

Источником материала исследования выступает документальное видео «The Terrifying Real Science of Avalanches», размещенное на канале Veritasium, и его русскоязычная версия «Как образуются лавины?», выполненная в форме закадрового перевода командой студии Vert Dider и размещённая на одноимённом канале.

Канал Veritasium отличается уникальным стилем подачи материала. Видео на этом канале насыщены визуальным рядом, включающим анимацию, спецэффекты, интервью и репортажи из различных мест. Особый интерес представляет то, как переводчик справляется с задачей сохранить целостность повествования, несмотря на частую смену говорящих. Ведущий канала Veritasium активно использует юмор, харизматичную манеру общения и эмоциональные выражения. Поэтому ещё одной сложностью при переводе является необходимость передать не только фактическую информацию, но и сохранить авторский стиль.

Видео «The Terrifying Real Science Of Avalanches» освещает научную тему, для понимания которой, тем не менее, не требуются глубокие специализированные знания. Анализ перевода видео позволяет оценить, насколько успешно переводчик адаптирует информацию для аудитории, не являющейся экспертами в данной области, и установить специфику перевода научной терминологии.

Материалом исследования выступают 110 примеров переводческих трансформаций. Наиболее частотной трансформацией является модуляция, так как она позволяет передать исходный смысл с сохранением эмоциональной и стилистической окраски текста. Такой подход важен при переводе материалов, насыщенных харизматичной подачей, отличающей видео Veritasium, где главная цель заключается в том, чтобы удерживать внимание зрителя и подчеркнуть эмоциональные аспекты информации. В качестве примера использования модуляции можно привести перевод предложения *This is a video about avalanches, what they are, what causes them, how destructive ones can be prevented, and what to do if you're ever caught in one* 'Это видео о лавинах: о том, что они такое, каковы их причины, как предупредить самые страшные из них, и **что делать, если лавина несётся прямо на вас**'. Дословно фразу «what to do if you're ever caught in one» можно перевести как «что делать, если вы когда-нибудь попадёте в одну из них». Однако, в английском языке фраза «caught in one» передает представление о попадании в лавину как в ловушку. Этот смысл теряется при дословном переводе. Модуляция делает перевод выразительнее и передает ощущение опасности, сохраняя эмоциональность оригинала.

Генерализация широко использовалась при переводе отдельных фрагментов, не играющих критической роли в понимании основного сюжета, что позволило облегчить восприятие текста, избегая перегрузки информацией. Например, предложение *Due to the diligent work of ski patrollers, most avalanche injuries and deaths occur in the backcountry* переведено как 'Благодаря работе горнолыжного патруля, большинство **трагедий** происходит только в, так сказать, диких горах'. В данном примере «injuries and deaths» было обобщено как «трагедий», что позволило избежать излишней детализации и сохранить содержание в рамках временных ограничений видео.

Конкретизация использовалась для уточнения значений. Например, предложение *It grows on the surface of the snow* переведено как 'По сути, это **слой инея**, который нарастает на поверхности', где местоимение «it» конкретизировано как «слой инея». Такой подход помогает избежать неоднозначности и передать содержание более точно. Этот приём особенно полезен в закадровом переводе, где отсутствие необходимости полной синхронизации с артикуляцией оригинала позволяет добавлять уточнения и при необходимости подробнее описывать детали.

Грамматические замены часто встречались из-за различий в синтаксических нормах английского и русского языков. Они позволяют сделать текст более естественным для восприятия. Например, в предложении *For this video, we followed the*

ski patrollers at North America's biggest ski resort, Whistler-Blackcomb, to trigger avalanches and film them up close 'Вместе с командой спасателей самого большого лыжного курорта в Северной Америке, «Уистлер Блэккомп», мы **будем провоцировать** сход лавин и снимать их с близкого расстояния' дополнение *to trigger* было заменено на сказуемое 'будем провоцировать'. В английском языке «to trigger» (буквально «спровоцировать» или «вызвать») естественно встроено в конструкцию предложения. Однако при переводе на русский язык буквальный перевод «чтобы спровоцировать лавины» звучал бы менее естественно.

Синтаксическое уподобление использовалось для сохранения структуры и логики оригинального текста, оно обеспечивало точность и естественное звучание перевода. Например, как при переводе предложения *Then when the avalanche stops, it refreezes, setting like concrete* 'Когда лавина останавливается, снег замерзает и усаживается, как бетон'.

Членение использовалось для упрощения сложных предложений. В примере *At this point, it refreezes and forms faceted crystals, which, like surface hoar, don't stick together, creating a weak layer* 'Здесь он снова замерзает и принимает форму фасетов, которые, как и изморозь, плохо скреплены друг с другом. Получается ослабленный слой' было использовано членение. В оригинале одно предложение содержит сразу несколько действий и характеристик. Такое построение характерно для английского языка, но на русском оно может показаться перегруженным. Членение позволяет разбить процесс на этапы, представив их как последовательность.

Описательный перевод использовался для пояснения терминов и выражений, не имеющих прямых эквивалентов в русском языке. Это помогало сохранить точность содержания и при этом сделать текст доступным для широкой аудитории. Например, в предложении *Where the top layer of snow becomes stuck together like a cohesive slab* 'Если верхний слой снега успел прочно слипнуться и сформировать нечто вроде доски или плиты' был использован описательный перевод, так как в русском языке отсутствует точный эквивалент словосочетания «cohesive slab», способный полностью передать его значение.

Антонимический перевод использовался для упрощения сложных конструкций путём замены отрицательных форм утвердительными. Например, в предложении *If the slope didn't slide under the weight of a cornice, it's unlikely to slide under the weight of a skier* 'Если склон не пополз под его весом, значит, и лыжника **наверняка выдержит**' вторая часть была переведена с помощью утвердительной конструкции, так как двойное отрицание в данном случае нарушало бы нормы русского языка.

Таким образом, в переводе были применены трансформации, которые позволили сохранить точность содержания видео и сделать его понятным и интересным для широкого круга зрителей. В результате анализа видео были выявлены все виды переводческих трансформаций: лексические, грамматические и лексико-грамматические. Всего было установлено 110 трансформаций, из них 81 трансформация относится к лексическим. Среди лексических трансформаций 38 примеров модуляции, 27 примеров генерализации и 16 примеров конкретизации. Был выявлен 21 пример грамматических трансформаций, которые включают 17 грамматических замен, 3 примера синтаксического уподобления и 1 пример членения. Примеров объединения установлено не было. Лексико-грамматические трансформации представлены 8 примерами, среди которых 5 случаев экспликации (описательного перевода) и 3 примера антонимичного перевода. Соотношение используемых в переводе документального видео с английского языка на русский трансформаций представлено в таблице.

Частотность способов перевода при закадровом переводе документального видео

Переводческие трансформации		Кол-во выявленных примеров	Кол-во выявленных примеров, %
Лексические трансформации	Модуляция (смысловое развитие)	38	34,55
	Генерализация	27	24,55
	Конкретизация	16	14,55
Грамматические трансформации	Грамматические замены	17	15,45
	Синтаксическое уподобление	3	2,73
	Членение	1	0,91
Лексико-грамматические трансформации	Экспликация (описательный перевод)	5	4,55
	Антонимичный перевод	3	2,73
Итого:		110	100

На основе проведенного анализа переводческих трансформаций документального видео можно сделать вывод, что процесс перевода научно-популярного контента, ориентированного на массовую аудиторию, требует гибкого подхода и применения разнообразных переводческих трансформаций. Это связано с необходимостью сохранять как содержание, так и стилистические особенности оригинала. В ходе исследования были выявлены все основные типы трансформаций, включая лексические, грамматические и лексико-грамматические.

Во многом применение таких трансформаций становится возможным благодаря особенностям закадрового перевода, который не требует полной синхронизации текста с артикуляцией говорящего. Это предоставляет переводчику свободу для адаптации материала, позволяя сосредоточиться на сохранении смысла, стилистической выразительности и доступности содержания.

Таким образом, частота использования определённых трансформаций отражает необходимость в сохранении не только информационной точности, но и стилистической приемлемости перевода для целевой аудитории. Выбор трансформаций демонстрирует ориентацию переводчиков на баланс между научной точностью, доступностью содержания и эстетической выразительностью текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка (С. А. Кузнецов) [сайт]. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar#> (дата обращения: 22.05.2024).
2. Franco, E. Voice-over translation: an overview / E. Franco, A. Matamala, P. Orero. – Bern ; Peter Lang AG, International Academic Publishers, 2010. – 248 p.

Слепцова Юлия Сергеевна
МОУ «Державинский лицей»
г. Петрозаводск, Россия

Джураева Ирина Алексеевна
МОУ «Державинский лицей»
г. Петрозаводск, Россия

Julia Sleptsova
МЕЕ «Derzhavinskiy Lyceum»
Petrozavodsk, Russia
derlyceum@mail.ru
Irina Dzhuraeva
МЕЕ «Derzhavinskiy Lyceum»
Petrozavodsk, Russia
derlyceum@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р.БЕРНСА)

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые особенности художественных переводов оригинальной англоязычной поэзии. В этой связи авторы проводят общий обзор существующих подходов к поэтическим переводам, а также рассматривают их возможные варианты на примере стихотворного произведения известного шотландского автора Р. Бернса «A Red, Red rose». В рамках проводимого исследования предпринимается также попытка самостоятельной прозаической интерпретации оригинального текста.

Ключевые слова: поэтический перевод, стихотворение, стиль, художественная литература, текст

ON PECULIAR FEATURES OF ORIGINAL ENGLISH POETRY INTERPRETING (ON THE MATERIAL OF R. BURNS' WORKS)

Abstract. This article regards some peculiar features of original English-language poetry art translations. In this connection, the authors make a general review of existing approaches to poetic translations, and also consider their possible options based on the material of known Scotch author R. Burns' poetic work «A Red, Red rose». In addition, in the frame of given study is made an attempt of individual prosaic translating of the original text.

Key words: poetic translation, verse, style, art literature, text

Как известно, поэтический перевод как один из аспектов литературоведения, процесс интерпретации оригинальных текстов представляет определенные сложности как в плане адекватной передачи авторского замысла, так и в плане композиционного оформления. Поэтому, для достижения адекватности стихотворного перевода иноязычных (английских) оригинальных текстов на русский язык необходимо более полное изучение проблемы передачи как их смыслового содержания, так и структурно-композиционных особенностей. Этим определяется **актуальность** настоящего исследования.

Как известно, поэзия – это очень интересный, самобытный литературно-художественный жанр, уходящий корнями в далекую древность. Высокая лиричность, изысканность, оригинальность, а порой и уникальность форм делают ее объектом постоянного и пристального внимания как читателей, так и авторов самых разных школ. Однако, для того чтобы в полной мере оценить ее своеобразие и красоту, нельзя обойтись без художественного перевода, выполнение которого требует больших творческих усилий, достаточного количества знаний и многого другого. Ставший неотъемлемой частью литературной культуры, поэтический перевод представляет собой сложный процесс, требующий от интерпретатора не только знания языка, как такового, но и умения чувствовать и передавать энергетику оригинала [2,3].

Вполне очевидно, что основные особенности стихотворного перевода с иностранного языка на русский состоят в сложности передачи смысла и ритма, сохранения образности и эмоциональности, а также необходимости поиска баланса между точностью перевода и сохранением стихотворно-ритмической структуры. Именно решение этих проблем и составляет основную задачу интерпретаторов, работающих с оригинальными поэтическими текстами, содержательная сложность которых во многом определяется жанрово-стилевой направленностью. Нетрудно предположить, что каждая из стихотворных интерпретаций того или иного произведения может быть уникальной и неповторимой, являясь своего рода отражением особенностей авторского мировосприятия, менталитета, предпочтений в выборе тех или иных средств создания стилистической образности. Ведь создавая свой оригинальный вариант, каждый переводчик стремится не столько к точности передачи смыслового содержания, сколько к полноте творческого самовыражения, что проявляется в широкой вариативности рифмы, метрического рисунка, мелодики, ассонансов и т. д. [1]. В целом, процесс стихотворного перевода с английского на русский язык представляет собой постоянный поиск баланса между точностью перевода и сохранением ритмометрической структуры, передачей оригинальной образности и эмоциональности [3]. Все это делает сего настоящим творчеством, результатом которого является созданием новых произведений искусства.

Среди британских авторов, наиболее популярных и востребованных российскими переводчиками, особое место занимает Р.Бернс, шотландский поэт, романтик, фольклорист, эпиграмматист, сатирик, песенник. Основная сюжетная линия, проходящая через его произведения – возвышение человеческих качеств и души над богатством и славой. Читатели, знакомые с творчеством Р.Бернса, во многом благодаря переводам блистательного мастера слова С.Я. Маршака, отдают должное простоте выражения, искренности, высокой эмоциональности, внутреннему драматизму, характерным для многих авторских стихов, поэм, сонетов, элегий, песен и т. д. Одним из известных лирических стихотворений можно по праву считать произведение «A Red, Red Rose», известное в переводах на русский язык таких известных мастеров слова, как: С.Я. Маршак (1887-1964), И. М. Ивановский (1932-2016), Т.Л. Щепкина-Куперник (1884-1952), Е.Д. Фельдман (род. в 1948 г.) и многих других [4]. Для того чтобы в достаточной мере оценить широту творческой палитры и степень самобытности поэтического стиля различных авторов-интерпретаторов, мы решили выполнить в своей работе сравнительный анализ несколько вариантов перевода этого стихотворения, оригинальный текст которого звучит следующим образом:

A Red, Red Rose

O MY Luve 's like a red, red rose
That 's newly sprung in June:
O my Luve 's like the melodie
That's sweetly play'd in tune!
As fair art thou, my bonnie lass,
So deep in luve am I:
And I will luve thee still, my dear,
Till a' the seas gang dry:
Till a' the seas gang dry, my dear,
And the rocks melt wi' the sun;
I will luve thee still, my dear,

While the sands o' life shall run.
 And fare thee weel, my only Luve,
 And fare thee weel a while!
 And I will come again, my Luve,
 Tho' it were ten thousand mile [5, с. 127].

В качестве материала для сравнения нами использованы интерпретации российских поэтов-переводчиков С. Я. Маршака, Т. Л. Щепкиной-Куперник, а также приводится наш собственный пробный вариант, выполненный по типу буквального перевода, представленные ниже.

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник	Перевод С. Я. Маршака
<p>«Любовь моя— алая, алая роза, В июньский расцветшая зной; Любовь моя—нежная, нежная пес- ня, Мелодии звук неземной! О, как ты прекрасна!.. Как страстно люблю я! Живу я, любовью горя; И буду любить я тебя, дорогая, Пока не иссохнут моря. Пока не иссохнут моря, дорогая, И в жар не растает скала!.. Пока в часах жизни песок утекает, Ты вечно мне будешь мила! Прости же, любовь моя, свет мой единый, На время с тобой расстанусь: Хотя б из-за тысячи миль, дорогая, Но всё же к тебе я вернусь!» [6].</p>	<p>«Любовь, как роза, роза красная, Цветёт в моем саду. Любовь моя – как песенка, С которой в путь иду. Сильнее красоты твоей</p> <p>Моя любовь одна. Она с тобой, пока моря Не высохнут до дна. Не высохнут моря, мой друг, Не рушится гранит, Не остановится песок, А он, как жизнь, бежит... Будь счастлива, моя любовь, Прощай и не грусти. Вернусь к тебе, хоть целый свет Пришлось бы мне пройти!» [6]</p>
<p>Собственный перевод</p> <p>«О, моя любовь как красная-красная роза, Которая вновь появилась в июне О, моя любовь как мелодия, Которая сладко играет в гармонии. Как ты боишься, моя красивая девушка, Я так глубоко влюбился И я буду любить тебя до тех пор, моя дорогая, Пока не высохнут все моря Пока не высохнут все моря, моя дорогая И камни не растают от солнца. И я буду любить тебя до тех пор, моя дорогая Пока пески жизни будут бежать И прощай, моя единственная любовь, И прощай на некоторое время И я приду снова, моя любовь, Даже если между нами будет десять тысяч миль!»</p>	

Нетрудно заметить, что в последнем случае использован прием дословного перевода, т. е. буквализма, результатом которого стали потеря ритмичного слога и рифмы, но сохранение оригинальной идеи. Иначе говоря, выполненная нами интерпретация полностью передает замысел автора, но не является стихотворной. Тем не менее, при отсутствии рифмы, в ней сохраняются ритмический рисунок и ассонансы, а поэтому ее можно считать белым стихом. В то же время, стихотворный перевод С. М. Маршака, выполненный с использованием подстрочника, отличается сохранением ритмики, мелодики, оригинального стиля, с применением приема интерпретации. Автор использует и прием модуляции, т. е. замены некоторых фраз на близкие по значению, равно как и эллипсис, т. е. опущение некоторых строк, например: «And fare thee well a while!». Гиперболы в последних строках стихотворения он представляет по-своему, но при этом не искажает смысловую линию, заложенной Р. Бёрнсом. Приведенная ниже таблица дает возможность увидеть это в деталях:

Оригинальный текст	Подстрочный перевод	Использованные приемы
O, my luvе is like a red, red rose, That's newly sprung in June.	Любовь, как роза, роза красная, Цветёт в моем саду.	Сравнение, анафора, опущение
O, my luvе is like a melody, That's sweetly played in tune.	Любовь моя – как песенка, С которой в путь иду.	Сравнение, анафора, опущение
As fear art thou, my bonny lass, So deep in luvе am I,	Сильнее красоты твоей Моя любовь одна.	Модуляция, метафора, опущение
And I will luvе thee still, my dear, Till all the seas go dry.	Она с тобой, пока моря Не высохнут до дна.	Гипербола
Till all the seas go dry, my dear, And the rock smelt with the sun!	Не высохнут моря, мой друг, Не рушится гранит,	Модуляция, гипербола
And I wil luvе thee still, my dear, While the sand sof life shall run.	Не остановится песок, А он, как жизнь, бежит...	Сравнение, опущение
And fare thee well, my on- ly luvе, And fare thee well a while!	Будь счастлива, моя любовь, Прощай и не грусти.	Метафора, опущение
And I will come again, my luvе, Through it were ten thousand mile!	Вернусь к тебе, хоть целый свет Пришлось бы мне пройти!	Гипербола, метафора, опущение

Что касается стихотворного перевода Т. Л. Щепкиной-Куперник, достаточно близкого к оригиналу, также выполненного с помощью интерпретации, то ее текст, в основном, соответствует ему по смыслу, рифме и стилистическим особенностям. Автор использует стилистические средства (гиперболы, метафоры и др.), характерные для текста Р. Бернса, но меняет слог строф, что несколько отличает интерпретацию от перевода С. Я. Маршака. Все это также отражено в нижеприведенной таблице:

Оригинальный текст	Подстрочный перевод	Использованные приемы
O, my luve is like a red, red rose, That's newly sprung in June.	Любовь моя – алая, алая роза, В июньский расцветшая зной;	Метафора, лексическое добавление
O, my luve is like a melody, That's sweetly played in tune.	Любовь моя – нежная, нежная песня, Мелодии звук неземной!	Метафора, эпитет
As fear art thou, my bonny lass, So deep in luve am I,	О, как ты прекрасна!.. Как страстно люблю я!	Лексическая синонимия
And I will luve thee still, my dear, Till all these as go dry.	Живу я, любовью горя; И буду любить я тебя, дорогая, Пока не иссохнут моря.	Метафора, гипербола, анафора
Till all these as go dry, my dear, And the rocks melt with the sun!	Пока не иссохнут моря, дорогая, И в жар не растает скала!..	Анафора, гипербола
And I will luve thee still, my dear, While the sand of life shall run.	Пока в часах жизни песок утекает, Ты вечно мне будешь мила!	Лексическое добавление, метафора, гипербола
And fare thee well, my only luve, And fare thee well a while!	Прости же, любовь моя, свет мой единый, На время с тобой расстанусь:	Лексическое добавление, метафора
And I will come again, my luve, Through it were ten thousand mile!	Хотя б из-за тысячи миль, дорогая, Но всё же к тебе я вернусь!	Гипербола, метафора

В целом, результаты проведенного нами обзорного сравнительного анализа оригинального и переводного поэтического материала дают основание полагать, что при всем многообразии возможных интерпретаций одного и того же стихотворного произведения, каждая из них всегда сохраняет изначальные: основную идею оригинала, его посыл и черты его стиля. В то же время, любой автор-интерпретатор, стараясь изначальным образом найти возможные соответствия оригинальных

форм и содержания, всегда использует собственные приемы, делающие его переводы уникальными и самобытными. Вполне очевидно, что перевод любого художественного текста, а тем более стихотворного, представляет собой очень трудоемкий процесс, для реализации которого необходимы особые навыки и знания. Именно поэтому для достижения успеха в таком сложном деле, как перевод иноязычного поэтического текста, необходимо постоянно расширять свой литературоведческий кругозор, словарный запас, искать новые выразительные формы и стилистические приемы. Все это помогает создать свой собственный образный стиль, при этом оставаясь верным оригинальному авторскому замыслу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Д. Д., Ламзова И. Д. / Д. Д. Абрамова, И. Д. Ламзова. Особенности перевода стихотворных произведений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – М., 2016. – Т. 11. – С. 731-735. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86158.htm>.
2. Алексеева И.С. Профессиональный тренинг переводчика : учеб. пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева. – СПб. : Союз, 2001. – С.67-95.
3. Бархударов Л. С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе / Л. С. Бархударов // Тетради переводчика. – М. : Международные отношения, 1984. – С. 34-78.
4. Романенко Е. А. Проблемы перевода поэтических текстов / Е. А. Романенко // Филологические науки. – М., 2016. – С.36-47.
5. R. Burns` poems. – М.: Художественная литература, 2009. –296с.
6. Литрес : сайт. – URL: <https://www.litres.ru/book/robert-berns-6007795/stihotvoreniya-18559240/chitat-onlayn/>

ДК 81-26.347.78.034

Сушко Анна Юрьевна
студентка 4 курса,
факультета межкультурных
коммуникаций,
Минского государственного
лингвистического университета,
г. Минск, Беларусь

Anna Sushko
4th-year student,
Faculty of Intercultural Communication,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
sushkoanna553@gmail.com

БЕЛОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: КУЛЬТУРА И БЫТ ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам перевода с белорусского языка на английский язык, возникающих при описании культуры и быта белорусской деревни, на примере анализа лингвокультурных особенностей книги А. Саченко «Да бабулі на вёску». Представляет интерес разнообразие способов и приемов перевода белорусских реалий из двух тематических групп: флора и быт жизни в белорусский деревне. Показано, в каких случаях переводчик прибегает к необходимости использовать описательный перевод при передаче реалии с белорусского языка на русский.

Ключевые слова: реалия; культура; белорусская культура; перевод реалий.

A BELARUSIAN VILLAGE: ITS CULTURAL AND EVERYDAY LIFE FROM THE PAST TO THE PRESENT

Abstract: The article is devoted to the problems of translation from Belarusian into English that arise when describing the culture and everyday life of the Belarusian village, based on the analysis of the linguacultural features of the book “Back to the Grandma in the Village” by A. Sachenko. The cases of using the descriptive way of translating the realias are dwelt upon in the article as well.

Key words: realia; culture; Belarusian culture; translation of realias from Belarusian into English.

В современном мире, где глобализация значительно влияет на культуру, каждой нации важно сохранять свою идентичность. Изучение белорусской культуры помогает нам понять, кто мы такие, откуда мы произошли и что делает нас белорусами. Осознавая свою культуру, мы становимся более ответственными за ее сохранение и развитие. Это помогает нам чувствовать гордость за свою страну и свой народ.

Белорусская культура – это сложный и прекрасный узор, сотканный из восточнославянских, западноевропейских и собственных, неповторимых нитей. Погружение в этот узор позволяет нам прикоснуться к истокам белорусского народа, понять его душу, ценности и традиции.

Реалии белорусской жизни – это не просто предметы обихода, а живое отражение идентичности народа, его исторического пути, географических особенностей, культурных ценностей и социального строя. Именно они формируют неповторимый облик белорусской нации.

В современном мире, стремящемся к межкультурному диалогу, появляется потребность в более глубоком понимании культур различных народов, включая белорусский народ, имеющий свою историю, традиции и культуру, немало повидавший радостных и горестных событий на протяжении многих веков.

Актуальным остается вопрос передачи с одного языка на другой культурных особенностей в литературе, в частности реалий как элементов культуры и быта, уникальных для определенного народа. Передача реалий белорусской сельской

культуры и быта представляет собой особую сложность, так как многие из них не имеют аналогов в других культурах.

Целью работы является описание особенностей передачи реалий белорусской культуры и быта на английский язык.

Исследование опирается на книгу белорусского автора Александра Ивановича Саченко «Да бабулі на вёску», изданную в 2017 году [1]. Данное произведение предоставляет богатый материал для анализа специфики культуры и быта белорусской деревни. Автор, используя нарративную структуру повествования от лица юных персонажей (Павлинки и Михаськи), воссоздает целостную картину жизни белорусского села, включающую описание традиционных занятий, обрядов, орудий труда, предметов материальной культуры, природного окружения, кулинарных традиций и праздничных ритуалов. Подчеркивается, что многое из материального культурного наследия прошлого сохранилось и в настоящем.

Важно отметить, что в лингвистике существует несколько подходов к определению термина «реалия». Термин «реалия» имеет латинские корни, происходя от слова “realis” – вещественный, действительный [2]. Это означает, что слово «реалия» является заимствованным в русском языке. Важно отметить, что термин «реалия» имеет несколько значений, и толкуется в различных источниках по-разному. Часто это понятие связывается с жизнью людей, отражая их особенности и быт. В частности, С. Влахов и С. Флорин, авторы монографии «Непереводимое в переводе», рассматривают реалии как особую группу языковых единиц, обозначающих специфические для определенной культуры объекты, явления, понятия, отсутствующие в других культурах. Авторы подчеркивают национально-историческую окраску реалий и необходимость специального подхода к их переводу [3, с. 55]. В отличие от этого, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет реалию как «единичный предмет, вещь, то, что есть, существует» [4, с. 786].

В нашей работе под реалией будем понимать любой элемент действительности, который отражает специфику жизни, быта, традиций, обычаев, верований, истории, искусства, политики, географии и др. конкретной страны или народа, в нашем случае, Беларуси, и имеет свое наименование в языке.

Множество определений понятия «реалия» отражает отсутствие единого мнения среди ученых относительно того, какие явления можно отнести к категории «реалии». Соответственно, существуют различные основания для классификации реалий. Так известный ученый и лингвист Г. Д. Томахин основывается только на экстралингвистическом факторе – тематических (предметных) ассоциациях, так как основным критерием их выделения является фактор семантический, выявляемый в сопоставлении с лексикосемантической системой другого языка [5, с. 239]. Он выделяет следующие группы реалий: Этнографические реалии. Реалии быта. Речевой этикет и нормы поведения. Географические реалии. Ономастические реалии.

По тематическому принципу нами были отобраны реалии, которые мы разделили на две большие группы: этнографические и природные. Среди этнографических реалий выделяем следующие группы: реалии быта, пища/напитки и праздники/обряды/символы. В группе природных реалий выделяем реалии флоры и фауны.

Из фрагментов проанализированного материала самая многочисленная группа относится к реалиям флоры (40%), реалии быта составляют 32%, пища/напитки – 12%, праздники/обряды/символы – 12%, реалии фауны (4%).

Остановимся на описании нескольких примеров перевода реалий белорусской культуры на английский язык. Одной из реалий, относящихся к белорусской флоре, является слово *парэчки* – в переводе на русский язык ‘красная смородина’ / на английский

язык ‘red currants’ – растение, плоды которого являются съедобными ярко-красными ягодами, которые имеют кисло-сладкий вкус и часто используются в кулинарии. В данном случае слово *парэчки* переводится на английский язык как ‘red currants’ способом калькирования, с использованием косвенного перевода через русский язык. Данная реалия переведена с учетом ее прямого значения в белорусском языке.

Бяроства ‘birch bark’ – верхний слой берёзовой коры. Английский эквивалент ‘birch bark’ является лексическим соответствием, точно передающим значение, поэтому используем данный вариант перевода.

Лыка ‘bast’ – ‘the fibrous inner bark of trees’ – кора молодой липы или другого дерева в виде узких полос, из которых изготавливают лапти (низкая обувь, распространённая в Восточной Европе и на Руси в старину, и бывшая в широком употреблении в сельской местности до 1930-х годов, сплетённая из древесного лыка). В качестве лексического соответствия прибегаем к варианту перевода ‘bast’, но поскольку лыка может быть совсем не знакомо англоговорящей аудитории, добавление пояснения о его природе делает перевод более информативным.

Бярозавік русс. ‘березовый сок’ / англ. ‘Birch sap / Byarozavik ‘Sweet drink made from transparent liquid, which is collected in spring from birch’ – сладковатый напиток из прозрачной жидкости, которую весной собирают из берез. Один из вариантов перевода, может быть, представлен при помощи калькирования через косвенный перевод, однако, для более полного понимания значения слова лучше использовать транслитерацию с описательным способом перевода.

Млын ‘mlyn / mill’ – постройка с приспособлениями для помола зерна. ‘Mill’ является общеупотребительным словом для обозначения мельницы, что делает прямой перевод уместным, однако, вариант транслитерации является возможным.

Жорны ‘millstones’ – приспособление для ручного помола зерна; ручная мельница. ‘Millstones’ точно передает значение и является общеупотребительным словом, поэтому прямой перевод с лексическим соответствием уместен.

Глазура ‘glaze’ – специальное покрытие, которое наносят на керамические и глиняные изделия перед обжигом, чтобы придать им эстетичный внешний вид, защитить от влаги и механических повреждений. В данном случае перевод *глазура* на английский как ‘glaze’ является прямым эквивалентом, поскольку исходное слово и его перевод относятся к одной и той же области и имеют идентичное значение.

Кашэль – большая плетеная сумка. На английский язык передадим с помощью описательного перевода, по модели «прилагательное + существительное», поясняя способ изготовления сумки или ее материал ‘big woven bag’.

Калыска ‘cradle’ – небольшая плетеная или деревянная колыбелька, в которой укачивают младенца. Данная реалия существует и в английском языке, поэтому используем прямой перевод с лексическим соответствием.

Пацёркі ‘patserki, ‘traditional beaded jewelry’ – обработанные кусочки янтаря, коралла, стекла, камня и т. п., с отверстиями посередине для продевания, а также украшения в виде нанизанных на нить шариков или мелких предметов другой формы, которые носят на шее. Описательный перевод ‘traditional beaded jewelry’ вместе с транскрипцией помогает читателям понять, о каком виде украшений идет речь.

Для перевода проанализированных реалий из фрагментов книги Саченко А. И «Да Бабулі на вёску» нами были использованы следующие способы: транслитерация; смешанный перевод: транслитерация + описательный перевод; смешанный: транскрипция + описательный перевод; описательный перевод; словарное соответствие; калькирование.

Чаще других способов передачи белорусских реалий на английский язык используется словарное соответствие (47%), особенно при переводе реалий флоры и фауны, однако для реалий, не имеющих эквивалента, чаще используется описательный способ перевода (21%) или смешанный способ, включающий в себя описание (транслитерация + описание (11%) или транскрипция + описание (7%). На калькирование и транслитерацию приходится по 7%.

Полученные результаты подтверждают, что адекватный перевод реалий на английский язык требует от переводчика не только владения языковыми средствами, но и глубокого понимания культурного контекста, чтобы обеспечить точную и доступную передачу смысла и колорита оригинала для англоязычного читателя. Выбор переводческой стратегии должен быть осознанным и оправданным, с учетом конкретных условий и целей перевода.

Перевод реалий остается сложной задачей, требующей от переводчика не только лингвистических компетенций, но и глубоких знаний культуры и языка источника и целевого языка. Необходимость передачи колорита исходного текста, несмотря на наличие безэквивалентной лексики, предъявляет высокие требования к профессионализму переводчика и побуждает к поиску новых, более эффективных стратегий перевода, включая комбинацию различных приемов, таких как транскрипция, транслитерация, описательный перевод, использование культурных эквивалентов и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саченко, А. И. Да бабулі на вёску / А. И. Саченко. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2017. – 88 с.
2. Реалия // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/realiia-0db617?ysclid=m47ku5p5eh519234769>. – Дата доступа: 26.10.2024.
3. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин Моногр. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1986. – 416 с.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Изд. 18-е. – М.: Русский язык, 1986. – 786 с.
5. Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы / Г. Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1988. – 239 с.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАТЕГИИ ДОМЕСТИКАЦИИ И ФОРЕНИЗАЦИИ В ПЕРЕВОДЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК <i>Бабосова Алеся Сергеевна</i>	3
О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ <i>Водейго Полина Юрьевна</i> <i>Гильди Александра Дмитриевна</i>	7
О ПРОБЛЕМЕ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ <i>Вострикова Алеся Романовна</i> <i>Гильди Александра Дмитриевна</i>	11
КРУЧСКИЙ (БААЗДУЛ КРОТОЛЬ) КАК НОВЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК <i>Гриценко Виталий Николаевич</i>	15
СПЕЦИФИКА АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ «WEDDING» – «ВЯСЕЛЛЕ» <i>Дорошевич Юлия Тимофеевна</i>	20
О ПРОБЛЕМАХ ПЕРЕВОДА ПРИ ДУБЛИРОВАНИИ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОВ <i>Захарова Елизавета Евгеньевна</i> <i>Леонидова Анастасия Алексеевна</i>	25
ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПЕРЕВОДА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ (на примере пресс-конференции президента Российской Федерации Владимира Путина по итогам саммита БРИКС) <i>Иванчик Алеся Жановна</i>	29
СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В РАССКАЗАХ А. К. ДОЙЛЯ <i>Каранкевич Дарья Денисовна</i>	33
ЭТНОКУЛЬТУРОНИМЫ В ТЕКСТАХ О ВЯЗАНИИ И ИХ ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ <i>Князева Юлия Сергеевна</i>	40
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Э.БИШОП) <i>Комина Александра Александровна</i> <i>Джураева Ирина Алексеевна</i>	45
ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В МИФАХ О МИНСКЕ <i>Лащинина Ярослава Дмитриевна</i>	52
ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРНОГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭМЫ Ш. БОДЛЕРА «BÉNÉDICTIION») <i>Лихачева Елизавета Ивановна</i>	56

ЯЗЫКОВЫЕ И НЕЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИМИДЖА УСПЕШНОГО ЧЕЛОВЕКА <i>Максименко Ангелина Дмитриевна</i>	66
ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ВЕРБАЛЬНЫХ КОРРЕЛЯТОВ GARDEN – САД В ПАРЕМИЯХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ <i>Мироненко Ксения Вячеславовна</i>	70
ОСОБЕННОСТИ ЗАКАДРОВОГО ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ВИДЕО <i>Сидорко Виктория Александровна</i>	75
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА ОРИГИНАЛЬНОЙ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Р.БЕРНСА) <i>Слепцова Юлия Сергеевна</i> <i>Джураева Ирина Алексеевна</i>	79
БЕЛОРУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: КУЛЬТУРА И БЫТ ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ <i>Сушко Анна Юрьевна</i>	85

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Сборник научных статей по итогам круглого стола
Минск, 24 декабря 2024 г.

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *О. В. Железнякова*
Компьютерная верстка *К. Г. Гавриченко*

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 38200000064344 от 10.07.2020 г.

Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.